

Сюда, на расчистку днепровских плавней, она приехала по оргнабору с партией карпатских лесорубов...

К рассказу Олеся Гончара «Маша с Верховины».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

26 (1619)

22 ИЮНЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Маша с Верховины

Рассказ

Олесь ГОНЧАР

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Сюда, на расчистку днепровских плавней, она приехала по оргнабору с партией карпатских лесорубов, которых держалась и сейчас, хоть никому из них не доводилась ни женой, ни возлюбленной.

«Маша-венгерка» звали ее в плавнях. И когда после работы парни-лесорубы из урочища Темного приходили купаться к плавневой речке Бузулук и шутливо заводили на том берегу:

Ой, венгерко, венгерко, венгерко,
Позич менi люстерко, люстерко... [1],—

то каждый, конечно, понимал, что поется это о ней, о Маше с верховинского лесхимзавода.

Самым близким человеком Маше была подруга Стефа, вместе с которой Маша и завербовалась сюда, на днепровские работы. Казалось непонятным, что могло их так сблизить — задорную, всегда веселую Машу и эту Стефу, угрюмую, отяжелевшую блондинку. Однако были у них какие-то свои тайны, свои секреты.

В Запорожье, в трест, завербованные добирались по железной дороге. Сопровождавший их вербовщик всю дорогу уверял девчат, что вот «вдарит телеграмму», и встретят их с музыкой, но в час приезда никакой музыки не оказалось, в тресте завербованным пришлось долго ждать какого-то начальника, а когда тот наконец прибыл, то вышло так, будто бы они же еще и виноваты.

— Вас фронт работы ожидает, а вы тут время транжирите, сколько человеко-единиц теряем!

Маше не понравились его «человеко-единицы», и она насмешливо спросила, что это должно означать, но такая вольность обидела начальника, и он, нахмурившись, приказал немедленно отправлять всех на место разработок.

На автобусной остановке местные жители с почтительным любопытством оглядывали лесорубов — их тайстры [2], вышитые кептарики [3] и черные горские капелюхи-кресани [4] на мужчинах. А когда подошел автобус, всех закарпатцев с их инструментом пропустили вперед без очереди, будто какую-нибудь делегацию.

На следующий день они очутились в плавнях, на далеком, глухом урочище Волчиха. Впрочем, Волчихой оно именовалось раньше, а сейчас в нарядах леспромхоза означалось просто как «квадрат восемнадцатый». Пуща, глухомань... Ах, попался бы тут Маше под руку этот пьяница-вербовщик, посуливший девчатам золотые горы! Был обещан сказочный город-новостройка над Днепром, жизнь городская, веселая, а вместо этого — корми плавневых комаров да слушай каждый вечер лягушечьи концерты.

«И в этой яме жить? — не раз думала Маша, с тоской вспоминая горы, смолисто-уксусный запах родного завода.— Одуреть можно!»

Удивительно, что до сих пор не убежала отсюда. Если б убежала, может, с облегчением вздохнул бы товарищ Писанка, мастер участка, которому с каждым днем становилось все труднее с этой упрямой закарпатской дивчиной. Вот она идет навстречу, озорно поблескивая глазами, что-то уже замышляя.

— Дело к вам, товарищ мастер!

— Слушаю, Маша!

— Таскать колоды — женское ли это занятие? Женщина — ведь существо хрупкое.— Маша игриво поводит плечом.— Ей это вредно.

— А кому это на пользу?

— Вот было бы на пользу вашему животу...

Фыркают, выглядывая из палаток, девчата. Мастер, кинув взгляд на свое округлое брюшко, которое свисает вниз, словно засунутый под рубаху арбуз, принужденно улыбается.

— Дался тебе мой живот!

— Не о нем речь. А вот что на тяжелую работу больше не пойду, это я говорю вам точно.

Товарищ Писанка разводит руками.

— На тяжелую не хочешь, иди на легкую.

— И на легкую не хочу. Что на легкой заработаешь?

— Вот напасть! — чешет затылок товарищ Писанка.— Так куда ж мне тебя послать?

— Пошлите хворост жечь, я еще там не была. Я люблю костры разводить.

И разве ей откажешь? Пускай идет, ведь если сказать правду, то мастеру, хоть возраст у него и солидный, все же хочется, чтоб эта взбалмошная верховинка была им довольна.

И теперь самые высокие в плавнях костры — это ее, Маши. Сжигает с девчатами плавневые отходы, очищает дно будущего моря, и, должно, работа пришлась-таки ей по нраву, потому что в табор она возвращается в приподнятом настроении, будто и не устала совсем.

Выкупавшись после работы, надев, как для танцев, свои модельные, Маша не спеша прохаживается у палаток, словно все ждет кого-то. Даже товарищу Писанке приятно смотреть,

[1] Ой, венгерка, венгерка, венгерка,
Одолжи мне зеркальце, зеркальце...

[2] Торбы (зап. укр.).
[3] Меховые безрукавки (зап. укр.).
[4] Шляпы (зап. укр.).

вот так прогуливается на высоких ...ах: и собой хороша, и походка легкая, ...ья... Непонятно, кого она ждет, для кого ...ряжается в этот предвечерний час. Ухажеров тут хватает, но Маша уже не раз давала отпор то одному, то другому, а особенно буфетчику, дебелому мужчине, который упорнее других к ней приставал, настойчиво заводя в ее присутствии речь о том, что решил наконец построить свою собственную крепкую семью.

— Стройте, кто же вам не дает,— весело отзывалась на это Маша.— Только, говорят, за вами уже не один алиментный лист гоняется... Ведь гоняется, да? — спрашивала она под общий хохот.

Однажды Маша получила письмо. Обрадованная, просиявшая, сбежала она к реке, принялась читать, но, видно, письмо оказалось не таким, какого Маша ждала: прочитав, она в сердцах тут же порвала его на мелкие клочки и бросила в воду.

В ту ночь — слыхали девчата в палатке — плакала Маша, уткнувшись в подушку.

— Чего ты? — подсела к ней Стефа.— Еще плакать о них... Да я бы на твоем месте, при твоей красоте!.. Они бы у меня плакали, а не я!

Маша, видимо, думала не об этом.

— Разве ж это любовь?! — с болью в голосе заговорила она.— Такое написать... А я ведь столько ждала этого письма! Одна ругань, одни оскорбления...— Проглотив слезы, она почти выкрикнула: — Ну, а если так, не видать ему больше меня!

— Еще найдешь по сердцу,— утешала подруга.— Слышишь, вон ребята за Бузулуком поют, песней тебя вызывают...

И правда, из-за реки доносились веселые голоса: это парни из урочища Темного, несмотря на поздний час, пришли к Бузулуку купаться и горланили свою любимую песню про венгерку.

— Дурачатся,— сказала Маша, прислушиваясь.

— Кто дурачится, а кто и нет. Разве мало тут таких, что рады были б за тобой поухаживать?

— Что ж, пусть.— Заложила руки под голову Маша.— Свободна я теперь, и каждому вольно за мной ухаживать.

* * *

Палатки восемнадцатого участка издалека видны среди свежей открытой вырубки: зеленый лес с его прохладой уже отступил и с каждым днем отступает все дальше, одни толстенные колоды лежат, беспорядочно разбросанные по делянке, будто пали на поле боя. Местный лесник, который иногда заглядывает сюда, преследуя бакенщиковых коз, хмуро укоряет лесорубов:

— Все корчуете? Дорубились до того, что и холодка над головой не осталось? Постойте же, не раз еще пожалеете, помяните мое слово!

Бакенщиковы козы и сейчас тут: им тоже жарко, они в поисках тени забрались в палатку, отведенную под красный уголок, и оттуда из оконца выглядывают их любопытные мордочки.

Солнце стоит почти в зените, земля горячая, кажется, что и голубизна неба тоже раскалилась. У палаток, под сбитым кое-как деревянным навесом, горячо пахнет борщом — люди обедают.

За прилавком буфета хозяйничает буфетчик — рослый бритоголовый мужчина с черными усиками; над ним висит облепленная мухами липучка, и, выпрямляясь, он каждый раз задевает ее лысиной.

Неподалеку с пронзительным железным визгом верещит точило: пока люди имеют дело с борщом, точильщик натачивает им инструменты.

В одну из пауз, когда точило, остановившись на миг, перестало визжать, ухо товарища Писанки (он тоже обедал) уловило другой звук — отдаленный звук директорского глиссера на реке. Выскочив из-за стола, мастер тяжеловатой рысцой бросился к берегу; помощник его, патлатый парень с фотоаппаратом и набитой фотографиями полевой сумкой (он этим тут подрабатывал), побежал следом за мастером.

Из-за поворота реки навстречу им вылетает леспромхозовский глиссер. Перед табором он делает крутой вираж, подняв над собою светлый вихрь водяной пыли, даже небольшая радуга заиграла в ней.

Когда глиссер остановился, кроме моториста Мишки, на берег сошел молодой человек, которого тут мало кто знал,— высокий, худощавый, в фуражке летчика, в поношенном кителе без погон.

— Инструктор райкома Шелюженко,— шепнул Писанке помощник.

— Уже не инструктор,— легко взбегая с берега на холм, улыбнулся приезжий, и, здороваясь, отрекомендовался председателем рабочего комитета леспромхоза.

— Здравствуйте, здравствуйте, пожалуйста! — любезно заулыбался Писанка.— Просим поглядеть, дать свои указания. Видите, как живем: в полотняных хатах!

Полотняный городок пышет жаром. Брезент некоторых палаток с боков приподнят, там видны полуголые люди, отдыхающие после обеда.

У витрины с пожелтевшим номером газеты «Лесная промышленность» Шелюженко приостановился, чему-то улыбнулся, потом, сопровождаемый Писанкой, зашел под навес.

— Здравствуйте, товарищи.

— Здравствуйте.

Исподлобья рассматривая приезжего, застыл буфетчик, положив большие мясистые руки на прилавок; примолкли лесорубы, которые только что встали из-за стола и курили тут же в холодке; стихли и голоса обедавших девчат.

У края стола над миской с горячим борщом сидели Маша и Стефа, ожидая, видимо, когда борщ немного простынет. Стефа с нескрываемым любопытством рассматривала Шелюженко, а Маша только блеснула на него своими белками из-под тонких выгнутых бровей, явно недовольная тем, что приезжий застал ее за таким прозаическим занятием — у миски с борщом, за грубо вытесанным, неуклюжим столом.

Товарищ Писанка, стоя сбоку, увидел, что взгляд приезжего, как, впрочем, взгляд каждого, кто впервые попадал сюда, невольно задержался на Маше, на ее необычно смуглом лице и черных густых волосах, волнами спадающих на плечи. Маша сегодня явно не в настроении: сурова, замкнута. Загорелая рука ее небрежно лежит на столе, и пальцы пощипывают надорванную пачку с печеньем «Украинское».

— Что же это вы, девчата, борщ с печеньем едите? — улыбнулся Шелюженко.

— Приходится! — буркнула Стефа.— Сладко живется, ничего не скажешь.

— А где же хлеб? — обернулся Шелюженко к мастеру.

Писанка поспешил объяснить, что не секрет, дескать, перебои с хлебом бывают, хоть и не его в этом вина.

— Но и не моя же! — сердито подал голос из-за прилавка буфетчик.

— Может, желаете отведать? — предложил Писанка, заметив, что Шелюженко внимательно разглядывает остывающий перед девчатами борщ.— Вы не откажете, девчата?

Стефа, вытерев ложку, положила ее перед Шелюженко. Маша молча подвинула к нему надорванную пачку печенья.

Взяв ложку, Шелюженко взглянул на Машу:

— Ну, а вы?

Она кинула на него взгляд, глубокий, серьезный, словно решалась на что-то необычайное. Потом молча взяла ложку.

И вот они начали есть. Это похоже было на причащение, так не спеша, торжественно действовали они ложками, молча, с какою-то значительностью поднося их к губам, а потом под взглядами присутствовавших, то насмешливыми, то серьезными, осторожно надкусывая печенье. Тихо было вокруг, и только когда они, отложив ложки, переглянулись, мастер позволил себе пошутить:

— Знаете, товарищ рабочком, какая у нас тут, лесорубов, существует примета?

— Какая?

— Когда двое вот так приобщатся из одной миски, мастеру не миновать хлопот: думай уже про отдельную для них палатку...

Маша, смутившись, потемнела от густого румянца, стала как мулатка.

— Чем без толку болтать,— сурово взглянула она на мастера,— лучше бы вон коз из красного уголка повыгоняли: всю вашу агитацию пожуют.

Лесорубы и девчата засмеялись, а помощник мастера и в самом деле бросился выгонять из палатки коз, сердито замахиваясь на них фотоаппаратом.

Чтоб венгерка не добавила чего-нибудь порезче — от нее всего можно ждать! — мастер поспешил завладеть разговором с Шелюженко, начал расхваливать лесорубов. На совесть, мол, работают, подгонять не приходится.

— Особенно эти.— Он показал на столпившихся под навесом гуцулов, которые, несмотря на жару, не разлучались со своими keптариками.— Любят трудиться. Только к гонгу их никак не приучишь, сами себе режим дня установили.

— В чем же он заключается?

— А в том, что только заря загорится, их уже никого в палатках не застанете: рубят, пока прохладно. Днем же, когда жара, спят в лесу, отсыпаются за то, что ночью недоспали. А вечером опять рубят до темноты и на гонг внимания не обращают.

— А то как же? Не баловаться сюда приехали,— заметил пожилой гуцул красивой горской стати.

— Яць Дидук — вожак нашей лучшей бригады,— отрекомендовал его мастер.— Вместо четырнадцати кубов ежедневно по двадцать дает.

Шелюженко с уважением взглянул на гуцула, который с независимым видом попыхивал своей большой резной трубкой.

— Привыкли уже у нас?

— Лесоруб ко всему привычный. Вербоматку, правда, валить труднее, чем смереку[1] или же бук, зато платят красно.

— Зарабатываем по-шахтерски! — весело откликнулся из толпы молодой гуцул с орлиным носом.

— Не потому ли и папиросы «Шахтерские» курите? — пошутил Шелюженко, глянув на закуривающих парней.

— А «Шахтерские» курим потому, что других в буфете не бывает,— стали объяснять лесорубы.— Разве кому жена посылкой «Верховины» пришлет.

Шелюженко достал блокнот и сделал себе в нем какие-то пометки.

— И про кино запишите,— громко сказала Стефа, следя за его карандашом.— Никогда кино не бывает.

— А почему в субботу не поехали? — возразил ей мастер и, обернувшись к Шелюженко, стал объяснять этот субботний случай: — Требуют, дайте, мол, машину, поедем культпоходом в Покровское, в кино. Дал им машину. Так, думаете, поехали? Набилось в кузов столько, что рессоры трещат. Въехали бы на паром, так и паром потопили бы... Шофер говорит: «Половина сойдите!» А кто же сойдет? Ни тот, ни этот не хочет. Так весь вечер и простояли на месте, пели, хохотали в машине до поздней ночи.

— А почему сюда не пришлют передвижку? — стояла на своем Стефа.— Что мы, дикари какие-нибудь? Загнали в чащу, корчуй да корчуй, будто в этом все счастье!

— Такое производство,— возразил мастер.

— Производство! — вдруг отозвалась молчавшая до сих пор Маша.— На производстве и клубы, и лекции, и кино, и волейбол, а тут... По вечерам только и слышишь, как лягушки квакают.

— И от комаров спасения нет,— выходя из палатки, заметил заспанный, взъерошенный шофер Самарский. — На пятнадцатом участке хоть брезент каким-то раствором обрызгали, а у нас сколько ни говори, все как об стенку...

Заинтересованные разговором, из палаток один за другим выбирались растрепанные, с заспанными лицами трактористы, электрики и все теснее обступали Шелюженко. Он заметил, как в сторонке несколько лесорубов, окружив Дидука, уговаривают его, своего бригадира, сказать еще что-то, видно, очень для них важное.

— Про вагоны скажи, про вагоны!

Шелюженко спросил, в чем дело, о каких вагонах речь.

Гуцул выпрямился и, доверчиво глядя Шелюженко в глаза, стал излагать суть жалобы. На заработанные деньги они, лесорубы, закупают хлеб в здешних колхозах и хотят организованно отправить его домой, в Мукачев.

— Закупаем не потому, что там, дома, бесхлебье,— объяснил гуцул, заметив удивленный взгляд Шелюженко.— Просто тут пшеница больно уж хороша, а колхозы охотно продают нам излишки... Когда вербовались, вербовщик обещал, что для отправки хлеба нам помогут достать вагоны, а теперь никто не хочет сушить себе этим голову. Директор обещал, заместитель обещал, а сейчас вот к вам.

«Еще и вы пообещайте»,— так понял Шелюженко слова лесоруба, но из деликатности не сказал.

— Хорошо, мы вам поможем,— подумав, сказал Шелюженко.

Пока он, склонившись над краем стола, записывал, Маша через стол вопросительно, серьезно смотрела на него, на вылинявшую летную фуражку, на сосредоточенное светлобровое лицо с мальчишескими ямочками на щеках. Странным казалось, что даже сейчас, когда он не смеялся, эти детские ямочки все еще не сходили, все еще словно улыбались на его щеках.

Сквозь толпу лесорубов к Шелюженко стал пробираться буфетчик.

— Сейчас спросит, имеет ли он право строить тут свою крепкую здоровую семью,— насмешливо бросила одна из девчат.

Но не успел буфетчик заговорить, как от речки донесся звонкий голос моториста Мишки:

— Гляньте: коршун! Коршун на рыбу охотится!

Все высыпали из-под навеса на солнце, остановились на круче у реки. В пустом светлом небе одиноко кружился большой плавневый коршун. Вот он стремглав ринулся вниз, на плес реки, коснулся воды и снова поднялся ввысь с живой рыбой в клюве; она еще билась, трепетала, поблескивая в воздухе.

— Ого, какого сазана схватил! — крикнул мастер и стал рассказывать Шелюженко, как на днях тут разыгралась целая баталия: коршун, бросившись вот так сверху, загнал когти в щуку, но щука оказалась таких размеров, что потащила и пернатого за собою вглубь. Через некоторое время вынырнули оба, свившись в клубок: один захлебнулся, вторая погибла в когтях.

— Довоевались,— хмуро сказал пожилой гуцул, прикуривая у Дидука от его резной трубки.

Неподалеку от Шелюженко стояли в обнимку Маша и Стефа. Задумчиво смотрели они в пространство перед собой, где уже и коршуна не было, а только дрожал прозрачный воздух да танцевали в воздухе шершни... Как будто поддавшись настроению девчат, Шелюженко тоже загляделся в ту сторону, в пустое небо, которое уже по-августовски тускнело на горизонте.

У буфета ударил гонг: пора было на работу.

* * *

Все разговоры в таборе велись в тот вечер вокруг посещения «белобрысого рабочкома», как прозвала Шелюженко Стефа. Выполнит он свои обещания, не забудет ли о пометках, которые делал в блокноте?

— Разве он первый приезжает? Разве ему первому жалуемся? — разглагольствовал буфетчик во время ужина.— Наивный народ! Для него вы человеко-единицы, не больше!

Приятель буфетчика шофер Самарский тоже был настроен скептически.

— Вон дядька Яцько еще и вагонов от рабочкома ждет,— насмешливо кивал Самарский на Дидука.— Ведь ждете, вуйко[2]?

— Жду,— нахмурившись, твердо отвечал гуцул.

Маша, слушая эти разговоры, сама против обыкновения участия в них не принимала,

[1] Пихту.

[2] Дядя (зап. укр.).

молча сидела на пеньке у своей палатки. Можно было подумать, что ей нет никакого дела ни до посещения рабочкома, ни до въедливых разглагольствований буфетчика и Самарского. Просто сидит и смотрит на угасающий за плавнями закат. А между тем ей почему-то очень хотелось, чтобы Шелюженко сдержал свое слово, чтобы остались в дураках этот амнистированный буфетчик и его подпевала.

Утром, еще до восхода солнца, в табор прибыла машина с горячим, прямо из пекарни, хлебом, а позже привезли свежие газеты, и хоть это, может быть, просто так совпало, но Маша сразу приписала все Шелюженко: это он, он!

И почувствовала в душе что-то похожее на гордость за него.

А когда вскоре на участке получили еще и волейбольную сетку с мячом, места для сомнений не осталось — теперь даже Стефа должна была согласиться, что это его, рабочкомовская, забота. И хоть внимание, проявленное Шелюженко, относилось, конечно, к коллективу в целом, Маша воспринимала его заботу так, словно он хотел всем этим — и тем, чтобы хлеб привозили вовремя, и газетами, и волейбольной сеткой — оказать внимание ей, Маше, прежде всего. Почему-то верилось, что и среди своих бесконечных рабочкомовских хлопот он хоть изредка да и вспомнит о ней, вспомнит, как причащались они вот тут борщом из одной миски, закусывая его сладким печеньем.

Волейбольную сетку Маша взялась натянуть сама: ей казалось, что парни делают это слишком медленно. А когда сетка была уже натянута, Маша повытаскивала из палаток всех, даже самых неповоротливых:

— Играть!

Товарища Писанку тоже вытащила из его ханской палатки и, как был, простоволосого, поставила на площадке своим противником.

Что за веселая была это игра! Товарищ Писанка то запутывался, как карась, в сетке, то, бравируя, пробовал отбивать мяч даже головою, один раз на потеху зрителям он с разгона попал сквозь сетку прямо в объятия Маши-венгерки.

Иногда игроки менялись, а Маша, казалось, решила всех переиграть; ее крепкие загорелые ноги сверкали то на одной стороне площадки, то на другой, жаркие цыганские кораллы так и танцевали на шее, казалось, они вот-вот оборвутся и рассыплются по земле.

Вероятно, играли бы до ночи, но приехал кассир, и все бросились получать зарплату.

— Много оторвала? — спросил буфетчик, когда Маша, скомкав деньги, запихала их в свою маленькую городскую сумочку.

— С меня хватит.

— Если не хватит, обратись ко мне.

— А ты мне кто: муж или кавалер?

— А разве плохой кавалер? — Буфетчик залихватски тронул черную щеточку своих усов.

— Никто не спорит: хорош, разъелся, как кот, только мышей не ловишь.

И, помахивая сумочкой, пошла между палаток, как по проспекту.

Происходило это в субботу, и многие из местных, получив зарплату, разъехались по домам. Из всей девичьей палатки остались в таборе только двое: Маша и Стефа.

Перед сном Маша взяла тлеющую головешку, обкурила в палатке дымом, чтобы выгнать комаров, но вскоре их снова налетело полно. Огромные, болотные, они так и впивались в лица.

Раздраженная Стефа, кляня и комаров, и мастера, и плавни, вскоре снова завела разговор о том, что к черту все это, пора бежать. Еще до приезда Шелюженко между ними было решено: дождутся получки и убегут. Подадутся в Каховку, или на другую новостройку, или же обратно к себе, в Карпаты. И вот теперь, когда деньги, сложенные вместе, лежали в Машиной сумочке, Маша вдруг ошеломила подругу неожиданной просьбой:

— Останемся, Стефонька, еще!

Стефа ушам своим не поверила:

— Остаться? Ты передумала?

— Да.

— Но почему? Что, в волейбол наигралась? Что, кино обещают? Да ведь глушь, дебри как были, так и есть! Где-то музыка, танцы, веселье, а наша с тобой молодость тут отцветает!

— Да я уж как-то привыкла. И работа мне по душе.

— Чем не счастье! Все норму давай, все корчуй да корчуй, а плавням и конца не видно.

— Эх, Стефонька! — Маша, вскочив, стала опять выкуривать головешкой комаров.— Разве нормы страшны?.. Если бы я могла заставить одного человека полюбить меня, одна бы все плавни выкорчевала!

* * *

Середина августа. В плавнях цветет синим васильковым цветом железняк. Последний цветок, с которого пчелы берут мед. Утром, только разгорится восток, в небо над плавнями, снявшись где-то со степного аэродрома, устремляются реактивные самолеты. Пролетая быстрее звука, они оставляют за собой ослепительно белую дымовую тесьму. И когда Маша выходит ранним утром из палатки, взор ее раньше всего обращается туда, в небо, к реактивным. Она думает об отважном летчике, который промережевает небо, и все почему-то он предстает перед ней в образе белявого, в пилотской фуражке председателя рабочкома Шелюженко.

Земля в этот ранний час вся в росах, густых, обильных. Синий цвет железняка, папоротник, щавель, заячий холодок, разросшаяся, густая, будто лианами перевитая плавневая зелень и даже черный кабель, что ужом тянется в траве от передвижных электростанций,— все чуть не плавает в это время в росе, и когда Маша идет лесом, то лесорубы, шутя, бросают ей вслед:

— Пошла Маша в росах по пояс...

А днем — жара, повсюду визжат электропилы, с тяжелым шумом падают вековые деревья. Все дальше отступает плавневый лес, все больше открытых, вырубленных делянок. В последнее время в плавни пригнали много техники, на лесных реках понастроили паромы, и теперь всюду можно проехать и пройти. Лесовозы не успевают вывозить распиленное дерево, и его тут же, на лесосеках, укладывают в штабеля, крепят кольями или вяжут в плоты, готовя к будущему половодью. Правда, плавневый лес своеобразный, как строительный материал он малопригоден, и потому лишь часть его идет в штабеля, остальное же — в огонь.

К вечеру все плавни окутываются дымом, на всем их пространстве пахнет гарью и нагретыми за день озерами. Горят облитые мазутом могучие — так называемые *неликвидные* — вербы, горит вырубленный хворост, и там, где костер раскладывает Маша, пламя взвивается выше осокорей. Она любит, чтоб ее костер был выше всех, ей кажется, что тот, кого она ждет, по этому буйному, высокому пламени сразу угадает, где работает она.

Как-то через их вырубку шел грузовик на урочище Темное, и на подножке его, ухватившись за дверцы кабины, стоял Шелюженко. Около девчат грузовик остановился.

Шелюженко, соскочив с подножки, направился к девушкам. Не замечая ревнивого, настороженного взгляда Стефы, он, радостный, веселый, обратился к Маше:

— Я сразу угадал, что это ваш костер.

— Как?

— Приметный. И водитель говорит: самый высокий — это ее, венгерки.

Маше даже жарко стало от его шутки.

— А почему вас так долго не было?

— Да стыдно было появляться, пока вагонов не добыл, как обещал...

— А теперь разве добыли?

— Добыл.

Вагоны эти мало интересовали Машу. Они больше заботили ее пожилых хозяйственных земляков, но известие, что вагоны есть, что он сдержал слово и достал-таки их для лесорубов, обрадовало Машу так, как и сама она не ожидала. Будто для нее он старался, для нее добывал...

Шелюженко разговаривал с нею всего несколько минут, потом, вскочив на подножку грузовика, поехал дальше. Когда машина скрылась в лесу, Маша в радостном возбуждении кинулась к Стефе, сжала ее в объятиях.

— Вот увидишь,— горячо шепнула она подруге,— он приедет опять!

Шелюженко приехал в тот же вечер, возвращаясь с урочища Темного. Лесорубы, пошабашив, собрались у озера, которое еще совсем недавно было лесным, а сейчас лежало среди открытой вырубки, обмелевшее, беззащитное. В нем было полно рыбы, и, чтоб добро не пропадало, мастер организовал коллективный лов. Делалось это просто: засучив штаны, лесорубы во главе с мастером залезали в воду и, хорошенько взбаламутив ее, запускали руки в теплую озерную гущу. Издали можно было подумать, что они выбирают из мутной воды большие белые чаши лилий для девчат, которые толпились на берегу. Однако Писанке и его помощникам лилии были ни к чему, они равнодушно топтали их, а вместо лилий на берег летело что-то тяжелое, как кочаны, только и слышно было: шлеп! шлеп! шлеп!

Это была рыба. Она уже кучами билась на

сухой земле, и девчата, подбирая улов, тут же принимались потрошить рыбу, чистить ее на уху.

Не только Маша, все здесь были рады приходу Шелюженко.

— Не умирала ваша доля! — весело кричал ему из воды Писанка.— Уха будет первый сорт!

— Раз вагоны есть, и уха покажется вкуснее,— вылезая на берег, приветливо подмигнул Шелюженко бригадир лесорубов Дидук.— Ради такого случая и по чарке выпить не грех.

— Может, последняя уха в этих плавнях,— заметил Писанка, выбравшись вслед за лесорубами из воды; и пока девчата хлопотливо готовили уху, он, присев на коряге, стал рассказывать, как прибыл сюда весной с горсточкой первых «десантников», как все здесь было тогда залито водою — не сразу нашли даже островок, где можно было пристать и выгрузить первый трактор, электростанцию, палатки.

— А теперь вот последние озера высыхают, и плавням скоро конец.— В голосе его прозвучало что-то похожее на сожаление.

— Сами рубите и самим жаль? — спросил Шелюженко.

— А конечно, жаль,— согласился мастер.— Кабы моя воля, я б его и совсем не рубил. Разве это лес? Больше в огонь идет, чем в штабеля. А для климата, в борьбе с засухой, этот лес, ого, какую службу служил! На юге это ведь единственный у нас такой лесной массив!

— Но водохранилище-то надо строить?

— Да никто же не говорит. Строй, да с толком. Вырубить проще простого. А чтоб вот помозговать: человек от океана сумел дамбами отгородиться. Та же, скажем, Голландия за своими дамбами ниже уровня моря живет, а мы? При такой силе, при такой технике, когда земснаряды за сутки горы земли намывают, и не применить дамбования, не попробовать спасти эти леса? Нет, не по-хозяйски это, не по-хозяйски.

Дамбы, дамбование — это было что-то новое, над чем Шелюженко до сих пор не задумывался. А что если этот Писанка, который так неприятно поразил его при первом знакомстве своим заискивающим тоном и чинопочитанием, что если именно он рассуждает сейчас как настоящий хозяин? А мы спешим, торопимся, иногда, не разобравшись, рубим с плеча, рубим только потому, что так удобнее, проще инженерам-проектировщикам, а каковы будут последствия...

— Уха готова, просим! — сказала Маша, и Шелюженко, встретившись с ней взглядом, был поражен необычайным блеском ее глаз.

Только стали рассаживаться у чугуна с ухой, как откуда ни возьмись подбежал к лесорубам знакомый пес-кудлай, а вслед за ним подошел и сам его хозяин — лесник Кушугум, суровый, степенный, с ружьем на плече, сохранивший не по годам молодцеватую выправку. Все на нем подтянуто, хорошо пригнано, борода и усы аккуратно подстрижены, на картузе отчетливо поблескивает эмблема — два золотых дубовых листочка. На мгновение все почувствовали себя неловко, будто лесник застал их за каким-то запрещенным занятием. Чтобы скрыть смущение, пригласили его на уху, но лесник не отозвался. Постоял, поглядел на костер, на выпотрошенную рыбу, которую даже не всю использовали для ухи, и молча зашагал через вырубку дальше.

— Чудной человек,— сказал после молчания шофер Самарский, глядя на удаляющегося в сумерках лесника.— Давно бы ему уже переселиться на высшую горизонталь, а он все кружит тут, как сыч, никак расстаться со вчерашним днем не может.

— А тебе бы легко было? — заступилась за лесника Маша.— Столько лет прожить, всю жизнь лес этот беречь, а теперь...

Фигура лесника уже едва виднелась на угасающем фоне заката. Скоро она совсем исчезла, утонув в синих плавневых дымах, стелившихся низко над землей.

— Ну садитесь же, девчата! — скомандовал Писанка, который уже сидел, сложив ноги по-турецки.

Стефа, усевшись первой, ревниво следила, где сядет Маша. А Маша, веселым взглядом окинув круг, не спеша, смело подошла к Шелюженко и, улыбнувшись, села рядом.

* * *

Потом была полная луна в небе и белоснежные лилии на озере, и далеко разносились в плавневом безмолвии задушевные гуцульские песни...

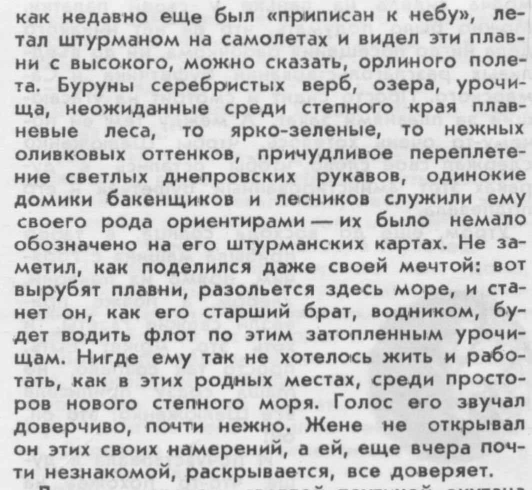
К полуночи постепенно стали расходиться — кто к табору, кто мимо от табора, и у озера остались стоять только двое: Маша и Шелюженко.

Это был их вечер! Светлая, лунная ночь, озеро, тишина будто заколдованных плавней... Не так от чарки за ужином охмелели, как хмелели сейчас от счастья быть вместе, от возможности наконец свободно почувствовать свою близость. С нахлынувшей, неожиданной для себя самой откровенностью Маша рассказывала ему о себе, о горьком своем детстве, которое прошло в карпатской колыбе [1], об отце-бокораше [2], погибшем на Белой Тиссе.

А он, Шелюженко, волнуясь, рассказывал,

[1] Колыба — зимнее жилище лесорубов-гуцулов, без окон, с отверстием в крыше для прохода дыма.

[2] Бокораш — плотогон.

как недавно еще был «приписан к небу», летал штурманом на самолетах и видел эти плавни с высокого, можно сказать, орлиного полета. Буруны серебристых верб, озера, урочища, неожиданные среди степного края плавневые леса, то ярко-зеленые, то нежных оливковых оттенков, причудливое переплетение светлых днепровских рукавов, одинокие домики бакенщиков и лесников служили ему своего рода ориентирами — их было немало обозначено на его штурманских картах. Не заметил, как поделился даже своей мечтой: вот вырубят плавни, разольется здесь море, и станет он, как его старший брат, водником, будет водить флот по этим затопленным урочищам. Нигде ему так не хотелось жить и работать, как в этих родных местах, среди просторов нового степного моря. Голос его звучал доверчиво, почти нежно. Жене не открывал он этих своих намерений, а ей, еще вчера почти незнакомой, раскрывается, все доверяет.

Лунным маревом, светлой паутиной окутана земля. Все вокруг таинственно примолкло. Даже колоды на вырубке лежат, поблескивая, будто живые притаившиеся существа.

Было уже за полночь, когда Шелюженко и Маша подошли к притихшим, погруженным в сон палаткам.

Писанка еще с вечера пригласил Шелюженко к себе ночевать. Маша слыхала это, но теперь, когда они уже стояли рядом с палаткой мастера и оставалось им только проститься, руки Маши вдруг ласково легли ему на плечи:

— Не пущу!

— Почему?

Глаза ее смеялись, но было в них что-то невеселое, отчаянное, даже опасное.

— Убежим отсюда!

— Что ты говоришь, Маша! Куда? Зачем?

— Куда угодно.— Она решительно встряхнула головой.— Лишь бы только вместе: ты и я.

— Это невозможно, Маша. У меня семья, у тебя муж где-то...

— Был, да сплыл!

Как это «сплыл»?

— А так! Пока был в армии, я все его ждала, и сюда вот, может, с тоски по нем вербовалась, а он... Думает, не сама я сюда завербовалась, думает, обманываю его и другой тут спит со мной в палатке! А со мною тут — как на исповеди тебе говорю — никто еще не спал Не верит, ругается в письмах, оскорбляет. Ну а раз так думаешь обо мне, ищи себе другую А я тоже свободна, и буду, кого хочу, любить. Вот хоть тебя!

— Меня?

—Да, тебя.— Она прильнула к нему.— Тебя одного хотела бы в себя влюбить. Ой, как бы хотела!

— Но ведь не свободен я, Маша...

— Освободись! Брось ее, ты мне дороже! Все мне в тебе нравится: и глаза, и голос, и эти вот ямочки на щеках.— Она погладила его ладонью по щеке.— Или ты боишься меня? Над тучами взлетать не боялся, а меня боишься?

— Не боюсь, Маша! — Он крепко обнял ее.

— Так почему же? Пусть буду твоя. Куда хочешь, за тобою пойду, а то даже тут, в плавнях, буду жить с тобою!

Он смотрел на Машу, на ее возбужденное, еще более красивое, чем днем, лицо и с горечью думал: почему, почему не встретилась она ему раньше, когда и он еще был свободен, и мог бы так искренне и чистосердечно ответить на ее чувства? А теперь... Чем он мог ответить ей теперь? Краденой плавневой любовью, которая унизила бы их обоих?

И хоть он ничего ей не ответил, она его поняла без слов. Упала головой ему на грудь и забилась в рыданиях. Он еще нежнее прижал к себе Машу, целовал ее душистые волосы, целовал шею, от которой пахло солнцем, чувствовал соленый вкус ее слез на своих губах.

* * *

Сквозь дыру в палатке мастера Писанки виден кусочек звездного неба. Шелюженко лежит навзничь и, глядя на этот звездный кусочек, с горечью думает о том, как, по существу, неудачно сложилась его семейная жизнь. Женитьба его была случайной и необдуман-

ной. Та, с которой он связал свою судьбу, оказалась женщиной тяжелой, грубой, сварливой. Старше его на несколько лет, она была уже замужем за летчиком из их авиагородка, летчик этот погиб во время несчастного случая. Разница в возрасте не давала ей покоя, она постоянно подозревала Шелюженко в каких-то связях и после устроенных ему сцен сама же бегала жаловаться на него то командиру части, пока жили в авиагородке, то секретарю райкома, когда после демобилизации Шелюженко стал работать в здешнем райкоме. Она требовала, чтоб Шелюженко любил ее, и наивно полагала, что к этому его могут принудить, хоть сама давно уже утратила к мужу настоящее чувство, и если и держалась за него, то больше, вероятно, ради его заработка, ради положения.

У них есть сын, шести лет, но материнской ласки он не видит: мать охотно сбывает ребенка с рук, и мальчик месяцами живет у дедушки с бабушкой — родителей Шелюженко. Она считает Шелюженко неудачником, и то, что его перебросили на работу сюда, в глухой, отдаленный леспромхоз, ей кажется лучшим подтверждением этого.

Город, вернуться в город — было ее настойчивым требованием. Сейчас она жила с сыном тут же, в плавнях, в леспромхозовском «плавучем санатории», как шутя называли на разработках водницкую брандвахту, которая с началом работ была получена от днепровского землечерпального каравана. С месяц назад водники провели эту брандвахту по днепровским рукавам в глубину плавней, и теперь она используется под квартиры леспромхозовского начальства. Брандвахта стоит на якоре в живописном месте: лес, вода, чудесный воздух; другие женщины чувствуют там себя действительно, как в санатории, а она и тут успела перессориться с соседками, и когда Шелюженко возвращается домой, ему каждый раз приходится конфузиться перед ними за ее грубость, бранчливость. Брандвахту она называет не иначе, как гауптвахтой, и самому Шелюженко брандвахта со временем тоже стала казаться чем-то вроде гауптвахты.

И, может быть, именно потому, что такой горькой казалась жизнь на брандвахте, особенно желанной была эта так неожиданно встреченная Маша. Маша! Ему казалось, что еще с юности он мечтал именно о ней, и вот теперь, хоть и поздно, наконец встретил, отыскал ее в жизни. Щедрая, горячая, открытая душа, каким счастьем было бы жить с нею, каким надежным другом была бы она на жизненном пути... А может быть, еще не поздно? Может, как раз время сломать, перестроить все, что было так неудачно построено, и, дав себе волю, откликнуться на ее зов? Все лучшее в его душе всколыхнула, пробудила Маша своим волнующим признанием, своим горячим, страстным зовом, который так необычно, так смело прозвучал среди этой лунной плавневой ночи. Стало ясно, что до сих пор он жил не так, как надо, что надо жить иначе. Но стоило ему представить, какие скандалы поднимет жена при первой его попытке пойти на разрыв, сколько клеветнических заявлений на него посыплется, и все уже словно оборачивалось против него, все уже складывалось так, что потерпевшей будет она, а виноватым останется один он. Но, может, стоит пройти и через это? Пройти ради того, что будет?

Он представил себе Машу: должно быть, как и он, лежит сейчас навзничь в своей палатке и, глотая слезы обиды, думает о его

неожиданном ответе на ее горячее, самозабвенное «Убежим!». А что, если ты напрасно не послушался ее, что, если из-за своего, может быть, ложного понимания долга теряешь сейчас нечто такое, о чем потом будешь жалеть всю жизнь?

Словно в непролазной чаще путались, бились мысли, искало новых путей растревоженное сердце, но и в этом состоянии полного душевного смятения Шелюженко чувствовал себя безмерно счастливым — счастливым, как при первом вылете в небо. Чувство счастья наполняло его от одного сознания, что совсем близко, в нескольких шагах от него, в соседней палатке, есть человек, готовый пойти за ним хоть на край света, человек, о существовании которого он совсем недавно даже не подозревал и который вдруг стал таким близким, незаменимым, дорогим... Только выйди, только тихонько окликни, и она в тот же миг с готовностью выпорхнет к тебе из-под влажной от росы палатки, и уже высокий звездный шатер неба раскинется над вами, над вашей любовью.

* * *

Срочная командировка в управление новостройки заставила Шелюженко на следующий день покинуть леспромхоз. Командировка отняла у него больше недели.

Все это время Маша была сама не своя. Не стало слышно в таборе ее заливистого смеха, пропала охота играть в волейбол, по вечерам приезжало кино, но и ему она уже не радовалась. Рано ложилась спать, хотя слышно было — не спит. «Влюблена!» — перешептывались между собой девчата, и весь табор уже знал об этом и сочувствовал венгерке, только буфетчик при ее появлении злорадно улыбался. А когда он бросал ей вслед старую лесорубскую шутку «Пошла Маша в росах по пояс», это звучало в его устах двусмысленно, нехорошим намеком на ту лунную ночь, которую она провела у озера с Шелюженко.

Словно после болезни изменилась Маша. Похудела, под глазами легли синие тени, но работала с еще большим рвением, чем до сих пор. Ежевечерние костры стали еще выше, еще заметнее среди других — она раскладывала их так, словно хотела, чтобы их было видно за дальними озерами, за темными урочищами, там, где был сейчас он, ее милый...

Однажды после работы она предложила Стефе пройтись, как бывало раньше. Пошли и пошли, и не заметили, как очутились далеко от табора.

Солнце было на закате, а с севера подымалась, заходила темная туча. Вскоре и солнце нырнуло в тучу, и там, где было оно, пылала только бушующая огненная пропасть. Облитые багровым пламенем, рваные тучи лохмато свисали над полосой потемневших плавневых лесов, над пнями пустынных вырубок, навевая неясную тревогу.

— Когда смотришь вот так на закат, всегда почему-то грустно-грустно становится,— сказала Маша и, вздохнув, неожиданно спросила: — Скажи, Стефа, могла бы ты стать матерью чужому ребенку?

Стефа удивилась.

— Что это ты?

Маша настаивала:

— Нет, скажи: могла бы?

— А ты?

— О... Я бы его так любила, так лелеяла!..

Вырубка кончилась, за ней шумела, билась на ветру вербовая чаща, сквозь ветки поблескивала вода. Место было незнакомое, и Стефа предложила вернуться. Но Маша с непонятным упрямством уверенно шла дальше.

— Тут где-то у протоки их брандвахта стоит,— сказала она, и по глазам ее было видно, что приходит она сюда не впервые.

— Зачем тебе брандвахта? — удивилась Стефа.

Маша, не отвечая, пробиралась вперед.

Вскоре сквозь нависающие ветви верб проглянула на воде неуклюжая, обвешанная пеленками брандвахта, похожая больше на плавучий барак. На берегу играли в жмурки дети, то с шумом собираясь, то разбегаясь по кустам.

— Глянь, какой славный! — взволнованно схватив Стефу за руку, показала ей Маша на светловолосого круглолицего малыша, который, заметив их, настороженно застыл неподалеку.— И ямочки на щеках, смотри, даже когда не смеется... Мальчик!.. Как тебя зовут, мальчик?

Малыш, нахмурившись, попятился к брандвахте.

— Ну скажи, как же тебя звать? — взволнованно спрашивала Маша, идя за ребенком и не сводя с него глаз.

— Эй, вы там! Чего пристаете к детям? — послышалось вдруг с брандвахты.

Кричала толстая женщина в цветастом халате, вышедшая снять белье и заметившая Машу со Стефой.

— Своих надо иметь,— продолжала она так громко, словно между ними был километр расстояния.— А то бродят, заглядывают тут, как кукушки! Такие вот и разбивают семьи!

Она говорила еще что-то грубое, оскорбительное, но Маша уже, видимо, не слыхала этих слов. Отступив к Стефе и словно ища у нее защиты, она застыла на месте, пораженная, и неотрывно разглядывала крикунью. «Она! — В глазах Маши появился вдруг недобрый блеск.— Та, что имеет на него законное право, та, что когда угодно может видеть его, называть своим! За что, за что ей такое счастье?»

Женщина не унималась. Размахивая тряпьем, все обличала тех, которые зарятся на чужих мужей, вместо того, чтобы поискать себе неженатых дураков...

— Пойдем! Пойдем! — Стефа дергала Машу за руку.— Охота тебе слушать эту скандалистку. Да провались она!

Так и отступили в чащу, сопровождаемые криками, все еще разносившимися над брандвахтой.

Туча быстро надвигалась, закрывала небо над лесом, пришлось торопиться. Когда подходили уже к табору, Маша вдруг сказала, словно подумала вслух:

— И это к ней он прикован на всю жизнь... Такой орел!

Палатки гудели от ветра: их трепало, дергало, срывая с места.

Рабочие, сбившись под навесом у буфета, смотрели на бурю, идущую над плавнями, и слушали юного гармониста Стася, который недавно купил гармонь и теперь не выпускал ее из рук. Все свободное время пиликал и пиликал, наигрывая одно, а напевая другое:

Ще два рочки я полегінюю,
Потім на венгерці я ся оженю [1].

Весело было тут, одна только Маша весь вечер стояла в сторонке, под столбом, у самого края навеса, не принимая участия в веселье.

[1] Еще два годочка погуляю парнем,
Потом на венгерке женюсь.

Расходясь по палаткам, рабочие все еще видели у столба ее высокую, грустно склоненную фигуру.

* * *

Всю ночь ветер хлопал брезентом палаток, всю ночь гонял тучи по небу, а дождя так и не нагнал. Только пыль поднялась в воздухе такая, что и на другой день стояла над степью, над плавнями.

Песок скрипел у Шелюженко на зубах, когда он в вихрях пыли примчался на мотоцикле к переправе и взялся за трос, чтоб помочь паромщику переправить паром на ту сторону. Стальной, в колючих, оборванных проволоках трос больно врезался Шелюженко в руки, но он тянул так, что в глазах темнело, а сердце дрожало от радостного желания скорее перебраться через реку. Там Маша, там она ждет его, ждет! Оттуда уже словно глядят на него ее возбужденные, радостно блестящие глаза. Блеск ее глаз в ту ночь — это было самым прекрасным, что видел он за всю свою жизнь.

С твердым неотступным решением ехал сегодня Шелюженко на урочище: на этот раз он встретится с Машей, чтоб больше никогда с нею не разлучаться. Решение пришло само собою во время поездки, когда он так много передумал о Маше и еще острее почувствовал счастье, которое она ему принесла.

Уже собираясь домой, Шелюженко случайно встретил на новостройке своего друга-летчика, который еще по авиагородку хорошо знал жену Шелюженко и был искренне удивлен, узнав, что Шелюженко до сих пор с нею не порвал.

— Я был уверен, что ты давно уже решил эту проблему,— сказал товарищ, сочувствуя Шелюженко.— Невыносимый ведь человек!

Они долго разговаривали об этом, и поддержка со стороны друга еще больше укрепила Шелюженко в его решении: друзья его понимают, друзья тоже поддерживают его новое чувство!

Когда паром пристал к берегу и Шелюженко принялся выкатывать мотоцикл, он заметил, что руки у него в липкой крови, в одном месте ладонь чуть не до кости порезана тросом.

— Подождите,— бросился куда-то паромщик,— подорожник надо приложить.

Но Шелюженко не стал ждать. Все то же радостное нетерпение заставляло его торопиться, гнало вперед. Маша своей улыбкой все звала его, звала...

Мотоцикл, подпрыгивая, мчался по разбитой дороге, проложенной на 18-й квадрат. Те ли это плавни? За время его отсутствия все здесь до неузнаваемости изменилось. Вырубки стали шире, лес отступил еще дальше, в прорубленные просветы виднеются Днепр, холмы на том берегу, далекий городишко, а по эту сторону, на песчаной косе, уже виден оголенный домик бакенщика с красными конусами сигнальных знаков, развешанных вокруг него, а там вон, в глубине плавней, забелела на опушке хата лесника, которая до сих пор, как гнездо, пряталась в чаще, теперь же вдруг очутилась на открытом месте. Туда и сюда идут тракторы, лесовозы, заблистало знакомое озеро... А где же костры? Где самый высокий, самый яркий в плавнях костер?

Не видно костров, не дымятся на опушке дымы, не было, как оказалось, и Маши...

— Ищи ветра в поле,— не то сердито, не то виновато сказал встретившийся на опушке Писанка.— Еще вчера были, а сегодня... Пустая постель осталась в палатке после нее да Стефы...

Шелюженко приближался к Писанке с таким видом, будто собирался его ударить.

— Где же она может быть?

Мастер развел руками: кто ее знает! Может, еще сидит со своей Стефой на станции без билета, ведь сорвалась ни с чем, даже кассира не захотела ждать. Может, в Каховку махнули? Стефа как-то проговорилась девчатам, что они с Машей хотели бы научиться работать на этом высоком, что, как журавль,— на экскаваторе то есть. «Мы, верховинки, любим высокое»,— шутила она накануне.

Шелюженко подошел к мотоциклу, тяжело положил свои израненные руки на руль. Заведенный мотор взревел, будто хотел разорваться. Взметнулась, взвихрилась пыль — мотоцикл помчался на станцию.

Станция — это уже в степи, и пыль метет тут еще сильнее. В запыленном скверике, под звенящими на ветру акациями дремлют на узлах какие-то женщины. Шелюженко бросился к ним. Будто от сумасшедшего, испуганно отшатывались они, когда он, пробегая, засматривал им в лица. Не было Маши ни в скверике, ни на перроне. За открытым семафором исчезал хвост товарняка.

В комнате буфета, куда забежал с перрона Шелюженко, сидел, склонившись над кружкой пива, один-единственный пассажир, лесник Кушугум.

Шелюженко бросился к нему с вопросом, не видел ли он двух пассажирок, плавневых девчат.

— Что, убежала? — Лесник насмешливо повел кустистой бровью.— Не сумел удержать? Плохо, значит, держал. Эге! Или, может, это тебе, как наши бабы говорят, за грехи?

— За какие?

— Еще и за какие! Такой лес под нож пустить! Полтораста тысяч гектаров леса уничтожить в наше время — это тебе что? Сажал, берег, за столько лет ни одного лесонарушения не имел, а теперь вы да ваши инженеры такое неслыханное лесонарушение учинили. Судить вас, судить! Новых машин, кусторезов нагнали, все тополечки мои, что в прошлом году сажал, сейчас, как косилками, косят. А я вот поеду и добьюсь, всем расскажу, как вы тут хозяйничаете...— В голосе его послышалась угроза.

С тяжелым сердцем вышел Шелюженко из помещения станции, сел на мотоцикл. Далеко внизу, в огромной, как море, впадине блестят наполовину вырубленные плавни, уходят к горизонту скупо освещенные солнцем с неприветливого, по-августовски потускневшего неба. Только пыль курится над землей, да черные коршуны мечутся в воздухе.

Маша... Где ее теперь искать?

Появилась, чтоб взбудоражить душу, всколыхнуть жизнь и снова оставить с глазу на глаз с окутанными пылью плавнями, с тяжелой брандвахтой, что угрюмо поджидает его на якоре на плавневой речушке Бузулук.

* * *

Вода, вода, вода!

До самых далеких степных балок наполнился ею весь плавневый край. Там, где были реки, переправы, где шумели вековыми вербами урочища Волчиха, Темное, Скарбное, всюду теперь разлилось молодое степное море, бушуя на ветрах, выкидывая в шторм на берег огромные коряги «неликвидных» верб. Море и море — миллионы кубометров пресной воды! Лишь кое-где — напоминанием о прошлом — торчат из воды кусты, потемневшие остатки плавней, которые тогда, очевидно, не успели вырубить и сжечь.

С ранней весны и до глубокой осени идут среди просторов нового моря караваны судов, полные рудой, зерном, камнем из днепровских карьеров.

Вторую навигацию на буксире «Отважный» ходит помощником капитана Шелюженко, водит по новым судоходным трассам баржи-рудовозы. Даже в темную осеннюю ночь, когда крутая, поднятая степными ветрами волна доплескивается до самой палубы, не жалеет он, что выбрал себе этот нелегкий путь. Стоя на мостике и следя за огоньками бакенов в разбушевавшемся ночном мраке, вспоминает, как строилось тут море, как горели плавни и затягивало предвечерними дымами делянки вырубок, урочища, озера.

Давно уже расформирован леспромхоз, куда-то на другие разработки отправился Писанка, а Маша... Маша-венгерка, где она? Прошла стороною, промелькнула зарницей, словно только для того, чтоб осветить его жизнь и, позвав к любви настоящей, большой, навсегда освободить от оков брандвахты.

Живет Шелюженко теперь с родителями, вместе с ними воспитывает сына, которого летом берет с собою в рейсы.

Трасса его лежит через знакомые урочища, где пылали когда-то разложенные Машей костры.

Щемящая боль и тоска ранят сердце, когда проплывает он тут, по знакомым местам, которых едва не касаются днищами его тяжелые баржи-рудовозы. «Верховинка, она любит высокое...» Минуют годы, а Шелюженко все не может забыть ее, все не теряет надежды встретить.

Сквозь штормовой ветер ему как будто слышится ее голос из глубины затопленных плавней, из просторов подводных урочищ. Где-то там, в глубинах, как и в его сердце, продолжают жить и маревые лунные ночи, и теплые плавневые озера, и высокие костры, которые она раскладывала в предвечерний час.

Перевела с украинского
Л. МИХАЛОВСКАЯ.

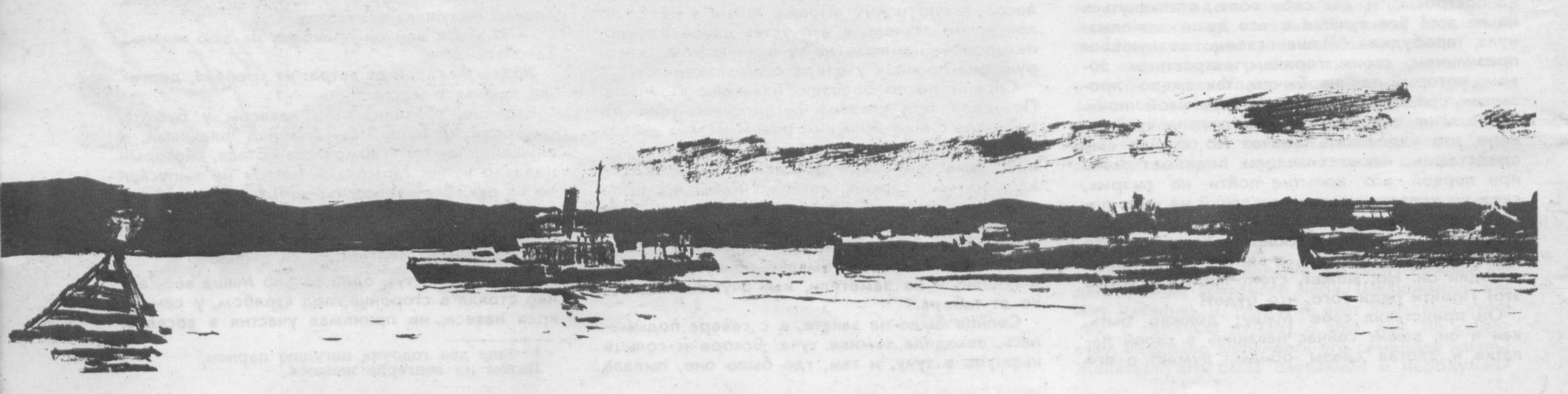

Фото Г. Вайля.

Петр Николаевич **ПОСПЕЛОВ**

К шестидесятилетию со дня рождения

ЮНОСТЬ СТРАНЫ АНГКОРА

В. БОРОВСКИЙ

На пути из Бангкока в столицу Камбоджи Пном-Пень самолет делает остановку возле камбоджийского города Сием-Реап. Здесь обычно остаются туристы: в шести километрах к северу от Сием-Реапа в гуще джунглей сохранились руины древней столицы кхмерского государства.

В ожидании самолета мы укрылись от палящего солнца в небольшом здании аэровокзала. Рядом со мной за небольшим столиком, установленным прямо под феном — укрепленным на потолке вентилятором,— оказалась чета французов, спешившая в Пном-Пень, и увешанный фотоаппаратами американец, ожидавший автобуса на Сием-Реап. Американец суетился и поминутно задавал вопросы таможенным чиновникам и соседям-пассажирам.

— Сказать по совести, я плохо представляю, что такое Камбоджа,— обратился он к французам.— Эта страна, кажется, уже больше не колония?

Супруги переглянулись. Затянувшись сигаретой, француженка улыбнулась и ответила по-английски:

— Вы не ошибаетесь, сэр. Королевство Камбоджа — независимое государство. По-американски это, кажется, называется «вакуумом», но вы скоро убедитесь, что здесь думают иначе...

Надо полагать, что странствующий янки вскоре в этом действительно убедился. Уже четыре года прошло с тех пор, как после подписания Женевских соглашений из Камбоджи были выведены французские войска. Соглашения гарантировали Камбодже, как и другим странам Индокитая, независимость и суверенитет, единство и территориальную целостность.

Конечно, без малого сто лет колониального гнета не прошли даром. Они оставили зависимую, однобокую экономику, нищету, неграмотность. Но гордый, свободолюбивый камбоджийский народ знает цену независимости, завоеванной в тяжелой, упорной борьбе.

...С раннего утра бурно кипит жизнь в Пном-Пене, городе с пятисоттысячным населением. Его улицы полны народа. Автомобили обгоняют волов, не спеша тянущих высокие двухколесные повозки, маленьких лошадок, впряженных в легкие коляски, бесчисленных рикш-велосипедистов, которых здесь зовут сикло. Это самый дешевый транспорт.

Если вы хотите увидеть, чем богата земля Камбоджи, вам следует посетить пномпеньский рынок. За его решетчатой оградой, прямо на бетонированной площадке, разложены крупные, в яркой зелени ботвы овощи и тропические фрукты, кокосовые орехи, продолговатые с оранжевой пахучей мякотью плоды папайи, огромные благоухающие ананасы. В рыбном ряду в корзинах копошится живой товар — скользкие черные рыбьи тела, крючковатые креветки. Рыба и рис — основные продукты питания населения. Вы можете отведать все это тут же, на рынке: рядом стоят жаровни, у которых хлопочут поварихи, за длинным столом расположились обедающие.

Впрочем, такая же торговля идет и на улицах города, в открытых настежь лавочках. Прямо на тротуаре практикуют бродячие врачи, жонглирующие шприцами и щипцами для вырывания зубов, брадобреи, гадальщики с грифельными досками и стопками магических книг... Здесь не только камбоджийцы, но и китайцы, вьетнамцы, бирманцы и малайцы. В глубине многочисленных лавочек видны портреты вождя камбоджийского Народно-социалистического сообщества принца Нородома Сианука, Сунь Ят-сена, Мао Цзэ-дуна, У Ну. На стене одной из лавок я увидел украшенный цветной бумагой портрет Алексея Максимовича Горького...

Большая жизнь, политика властно вторгаются в семейные очаги камбоджийцев, когда-то отрезанных от всего мира колониальным кордоном.

Вот пожилой буддийский монах в оранжевой тоге читает сгрудившимся вокруг него прохожим газету, в которой сообщается об очередной провокации южновьетнамских войск на границе Камбоджи. Мы подходим и останавливаемся рядом с рабочим из соседней авторемонтной мастерской. По его оголенному по пояс, бронзовому мускулистому телу еще струится пот.

— Не нравится американским прихвостням наш нейтралитет,— говорит он в сердцах.— Хотят перетянуть на свою сторону...

Мне показали немало чудесных достопримечательностей в Пном-Пене. Пожалуй, наибольшее впечатление производит набережная у Тонле-Сапа — рукава, который соединяет расположенное западнее озеро Тонле-Сап (Великое озеро) с широким Меконгом, несущим свои воды из далекого Тибета. С набережной видно, как вдали сливаются два могучих потока, чтобы затем снова разбиться на два рукава и устремиться на юго-восток — к Южно-Китайскому морю. Тонле-Сап несет тысячи больших и малых лодок и огромные морские суда.

Против набережной стоит, сверкая на солнце яркими красками, позолоченными крышами и остроконечными башенками, королевский дворец. Рядом возвышается Серебряная пагода, покрытая изнутри серебром и хранящая золотое изображение Будды, инкрустированное алмазами. Слева расположилось здание королевского слоновника.

Слоны до сих пор играют здесь немалую роль и как средство передвижения и как рабочая сила на лесоразработках. Богатые иностранцы — любители острых ощущений — приезжают сюда, чтобы участвовать в редкой ныне охоте на диких слонов, обитающих так же, как тигры и пантеры, в камбоджийских лесах.

Теперь дворец не только резиденция королевской семьи. Здесь собираются на национальные конгрессы Народно-социалистического сообщества делегаты от всех провинций страны. Сообщество, руководителем которого является принц Нородом Сианук, играет важную роль в политической жизни страны. На его конгрессы, помимо делегатов, приходит до десяти тысяч рядовых граждан, они участвуют в обсуждении всех вопросов и голосуют вместе с делегатами.

Недалеко от королевского дворца, в конце усаженной высокими деревьями улицы, стоит здание парламента. За ним еще совсем недавно простиралось болото — рассадник бесчисленных комаров. Столица стоит в низине, и в период тропических ливней болото наступало на город. Теперь здесь проведены большие осушительные работы. Правительство благоустраивает Пном-Пень, стремится сделать этот красивый, зеленый город более удобным для жителей. Важное значение придают здесь строительству большого госпиталя — дара Советского Союза правительству и народу Камбоджи. Уже заложен фундамент госпиталя, и скоро начнется сооружение пятиэтажного главного корпуса, туберкулезного, радиологического и инфекционного корпусов.

Пном-Пень имеет богатую историю. Но в еще более глубокую древность уходит история Ангкор-Тома — столицы кхмерского государства в период его расцвета,— превратившегося ныне в мертвый город. Говорят, что тот, кто не видел Ангкора, никогда не получит полного представления о Камбодже. И это действительно так.

Ангкор-Том построен тысячу лет назад. Даже то, что осталось от него сейчас, потрясает. Руины храма Байон с его замечательными галереями и барельефами, изображающими 11 тысяч персонажей и фигур животных, пятьюдесятью башнями с высеченными из камня четырьмя улыбающимися ликами, трехсотметровая Слоновая терраса, служившая королям трибуной во время парадов, пирамидальный храм Фимеанакас — все это свидетельство очень высокого искусства древних кхмерских мастеров.

Но подлинный шедевр архитектурного искусства — расположенный в миле от Байона храм Ангкор-Ват. Это грандиозное сооружение окаймлено рвом и стеной, общая длина которой достигает 3,7 километра. Здания, соединенные дворами, галереями и лестницами с балюстрадами в виде поднявших головы кобр, расположены вокруг вздымающейся вверх тиарообразной башни, окруженной четырьмя меньшими башнями.

Почти 500 лет назад завоеватели вынудили камбоджийцев покинуть Ангкор. Чудесные произведения архитектуры и искусства были поглощены джунглями. Высокая цивилизация, существовавшая здесь много веков назад, была заглушена господством колонизаторов.

Но Ангкор навсегда остался свидетельством величия и славы камбоджийского народа. Такие замечательные творения может создавать только высокоталантливый, свободолюбивый народ. Не случайно изображения Ангкор-Тома и Ангкор-Вата стали эмблемой государственного флага Камбоджи.

В КАМБОДЖЕ

Фото В. БОРОВСКОГО.

Пном-Пень. Так здесь перевозят дрова.

Пном-Пень. Здание парламента.

Буддийские монахи у храма Ангкор-Ват.

Камбоджийская девушка.

«Огонек».

Уличный парикмахер.

←На одной из улиц Пном-Пеня.

На рынке.

Делегация КПСС на XI съезд Коммунистической партии Чехословакии

На XI съезд Коммунистической партии Чехословакии прибыла делегация КПСС в составе тт. Кириченко А. И.— члена Президиума, секретаря ЦК КПСС (руководитель делегации); Устинова В. И.— первого секретаря Московского городского комитета КПСС; Родионова Н. Н.— первого секретаря Ленинградского городского комитета КПСС; Гришина И. Т.— члена ЦК КПСС, посла Советского Союза в Чехословакии; Румянцева А. М.— члена ЦК КПСС.

На снимке — встреча делегации ЦК КПСС на Рузинском аэродроме. Слева направо: председатель правительства Чехословакии В. Широкий, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии А. Новотный и А. И. Кириченко.

Фото Чехословацкого телеграфного агентства.

Первенство мира по футболу

ПЕРЕД РЕШАЮЩИМИ МАТЧАМИ

М. МЕРЖАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Неожиданные результаты второго тура во всех группах мирового чемпионата еще больше усложнили положение и породили дополнительные неясности.

В то время как наша команда в тяжелой борьбе в Буросе выиграла важный и ответственный матч у австрийцев, в Гетеборге команда Англии сыграла вничью с бразильцами. Так и не был открыт счет в этом интересном состязании, которое местная печать по справедливости назвала «матчем футбольных классиков».

Под шумные аплодисменты, звуки труб, трещоток, каких-то не в меру гулких барабанов улыбающийся капитан английской сборной Билл Райт, подняв обе руки, увел своих ребят под трибуну.

После матча веселая улыбка не сходила с его лица. На все вопросы журналистов Билл Райт отвечал коротким: «Ол райт!». Улыбка английского капитана не была наигранной. Как хороший стратег, он сразу же оценил значение последней ничьей. Теперь, после двух туров, англичане имели два очка. И оставалась последняя, казалось бы, совсем легкая встреча — с австрийцами, которые потеряли уже всякую надежду на выход в четверть финала.

В то же время советским и бразильским футболистам, имевшим на своем счету по одной победе и по одной ничьей, то есть по три очка, предстояла упорная борьба между собою. Все это накаляло и без того напряженную атмосферу. Вся шведская печать была полна не только отчетами и характеристиками игроков, но и прогнозами.

В день матча с Бразилией мы из Стокгольма в Гетеборг ехали на машине. В местечке Ульрисехамн молодые люди нам рассказали, что они устроили вечер, посвященный всемирному чемпионату, и пригласили в гости австрийских футболистов, живущих неподалеку. Но спортсмены вежливо отказались. Их представитель сказал: «Мы проиграли два матча и хотим реабилитировать себя в матче с англичанами. Мы приложим к этому все усилия».

Невольно вспомнилась улыбка Райта.

В полдень мы прибыли в тихий зеленый Хиндос — дачное местечко на берегу озера. В одном из отелей здесь отдыхали наши футболисты, а в доме по соседству—бразильские. Это—единственное место, где не чувствовалось футбольной горячки, словно здесь жили не мастера кожаного мяча, которые сегодня должны встретиться в решающей схватке на первенство мира, а миролюбивые дачники. Правда, и у одной и у другой дачи толпились мальчишки с блокнотами для автографов, туристы, приехавшие на озеро, журналисты и фотокорреспонденты, но все это для Хиндоса стало обычным и не вызывало волнений, к тому же бразильцы провели сегодня разминку под звуки веселой музыки, не выходя из отеля, что немало огорчило местных болельщиков и особенно кинооператоров, которые полтора часа прождали футболистов на зеленой лужайке.

Из Хиндоса вскоре мы отправились в Гетеборг, на стадион «Новый Уллеви». Он был полон. Под звуки марша и шумные аплодисменты вышли на поле наши футболисты в обычной своей форме и бразильцы в желтых рубашках и голубых трусах. Раздался свисток судьи...

Весь матч можно разделить на две неравные части: на первые три минуты и «последние» восемьдесят семь. Они не были похожи одна на другую. В первые три минуты бразильцы показали футбол, которого мы до сих пор не видели. Это был молниеносный штурм ворот на больших скоростях, с быстрой и виртуозной передачей мяча в одно касание, с отличными финтами и неожиданными сильными ударами по воротам. Первый из них, от Гарринша, угодил в левую штангу, второй, от Пеле, попал в правую штангу, а третий, от Вава,— в сетку ворот.

То, что предшествовало этому голу, можно назвать шедевром, который войдет в футбольные учебники. Все произошло так быстро, что наши футболисты, и особенно защитники, ничего не могли понять и только растерянно бросались от одного форварда к другому.

Остальная часть матча проходила в относительно спокойном темпе, предложенном теми же темпераментными бразильскими лидерами атак. Превосходя нас в технике, совершенно свободно обращаясь с мячом, они словно держали в своих руках реостат, с помощью которого регулировали темп в нужные им моменты.

Нашим футболистам ничего не оставалось, как подчиняться этому ритму и почти все время занимать выжидательную позицию. Временами они не могли выполнять даже простейшие технические приемы, которые можно назвать футбольной азбукой.

Так длилось 15 или 20 минут, после чего шок постепенно прошел, и наши футболисты начали налаживать игру. Но этому в немалой степени мешала оборонительная тактика, которую почему-то избрали наши тренеры. Они выпустили команду с четырьмя нападающими, забыв, видимо, урок, который преподали нам венгры осенью 1956 года. Тогда сборная команда СССР, обороняясь, потерпела поражение. Теперь же получилось так, что четыре защитника не сумели ни распределить между собой зоны, как это сделали бразильцы, ни осуществить плотную опеку, ибо техническое совершенство южноамериканцев ставило «опекуна» в конфузное положение. Особенно грешил Борис Кузнецов. Он часто давал осечки, терял контакт с партнерами и не смог справиться с Гарринша, который довольно легко его обходил.

Во второй половине матча Вава удвоил счет, и мы потерпели поражение.

Я далек от мысли считать, что поражение сборной команды СССР лишь результат оборонительной тактики. Это было бы неверно. Наши футболисты уступали бразильским в быстроте обработки мяча, в игре головой и даже в маневренности. Мы попросту играли хуже.

В это же время английская сборная в городе Буросе неожиданно для себя, и, видимо, для капитана Билла Райта особенно, встретила серьезное сопротивление австрийцев; она свела матч к ничьей —2:2.

Таким образом, в нашей Гетеборгской группе бразильцы набрали 5 очков, а советские и английские футболисты — по 3.

Согласно турнирному положению, сборные команды СССР и Англии еще раз встретились на стадионе «Новый Уллеви», для того чтобы решить вопрос: кому же продолжать борьбу за приз «Золотой богини»? Интересно, что это был третий матч между английскими и советскими футболистами в этом сезоне.

На сей раз сборная команда СССР провела матч в обычном, свойственном ей атакующем стиле. Не только форварды и полузащитники, а временами и защитники участвовали в наступательных действиях. Не раз зрители аплодировали советским футболистам. Правда, игроки английской обороны вновь были на высоте и хорошо защищали подступы к своим воротам. Защитник Т. Бенкс легко справлялся с Германом Апухтиным, а полузащитник Р. Клейтон — с Юрием Фалиным.

После перерыва игра пошла ровнее. Англичане, видимо, почувствовали реальную угрозу поражения и сделали несколько решительных и эффектных бросков к нашим воротам. Но два их удара отразила штанга, а два мяча в великолепных бросках взял вратарь Лев Яшин. На этом, собственно, и закончился порыв англичан.

Инициативой вновь овладели советские футболисты, и Анатолию Ильину удалось послать мяч, который ударился о штангу ворот и рикошетом полетел в сетку. По этому поводу журналисты шутили: «В штангу тоже нужно бить умеючи».

Итак, команда СССР вышла в четверть финала.

Гетеборг. 18 июня.

Первый матч Англия — СССР. Опасный момент у ворот нашей команды. Слева направо (на первом плане): Л. Яшин, Б. Кузнецов, Д. Кеван (в прыжке), К. Крижевский.

↑ Недавно в Москве была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» индийскому ученому Чандрасекхара Венката Раману.

Во время пребывания в Советском Союзе индийский ученый знакомился с научными учреждениями, в частности посетил Институт физических проблем Академии наук СССР. На снимке: Чандрасекхара Венката Раман и директор института академик П. Л. Капица.

Фото М. Озерского.

← Король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева и королева Ратна Раджия Лакшми Деви Шах продолжают поездку по Советскому Союзу. 12 июня в Сочи по случаю дня рождения короля Непала посол Непала в СССР Рам Прасад Манандхар по поручению королевы Непала устроил прием.

На снимке: заместитель председателя исполкома Сочинского городского Совета В. А. Воронков преподносит королю подарки.

Фото В. Янкова.

↓ В Москве, в помещении Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, открылась выставка послевоенной польской книги. Оформление политической литературы, художественных произведений польских и иностранных авторов, в том числе советских писателей в переводах Броневского, Тувима, Домбровской, литературы для детей, альбомы репродукций, иллюстрации — все это показывает высокую полиграфическую и издательскую национальную культуру книги.

Стенд с книгой Я. Корчака «Король Мацюсь Первый», иллюстрированной Е. Сроковским.

Фото М. Савина.

→ Всесоюзная многодневная велосипедная гонка в этом году проходит по новому маршруту: Минск — Вильнюс — Рига — Таллин — Ленинград — Москва. Трасса разбита на 12 этапов. Общая ее протяженность — 2 053 километра.

Для участника гонки, который выиграет наибольшее количество этапов, предназначен традиционный кубок «Огонька».

Уже на первом этапе, Минск — Вильнюс, каждый из гонщиков постарался сделать заявку на приз для самого резвого из велосипедистов. Это удалось ленинградцу Павлу Вострякову. Он раньше всех финишировал на вильнюсском стадионе «Спартак» и был увенчан большим венком из дубовых веток.

В составе команд, ведущих сейчас борьбу на трассе, много молодежи. Тем острее спор за победу.

В. ОРЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

Командное первенство на этапе Минск — Вильнюс заняли гонщики Москвы. На снимке: работницы вильнюсской швейной фабрики «Лелия» преподносят москвичам цветы.

Фото Л. Морозова (ТАСС).

Гостящий в Советском Союзе по приглашению Академии наук СССР видный ученый Таиланда принц Прем Пурачатра с супругой, принцессой Таиланда, нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. На фото: принцесса Таиланда, К. Е. Ворошилов, принц Прем Пурачатра и заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин.

Фото А. Гостева.

Во время пребывания в Париже. Артисты балета Большого театра на прогулке в Булонском лесу смотрят танцы французских девушек.

Фото Г. Соловьева.

Последний спектакль французского балета на сцене Большого театра окончен...

Фото Е. Умнова.

Закончились гастроли балета Большого театра Союза ССР в Париже и балетной труппы «Гранд-опера» в Москве.

С большим успехом проходили спектакли наших гостей на сцене Большого театра и их заключительные выступления во Дворце спорта.

После триумфальных успехов балетных спектаклей ГАБТа на сцене Парижской оперы советские артисты дали два больших прощальных концерта в помещении Зимнего велодрома. Зал, вмещающий десятки тысяч зрителей, был переполнен.

Москвичи и парижане горячо принимали своих гостей.

Гвардейцы расстреливают студенческую манифестацию.

ЭТО ПРОИСХОДИТ В ПАНАМЕ

Панчо ЛОПЕС

То, что вы видите на этих фотографиях, происходило в конце мая этого года в Панаме.

В 1903 году США создали новую «суверенную» республику из северной провинции Колумбии. Сделано это было потому, что американские монополии хотели бесконтрольно владеть строящимся тогда Панамским каналом, а правительство и сенат Колумбии отказались предоставить им это право. Тогда североамериканский консул в Панамской провинции, подкупив ее губернатора и некоторых служащих, организовал «восстание» и возвестил на весь мир, что Панама отделяется от Колумбии и образует независимую республику.

Панама занимает территорию в 74 012 квадратных километров и насчитывает 805 тысяч жителей. Как и повсюду в Латинской Америке (исключая Бразилию), здесь говорят на испанском языке. Нищета населения предельная. Промышленность незначительная, а североамериканские тресты препятствуют всякой попытке развития местного производства.

Североамериканцы владеют в Панаме воздушными и морскими базами, осуществляют полицейскую власть на территории, прилегающей к каналу.

Администрация канала выпускает два типа монет: золотой и серебряный доллар. В каждом баре, на почте и даже в туалетных комнатах всегда увидишь надпись: «Только золото» или «Только серебро». Это скрытый вид расовой дискриминации. Панамский рабочий, который хочет зайти в бар или купить марки на почте, не может платить за это иными деньгами, кроме серебряных, ибо только их он получает за свой труд. Золотые же деньги имеют хождение в учреждениях, резервированных для белых.

То же самое происходит и в школах: дети негров (а для североамериканцев все панамцы — негры) не могут поступить в «золотую» школу, они могут учиться лишь в «серебряной», так как их отцы получают зарплату серебряной монетой...

Люди привилегированного класса Панамы предпочитают говорить по-английски. Они составляют небольшую группу, пресмыкающуюся перед господствующими здесь североамериканцами. Знать испанский язык в этих кругах считается зазорным. И жестоким парадоксом звучит напоминание о том, что наш национальный герой, Симон Боливар, освободитель континента, именно в Панаме собрал в 1826 году латиноамериканский конгресс, чтобы основать федерацию народов, говорящих по-испански...

1958 год оказался для маленькой южноамериканской республики особенно тяжелым. Ее экономика, которая на 80 процентов сводится к выращиванию бананов, находится под контролем североамериканской компании «Юнайтед фрут», владеющей почти всеми плантациями бананов и вывозящей их в США. Низкие цены на бананы в Северной Америке привели Панаму к страшному кризису. Следствием его стали демонстрации и забастовки рабочих, студенческие волнения. Народ Панамы не хочет оставаться колонией. Здесь, как и везде в Латинской Америке, ненависть к иностранным монополиям растет изо дня в день. Она достигла крайнего накала в дни народных манифестаций 19—30 мая. Демонстранты были расстреляны войсками. Но президент Эрнесто де ла Гуардиа все же вынужден был пойти на частичные уступки, уволив наиболее реакционных министров.

Буэнос-Айрес, июнь.

Раненому малышу Нивна Галь всего два года.

И эта пострадавшая девочка немногим старше.

Тут посеян пырейный гибрид. Заслуженный агроном РСФСР С. М. Скорняков и опытники Герой Социалистического Труда Н. А. Костричкин и В. М. Калинин на полях колхоза «Борец», Московской области.
Фото Г. Санько.

НЕЛЬЗЯ БЕЗ РАЗВЕДКИ!

Георгий РАДОВ

«Отжившее» слово ✲ Что за бой без разведки!

Не первый год, странствуя по колхозам, примечаю я одно тревожное явление: исчезает из обихода звучное, точное русское слово «опытник». Приедешь, допустим, в район, заговоришь о лучших трактористах, доярках, свинарках — и тотчас тебе называют десяток фамилий. Но спросишь: «А кто у вас, товарищи, лучший опытник?», — и собеседник отводит глаза. Гм, опытник... Погоди, кто же у нас по этому делу? Иван Иванович, дорогой, как его фамилия, того деда? Фу ты, да того самого, хромого, что колдовал над пшеницей! Вот, вот, на хуторе. Да, да, да, такой хроменький, шустрый дед! Ах, помер?! Ну, земля ему пухом, способный был дидусь. А кто же у нас еще? Не знаешь? А может, агрономы знают? А ну, покличь!

«Кличем» агрономов, потом зовем на помощь редактора, наконец, откапываем районную «энциклопедию» — старожила с уникальной памятью, — но и он не выручает. Вспомнит десяток дедов (почему-то непременно дедов!): один помер, другой на пенсии, третий сторожует, давно забыл дорогу в поле...

— Вот те раз! — огорошенно всплеснет руками секретарь райкома.— Это что же у нас, товарищи? Перевелись опытники?

Порой встречаются люди, которые видят даже какую-то закономерность, так сказать, знамение времени, в том, что исчезли в районе опытники.

— Что ты, как клещ, впился в это слово? — отчитывал меня на юге один руководящий товарищ.— Каких тебе надо опытников? Малограмотного деда, который копался бы на клочочке земли? Так это ж вчерашний день! Пройденный этап! И слово-то «опытник» давно отжило. У нас же полная механизация! Прошло время опытов на делянках.

Ох, прошло ли?

Под Новгородом, в Шимском районе, четвертый год капризничала, не хотела царствовать «королева полей» — кукуруза, и в районе никак не могли уразуметь, в чем же тут «запятая». Земли неподходящие? Сорта? Сроки посева?

И, ах, как же он нужен, непременно нужен был шимцам человек, который сперва на делячках, да, именно на «клочочках» земли высеял все возможные сорта кукурузы и сравнил, и сопоставил, и выбрал такой сорт, который лучше всего чувствует себя под солнцем севера, на шимских землях! Разумеется, в районе были передовики: великолепные бригадиры, звеньевые, — но как же был нужен еще и опытник, да, именно опытник, разведчик, который для начала испытал бы и разные сроки сева, и предшественники, и удобрения, и подкормки, и глубину заделки семян, и пробил бы дорогу всему району! Но не было в Шимске такого человека!

На Алтае, на берегу полноводного Чарыша, разговорился я как-то с совхозным агрономом. Было жарко. Тугие струи гонимого ветром накаленного воздуха бунтовали поспевшие хлеба, по степи из края в край катились чуть схваченные желтизной серебристые волны.

— Подняли целину! — сказал агроном.— Как говорится, штурм кончился, начинаются будни.

— Будни?

— Нет, конечно, не будни. Начинается, брат, самое серьезное — агрономическое наступление на целину. Аг-ро-но-ми-чес-кое! Как тут вести полеводство? С парами? Без паров? А может, с занятыми парами? А может, с травами? С какими травами? А как пахать? По-обычному? Ежегодно? А может, по-мальцевски? А удобрять...

Он был не на шутку озабочен. В самом деле: чем она станет, эта вчерашняя целина, в ближайшем будущем, озолотит ли она устойчивыми урожаями, или «выпашется», захиреет от прикосновения неумелых рук?

Агроном, как начальник штаба, составлял диспозицию агрономического наступления. И он мучился и терзался сомнениями потому, что не имел донесений разведки. Четвертый год жил совхоз на новых, неизведанных землях, но не было у него ни опытников, ни опытных посевов...

На Ставрополье в крупном колхозе шел спор о жирности молока. Почему она низкая? В чем тут загвоздка: в породе, в кормовых рационах? Спорили дельные люди, но не поднялся, нет, не поднялся человек, который бы сказал: «А о чем споры? Я вот три года провожу опыты: по-разному кормлю коров. Вот результаты». Нет, не поднялся такой человек: колхоз воевал за молоко без разведки...

Но где же, где были они, разведчики?

— Ищешь опытников? — удивился знакомый работник министерства.— Эка печаль! Да поезжай-ка ты к Мальцеву или к Ефремову...

Ефремов в строю ✲ Кто хлебороб! ✲ На «чистом» сознании

К Ефремову? Да я ведь был у Ефремова года полтора назад. Помнится, под вечер мы спустились с крутого увала, и впереди, в пойме реки, открылось Белоглазово — обыкновенное разбросанное сибирское село: глиняные мазанки, пыльные деревья, серые крыши. Но это было знаменитое село: тут еще до войны Белоглазовский райком партии вырастил и пустил в разведку крупный отряд великолепнейших мастеров урожая пшеницы. Ефремов, Чуманов, Ракитин, Варивода — какие имена! Они, эти бездипломные сибирские хлеборобы, собирали по триста—триста шестьдесят пудов пшеницы с гектара! Они — и опять-таки по запеву райкома — разработали, испытали и выпустили в свет новый способ посева — перекрестный. Они отвергли огульную стандартную норму высева (девять пудов «на все случаи жизни») и стали высевать семена по счету, да, по счету, точнее, по абсолютному весу, заранее рассчитывая на столько-то миллионов растений. Тогда поддержанное партией ефремовское движение, сметая преграды, могучим потоком ринулось по стране... Помнят ли об этом в Белоглазове?

Да, первый же встреченный нами на дороге колхозник дал полную информацию о судьбе знаменитых разведчиков. Невеселая это была информация! Ни Чуманова, ни Ракитина, ни Вариводы уже не было.

— А Ефремов?

— Михаил Ерофеевич? — оживился наш собеседник.— Да ему сносу нету! Там же, в селе Метели...

Я застал его на току. Шестнадцать лет мы не виделись, но я

еще издали узнал его. Правда, он шел, опираясь на палку, но, кажется, эта палка была лишь формальной данью возрасту. Годы пощадили его. Крепкий, закаленный ветрами и стужами Сибири, полевой этот человек по-прежнему пешочком ходил по полям, ходил легко, бодро, и с той же зоркостью смотрели его серые, с легкой грустинкой глаза.

Мы присели на соломе у высокого вороха зерна. Ефремов заговорил о прошлых рекордах. Заговорил с тем сдержанным отношением к былой своей славе, которое приходит к людям вместе с годами и мудростью. Нет, он не собирался повторять довоенные рекорды. Почему? Дóроги! Тогда, до войны, он не жалел труда на рекордных участках: удобрял их щедро, вручную, и недешево обходились колхозу рекордные центнеры. А народу-то нужен дешевый хлеб! Деше-вый!

Он говорил негромко, постукивая палкой по звонкому току, а я все прикидывал: как бы поделикатнее задать ему щекотливый вопрос, почему он единственный опытник в селе Метели и кто будет опытничать тут, когда и он, Михаил Ерофеевич, уйдет на покой?

— Ты про смену? — спросил он, когда я наконец отважился.— Нету у меня смены.

— Но были же у вас помощники, Михаил Ерофеевич? Были ученики? Молодежь?

— Не прижились.

— Но почему же? Сельское хозяйство идет в гору, наука идет в гору... Почему же в Белоглазове после войны стало меньше опытников?

— А к чему были опытники? — вздохнул Ефремов.—Напечатают агроправила, одни на весь край,— не отступай от них ни на шаг: сей, когда указывают, ставь норму высева, какую в Барнауле определили. Думать-то он отучал мужика, такой распорядок, или нет?

— Но это же в прошлом, Михаил Ерофеевич! Был да сплыл такой распорядок.

— Сплыть-то сплыл, да люди привыкли к готовенькому. Надо же их переучивать. И опять-таки основное: кто будет опытничать? Кто нынче хлебороб?

— Как это кто? Колхозник!

— Ка-акой колхозник! Пахота тракторная, посев тракторный, уборка комбайновая...

— Значит, тракторист?

— Вот именно! Тракторист — главный наш хлебороб. Ему б надо и опытничать! Но...

Разговор этот, повторяю, шел полтора года тому назад. Но уже тогда Ефремов заговорил о «двух хозяевах» на земле.

— Тракторист — главный хлебороб нынче,— повторил он.— А какому он богу молится? Он же не нашему богу молится, а «мягкой» пахоте! С чего же это он возьмется за опыты?

— А если б тракторист стал колхозником?—вырвалось у меня.

— Другое дело!

...После разговора с Ефремовым я отправился в Барнаул и по дороге на перекрестке прихватил попутчика-белоглазовца, мужчину немолодого и крайне сердитого; он ехал в край браниться насчет частей к жаткам.

— Все правильно! — сказал он, когда я передал ему слова Ефремова.— Мудрый человек Михаил Ерофеевич, одного он по скромности вам не сказал: кто же, скажи на милость, будет опытничать задарма?

— Задарма? Что значит задарма?

— Да на чистом сознании.

Черт возьми, это была сущая правда: опытники творили «задарма», на «чистом» сознании!.. Это было чудно́, непостижимо, но это было именно так: человек мог испытать и предложить новый агроприем, новую смесь удобрений, приспособить к местным условиям новую культуру, придумать машину, облегчить труд людей — словом, он мог обогатить колхоз на сотни тысяч рублей, и ничегошеньки ему за это не полагалось! Не по-ла-га-лось! Не было такого распорядка...

Все это было и непонятно и обидно. На заводах, на стройках, где люди работали, разумеется, с не меньшей сознательностью, чем в деревне,— там действовало не только «чистое» сознание, но и прочный материальный интерес. За любую, даже мелкую, но полезную новинку рационализатор получал твердое, обусловленное законом вознаграждение. Почему же сельские опытники и рационализаторы творили на одном «чистом» сознании?

Рассуждаем об идеалах ✲ Нужен толчок!

И все-таки они есть, опытники, в колхозах! Их мало, очень мало, куда меньше, чем рационализаторов на заводах, но они есть — пытливые, дерзкие, бескорыстные открыватели новых дорог.

Под Краснодаром, в станице Старо-Корсунской, в Доме сельскохозяйственной культуры, хлопочет талантливый агроном Канивец, а вокруг него сгрудились десятки колхозников-любителей, и колхоз собирает по полтораста, по двести пудов пшеницы.

На Рязанщине восемь лет на «чистом» сознании, бескорыстно и безвозмездно воюет за кукурузу старый учитель-биолог Александр Степанович Денисов. Он опробовал и скрестил десятки сортов, приспосабливая «королеву полей» к рязанскому климату. И он приспособил ее и получил созревшие початки и свои семена.

Да что там перечислять, есть они, есть в колхозах разведчики урожаев! Но как же их мало у нас! В стране семьдесят с лишним тысяч колхозов, но домов сельскохозяйственной культуры только три тысячи, и, конечно же, они распределены по огромной стране неравномерно. Есть районы, целые районы, где, что называется, днем с огнем не сыщешь ни единого опытника. А если они и есть, то это люди, как правило, преклонных лет, деды, которые того и гляди выйдут из строя...

Так в чем же тут дело?

Что мешает сегодня? Чрезмерная централизация планирования? Ее уже нет! «Два хозяина»? И они уже уходят в прошлое. Людей нет подходящих? Чепуха! Никогда наша деревня не имела столько агрономов, как сегодня. А десятиклассники, хлынувшие в колхозы,— это ли не смена Ефремову и Мальцеву? Чего же нет? Только материального интереса?

— Ими же надо заниматься, опытниками! — сказал мне в Подмосковье, за Бронницами, Сергей Михайлович Скорняков, видный и не «бумажный», а «земляной» агроном, человек, который много лет подряд ведет разведку урожаев.

Мы долго сидели с ним, с «земляным» агрономом, и все прикидывали, как «заниматься опытниками». Вопрос просветлялся... Конечно, начинать должны агрономы и зоотехники. Что это за специалист, если он и сам не ведет разведки и не имеет опоры— опытников? Зачем ему выдан диплом? Значит, начинать агрономам... А начав, тотчас же вводить материальный интерес. Применил новый агроприем, испытал в местных условиях полевую культуру, вывел хороший местный сорт, повысил жирность молока, механизировал какую-то работу — словом, дал колхозу выгоду, скажем, на десять тысяч рублей—получай соответствующую премию!

Прояснялась и «структура» постановки опытнического дела в стране. В колхозе — Дом сельскохозяйственной культуры с лабораторией, с опытными посевами и подопытными животными на фермах; в районе — сельскохозяйственная станция, учебный и методический центр; в области — зональная научная станция; в Москве... Впрочем, что же в Москве? В Министерстве сельского хозяйства СССР нет нынче ни одного человека, который не то чтобы руководил опытниками, а хотя бы записывал в тетрадки их имена; ну, а если он будет, такой человек? А если их будет группа или управление? Как они смогут руководить миллионами опытников? Рассылать директивы? Нет, по-видимому, всесоюзным штабом опытничества может стать лишь Академия сельскохозяйственных наук, ей, что называется, и книги в руки!

Словом, «структура» определилась, но тут же подумалось: «А нужна ли она, единая, стандартная для всех «структура»?» Да пусть в одном колхозе будет Дом сельскохозяйственной культуры, в другом — хата-лаборатория, в третьем — опытная станция по образцу той, которой руководит Т. С. Мальцев! В этом ли дело! А в чем же?

Я спросил об этом у главного ученого секретаря Академии сельскохозяйственных наук Ираклия Ивановича Синягина. Ученый задумался. Вопрос об опытниках, кажется, и его застал врасплох. Когда-то он поименно и в лицо знал множество разведчиков урожая, но за последние годы, как он признался, «поотстал от этого дела». «Поотстала» и вся академия. Правда, ее институты время от времени обращаются к опытникам, но обращаются, так сказать, потребительски: нужно, допустим, институту проверить какую-то свою догадку, он рассылает письма, зовет на совет опытников. Но проходит нужда — и связь обрывается. Словом, любовь не обоюдна...

— Так что же нужно, Ираклий Иванович? — переспросил я.

— Толчок нужен! Хороший толчок! И незамедлительно. Пора-то приспела...

Приспела пора! Во всех районах государства люди берутся за такое резкое повышение урожайности, какого еще не знала наша земля. И животноводы вышли на новый рубеж. Колхозы поднимаются в новую атаку окрепшие, оснащенные собственной техникой, и дело ставится с таким же замахом, с каким мы шли на освоение целины. И как же сейчас, именно сейчас нужна нам отлаженная мобильная разведка — миллионы и миллионы смелых, дерзких, обученных опытников!

Нужен толчок! Но кто его совершит? Кто выступит запевалой? Академия сельскохозяйственных наук? Кубанцы? Сибиряки? Смоляне? Рязанцы?.. Кто скажет первое громкое слово и увлечет за собой всю страну, как это когда-то сделали белоглазовцы? Кто? Время не ждет!

Экскурсанты на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке знакомятся с орудиями для безотвальной обработки паров по методу опытника Т. С. Мальцева.

Фото А. Гостева.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЭКСПЕРТОВ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Б. Кузьмина.
Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

«ПИНЕТКИ — ДОМОЙ!»

Из обувного магазина вблизи Кутузовского проспекта поступил тревожный сигнал: фабрика № 12 управления легкой промышленности Мосгорисполкома прислала большую партию обуви низкого качества.

По сигналу на место происшествия выехал старший эксперт бюро товарных экспертиз Георгий Иванович Рябов — один из ста пятидесяти экспертов, которые ведут в Москве борьбу за хорошее качество товаров народного потребления.

Спустя час в тесной комнатке в глубине магазина начался «суд». «Обвиняемые» были налицо: директор фабрики Л. Д. Сологуб и технорук Ф. М. Каганов.

— Начнем с самых маленьких,— сказал эксперт.— Их обижать особенно грешно...

На стол была выложена партия пинеток — мягких ботиночек для самых маленьких детей. Рябов повертел один ботиночек в руке, искоса поглядывая на директора.

— Кожа хорошая, но сшито грубо. Подкладка морщится. Надеть такой башмачок на детскую ножку просто рискованно.

— Вижу...— ответил директор, и голос его был неестественно тих.

— Они бесформенны, даже не были на колодке.

— Не хотели мы браться за эти пинетки, будь они неладны! Упросили нас! — в сердцах сказал директор.

— Они действительно неладны. Явный брак.

— Переделаем,— тотчас согласился технорук.

Эксперт Г. И. Рябов (второй справа) не принимает отговорок технорука Ф. М. Каганова.

— И перемените шнурки,— добавил эксперт.

На миниатюрных башмачках были толстые шнурки от мужских ботинок.

— Сменим...

И тогда раздался приговор:

— Пинетки — домой!

Так эксперты образно выражают свое решение признать товар явным браком и вернуть его на предприятие.

Директор только развел руками. Возражать было нечего.

Теперь Рябов осматривал гимнастические туфли. Наметанный глаз его моментально замечал недочеты.

— Плохой товар!

— Это вина кожевенного завода,— быстро парировал директор.

— А как пришито? — Рябов показывает ему туфлю.

— Это наша вина...

— Домой!

Перебирая пару за парой, эксперт заключал:

— Третий сорт!

— Второй сорт!

— Домой!

В итоге большая часть туфель была возвращена на фабрику или переведена в низшие сорта. Такая же участь постигла и мужские туфли, изготовленные фабрикой до того небрежно, что встречались пары с подкладкой разного цвета, с различными рантами и даже с подметками разных оттенков.

Интересы потребителя были защищены экспертами.

ШКАФ № 0991

— За год эксперты проводят более 35 тысяч экспертиз, осматривают продукции почти на три миллиарда рублей,— сказал нам начальник бюро товарных экспертиз П. М. Ерофеев.— Они вроде врачей скорой помощи: и тех и других вызывают, когда внезапно обнаруживается опасное заболевание. Эксперты не только определяют качество товара, но и анализируют причины недочетов. Нередко эксперт едет на предприятие, чья продукция имеет дефекты, и на месте показывает, как их устранить. Поэтому экспертом может быть только высококвалифицированный специалист.

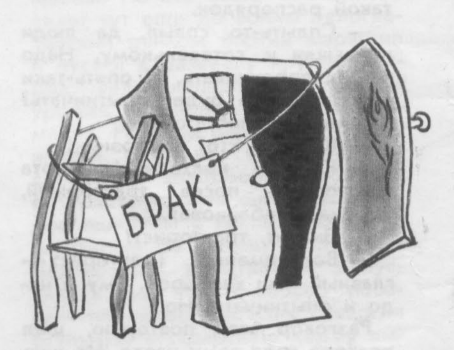
Сравнительно недавно мы произвели проверку качества мебели, продававшейся москвичам в магазинах Мосмебельторга. Как известно, в связи с огромным размахом жилищного строительства спрос на мебель сильно возрос, ее не хватает. Что же увидели эксперты в магазинах? Поступающая с фабрик мебель почти не бракуется, точно не определяется ее сорт. Было осмотрено 1 338 столов, шкафов, диванов, буфетов. Все они предназначались к продаже как изделия первого сорта, хотя большинство из них имело производственные дефекты, а часть нужно было просто отнести в брак. Впрочем, подробно об этом вам может рассказать наш эксперт Александр Изотович Бочков.

От Александра Изотовича мы услышали поучительную историю шкафа № 0991, сделанного Рижским мебельным комбинатом № 7. Этот шкаф несколько месяцев назад был куплен семьей инженера Дмитриева в магазине Мосмебельторга № 25 на Ленинском проспекте. И вот мы едем с экспертом Бочковым в Юго-Западный район столицы, где в одном из огромных и красивых домов получила квартиру семья инженера Дмитриева.

Шкаф стоит на самом видном месте в комнате, он должен служить ее украшением. Шкаф и на самом деле красив: полированный, с большим зеркалом, приятного цвета и формы. Дмитриевы не поскупились, приобрели дорогую вещь. Но прошло немного времени, и шкаф словно зачах. На одной дверце появилось темное пятно, оно становилось все больше и чернее. Потом стали коробиться и сами дверцы, они уже не закрывались так легко и плотно, как раньше.

К Дмитриевым приехал эксперт.

— Шкаф плохой,— сказал Бочков.— На нашем языке это называется скрытым производственным браком. Исправить его нельзя! — Заметив, что хозяйка заволновалась, он добавил: — Составлю акт, и вам привезут другой шкаф взамен этого.

Так появился акт: шкаф № 0991 признается браком и подлежит обмену.

Теперь мы едем в магазин № 25, тот самый, где был куплен шкаф. Покупателей тут много, но на всех шкафах, диванах и кроватях висят трафаретки: «Продано».

Бочков неторопливо осматривает мебель. Вот шкафы, кровати и трельяжи, полученные из Таллина. Эксперт без труда находит в них производственные дефекты, хотя фабрика промаркировала их первым сортом.

— Почему вы не разбраковали мебель, не вызвали эксперта? — спрашивает Бочков директора магазина В. С. Никишкина.

— Магазин обязан обменять шкаф! — говорит эксперт А. И. Бочков.

— Мебели мало, покупатель все берет! — слышится ответ.

Так порой некоторые торговые работники покрывают бракоделов, предпочитают поскорее сбыть мебель, не затевая конфликта с поставщиками.

БРАК С МУЗЫКОЙ

Какие только товары не осматривают эксперты! Они едут в хозяйственный магазин проверить качество фонарей «летучая мышь», составляют акт на бракованные пуговицы, дают заключение о качестве яиц, мяса, яблок и мандаринов, поступивших на столичные базы.

— Поедемте, я покажу вам брак с музыкой,— сказал мне эксперт Михаил Сергеевич Юсов.— Извините за шутку, но это не будет веселое бракосочетание: я покажу вам никудышные детские музыкальные игрушки.

Вот и центральная промтоварная торговая база Главунивермага. Огромное здание сверху донизу набито товарами, заготовленными для универмагов столицы. На железнодорожных путях идет разгрузка контейнеров, ящиков, тюков.

В одной из кладовых собраны музыкальные инструменты. И хотя губные гармоники— скорее игрушки, но лежат они рядом с настоящими гармонями и аккордеонами.

Товаровед-бракер Ю. А. Оржешковский вываливает на стол груду маленьких и невзрачных губных гармоник. Их 6 840 штук. Они получены из Киева, от республиканской базы Укрунивермага. Произвела их на свет, как гласят документы, харьковская артель имени 4-й пятилетки. Прибыли они в 19 ящиках навалом. Впрочем, лучшей упаковки они и не заслуживают, хотя приложенный счет требует уплаты 46 тысяч рублей.

— Полюбуйтесь! — говорит Оржешковский, беря в руки игрушку.— Ее опасно давать ребенку...

Грязные, с несмываемыми темными пятнами, гармоники так грубо сделаны, что к ним не хочется прикасаться. Заусеницы на деревянной колодке того и гляди занозят палец. Накладка из белой жести может поранить руку.

— Попробуйте поиграть.— Товаровед протягивает гармонику эксперту.

Юсов, правда, не играет на гармонике, но какое особое умение тут требуется? Он дует изо всех сил, и в ответ слышится слабый дребезжащий звук.

— Слабый ответ голосов,— заключает он профессиональным языком.

— Большой расход воздуха при игре,— дополняет не менее профессионально Оржешковский.

Это значит, гармоники таковы, что дуй, не дуй — толку не будет...

— В первый раз получили товар от этой артели,— словно оправдывается товаровед.— В первый и последний...

Оржешковский— музыкант, был когда-то аккомпаниатором. Взяв с полки другую гармонику, красиво и чисто отделанную, он прикладывает ее к губам—раздаются мелодичные звуки.

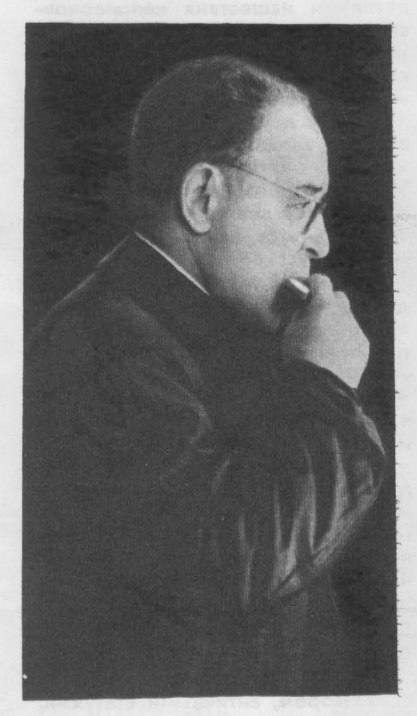
— Вот это подарок ребенку! — говорит он.— И приятно и полезно. А гармоника тоже с Украины. Называется она «Киев» и стоит всего на рубль дороже, чем злополучная харьковская...

— Харьковские гармоники — брак стопроцентный,— заключает эксперт.— Домой!

— Безусловно,— соглашается товаровед.— Пусть харьковская артель получает свое добро.

И девятнадцать ящиков, совершивших путь из Харькова через Киев в Москву, вернулись той же дорогой обратно к горе-хозяйственникам.

А нам подумалось: поменьше бы таких путешествий!

Товаровед-бракер Ю. А. Оржешковский пытается извлечь звуки из гармоники.

Яхты водной секции Дома ученых на Клязьминском водохранилище. Фото Ф. Соловьева.

Лагерь Московского дома ученых в Архызе.

УЧЕНЫЕ-ТУРИСТЫ

Туристскому кружку Московского дома ученых Академии наук СССР исполнилось 30 лет. Кружок проводил научно-туристические экспедиции, прокладывал новые маршруты, обследовал районы «белых пятен». Первая из них — в Сванетию — состоялась в 1928 году.

Наш кружок создал горные лагери на Кавказе и в Средней Азии. Первый из таких лагерей — в районе Теберды — был основан в 1929 году, за ним последовали лагери в таких местностях, как Гондурай, Дигория, Чегем, Шови, Архыз, Уллу-Кам, Терскол, Исфайрам, Каракол, Искандер-Куль, Сары-Чилек. Туристские базы устраиваются на живописных берегах озер Имандра, Селигер, Кубенское, на Южном берегу Крыма, Рижском взморье, в Закарпатье.

Группы московских ученых-туристов путешествуют, пролагая новые маршруты по Заполярью, Уралу, Сибири, Дальнему Востоку, по Прибалтике, Закарпатью, Закавказью.

Для тренировки члены кружка регулярно совершают пешеходные, водные и лыжные походы по Подмосковью.

Записи и дневники, фото- и киноснимки, ботанические и иные коллекции, собранные во время путешествий, используются для докладов, статей и монографий, для выставок, консультаций.

Печатные работы, отражающие деятельность нашего кружка, насчитывают десятки отдельных изданий. Среди них — первое в СССР практическое руководство по туризму, ряд путеводителей по Кавказу, по Заполярью, монографии о Сванетии, о перевалах Центрального Кавказа.

Профессор И. ЗИЛЬБЕРФАРБ

Местиа — картина художницы Т. Анисимовой, участницы Сванской экспедиции туристского кружка Московского дома ученых.

„Бывали ли вы в Архангельском?"

Музей «Архангельское».

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото И. ШАГИНА.

«Бывали ли вы в Архангельском? Если нет, поезжайте...»

А. И. Герцен.

...Толстые ветвистые деревья словно нехотя расступаются перед мраморными колоннами старинного барского дома. Вдали зеленеют поля, блестит стальная полоса Москвы-реки. Трудно поверить, что всего в нескольких километрах отсюда дымят корпуса заводов, высятся краны новостроек — живет и работает Москва.

Архангельское — одна из стариннейших подмосковных усадеб, ставшая теперь музеем. В XVI, XVII, XVIII веках она переходила от одного владельца к другому, а с начала XIX века ею владел князь Юсупов.

Необыкновенно выдержанная гармония природы и искусства составляет главное очарование Архангельского. Как бы дополняя природу, среди зарослей столетнего парка вырисовывается совершенной красоты барский дом, мраморные уступчатые террасы, окаймленные статуями и вазами.

Десятки лет руками крепостных мастеров создавалось великолепие подмосковной усадьбы Юсупова. Строительством дворца и триумфальных ворот руководили крепостной Юсупова, замечательный русский зодчий Василий Яковлевич Стрижаков и Е. Д. Тюрин. Тяжелый крепостной труд подорвал здоровье талантливого архитектора-самородка Стрижакова. Едва достигнув 27 лет, он умер от туберкулеза.

Василий Стрижаков обучал рисованию и архитектурному проектированию молодых художников из крепостных князя Юсупова. Среди них были русские умельцы Иван Борунов и Федор Бредихин, впоследствии много строившие в Архангельском.

Юсупов собрал в своем подмосковном имении большую коллекцию картин и статуй.

К сожалению, сейчас в Архангельском нет картин Рембрандта. При бегстве из России в 1917 году Юсуповы увезли их за границу и продали американскому коллекционеру. Но почти все остальные картины были возвращены в Архангельское после национализации усадьбы. И сейчас картинная галерея этого музея вызывает большой интерес.

Жемчужина Архангельского — «Портрет дамы» А. Ван-Дейка. Портрет относится к лучшей поре творчества художника. Прелестная женщина, полная грации, «глубоко оживленная внутренним огнем, с заклейменной думой на челе», как писал о портретах Ван-Дейка А. И. Герцен, смотрит с полотна картины. Мастерски написан этот портрет. Особенно хороши руки женщины. Их изумительную красоту подчеркивают хрупкие кружева манжет и тяжелый бархат платья.

Здесь находятся картины ученика Рубенса А. Дипенбека, французского пейзажиста XVII века Клода Лоррена, женские головки итальянского художника XVIII века Пьетро Ротари, любившего изображать знатных дам в костюмах крестьянок, исключительные по живописи картины знаменитого итальянского художника XVIII века Дж. Б. Тьеполо и многие другие. И. Грабарь, наблюдавший за реставрацией полотен Тьеполо, установил, что на картине «Пир Клеопатры» в виде мажордома изображен сам художник. «Наша родина располагает двумя первоклассными произведениями великого художника,— утверждает И. Грабарь,— и ранее неизвестным, единственным в настоящее время автопортретом Тьеполо».

Из картин русских художников надо назвать «Вид Петропавловской крепости и Дворцовой набережной» основоположника русского городского пейзажа Ф. Я. Алексеева.

В Архангельском бывал Пушкин. Он писал стихи, посвященные этим местам. Здесь рисовал знаменитый итальянский художник-декоратор XVIII века П. Гонзаго, гостили Карамзин, Панаев, Герцен. Древние деревья парка были свидетелями нашествия наполеоновских солдат, ограбивших усадьбу в 1812 году. В дни Великой Отечественной войны тут отдыхали раненые советские воины. А в прошлом году в древнем парке прозвучали звонкие молодые голоса из многих стран мира: делегаты VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов пришли посмотреть этот замечательный памятник русской культуры.

Недалеко от усадьбы стоит двухэтажное здание бывшего крепостного театра, который был построен Е. Д. Тюриным при участии В. Я. Стрижакова. Достопримечательностью театра являются декорации блестящего итальянского мастера П. Гонзаго — единственные декорации этого художника, сохранившиеся в мире. Блеклыми, неяркими красками написана декорация «Таверны», в красноватых, мрачных тонах выдержана «Тюрьма» и яркими золотистыми красками светится «Римская улица», полная света и воздуха.

И сама эта старинная усадьба с мрамором, античными статуями, такими неожиданными среди русских сосен и лип, сейчас кажется дивной декорацией.

С террасы открываются широкие дали....

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ МУЗЕЯ «АРХАНГЕЛЬСКОЕ»

Антонис Ван-Дейк (1599—1641).
ПОРТРЕТ ДАМЫ.

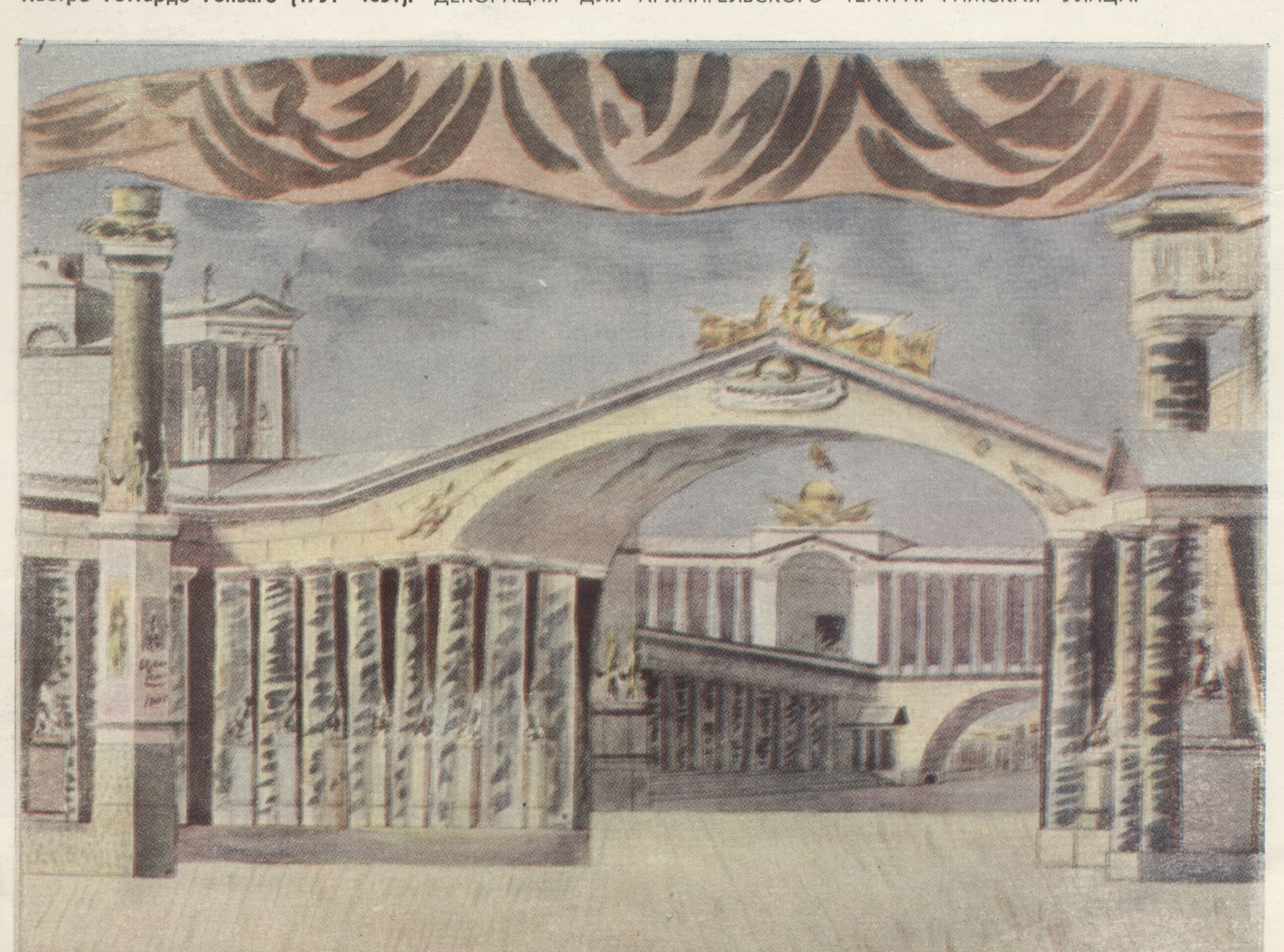
Клод Лоррен (1600—1682). ПЕЙЗАЖ.

Пьетро Антонио Ротари (1707—1762). ДЕВОЧКА.

Ф. Я. Алексеев (1753—1824). ВИД ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ И ДВОРЦОВОЙ НАБЕРЕЖНОЙ.

Пьетро Готтардо Гонзаго (1751—1831). ДЕКОРАЦИЯ ДЛЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО ТЕАТРА. РИМСКАЯ УЛИЦА.

К 50-летию со дня смерти Н. А. Римского-Корсакова

Из воспоминаний об отце

В. Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Нет оперных театров, где бы не звучали творения Николая Андреевича Римского-Корсакова, концертных залов, где бы не исполнялись его симфонические, камерные, вокальные произведения, кружков музыкальной самодеятельности, где бы не игрались или не пелись его сочинения, музыкальных учебных заведений, где бы молодежь не училась на его теоретических работах и художественном творчестве. И сейчас особенно сильно чувствуется все возрастающий интерес к его творчеству и к тому, как трудился великий композитор.

Об этом, частью по воспоминаниям своим и родных, частью по записям и переписке самого композитора я и попытаюсь рассказать.

Творчество для моего отца было прежде всего делом и долгом жизни, самой главной жизненной потребностью, которая выражалась в неустанном подвижническом труде. Вместе с тем отец различал вдохновение «острое», внезапное, и вдохновение «хроническое», длительное. Появление первого из них Римский-Корсаков считал все же недостаточным для художника, зато вдохновение «хроническое» — совершенно необходимым. Он утверждал, что только в упорном труде, в расходовании и напряжении всех духовных сил, в постоянном творческом сосредоточении «острое» вдохновение будет приходить все чаще и чаще, не спрашивая художника, кстати оно или некстати...

Случалось, что в самое неожиданное время, в неподходящем, казалось бы, месте Николай Андреевич вдруг на несколько секунд или даже минут как-то уходил от внешней, реальной жизни. В этот момент он ничего не видел, не замечал. Старшая дочь композитора, Софья Николаевна, вспоминала, как однажды, не дождавшись прихода отца к обеду, пошла позвать его и, отворив дверь в комнату, где находился умывальник, увидела Николая Андреевича, стоящего в задумчивости и дирижирующего намыленными руками.

У Николая Андреевича всегда была при себе записная книжка с нотной бумагой. Таких карманных записных книжек сохранилось около полутора десятков, и записи в них могут свидетельствовать, что внезапно приходившие к нему «музыкальные мысли» были самого разнообразного характера: отдельные гармонические сочетания, нередко уже с наметкой оркестрового звучания; запись мелодии, характеризующей то или другое действующее лицо в задуманной опере; варианты попевок народного характера.

В летнее время Николай Андреевич любил делать небольшие перерывы в работе, пройтись по саду усадьбы, где жил на даче. Эти прогулки Николая Андреевича я наблюдал много раз, и именно тогда отцу то и дело приходилось обращаться к заветной записной книжке.

Очень трудно проследить путь музыкального замысла, рожденного в голове композитора,— от возникновения первой мысли и от первой ее записи до черновой обработки задуманного в целом, до его воплощения в законченном произведении. Вероятно, не без оснований считается, что музыкальная картина «Садко» (1867 год) сочинялась вообще без всяких предварительных записей или набросков. За три недели пребывания в Финляндии на даче в семье брата Воина Андреевича была сочинена бо́льшая часть «Садко», а в целом картина завершена уже по возвращении из деревни.

А. К. Глазунов и Н. А. Римский-Корсаков.

Творческое наследие Римского-Корсакова огромно. Невольно спрашиваешь: да как же мог он соединять с таким напряженным творческим трудом еще множество дел, относящихся к педагогической, дирижерской, общественной деятельности? Все это становилось возможным потому, что с отроческих и юношеских лет Николай Андреевич отличался высокой нравственной дисциплиной, любовью к труду, уважением к труду других людей, чувством долга перед родиной. Эта внутренняя дисциплина укрепилась еще и дисциплиной внешней — во время учения в Морском корпусе и морской службы на военном корабле. Кстати, длительное пребывание в море оказалось благотворным для здоровья. Не будь у него запаса здоровья, он не прожил бы и тех 64 лет, в течение которых нерасчетливо и самозабвенно расходовал свои силы.

Николай Андреевич сочинял ежедневно. Вот что пишет он сам по поводу работы над «Снегурочкой» в 1880 году, когда поселился на лето в усадьбе Стелёво, в тридцати верстах от Луги:

«С первого дня водворения в Стелёве я принялся за «Снегурочку». Я сочинял каждый день и целый день и в то же время успевал много гулять с женой, помогал ей варить варенье, искать грибы и т. д. Но музыкальные мысли и их обработка преследовали меня неотступно».

Ежедневная обязательная работа начиналась примерно в 9 утра, после чашки кофе и неизбежной затем папиросы. До завтрака, перед отъездом в консерваторию, Николай Андреевич занимался за своим столом в рабочем кабинете, время от времени выходя в соседнюю гостиную к роялю, чтобы проиграть написанное или поимпровизировать. В это время в доме соблюдалась тишина и роялем никто другой уже не пользовался.

Но он мог работать, не обращая внимания на такие мешающие обстоятельства, как колокольный перезвон соседнего Владимирского собора или уроки пения в комнате над его головой. Правда, он признавался потом А. К. Глазунову, что гаммы и упражнения ему легко не замечать, но пение романсов или исполнение целых пьес на фортепьяно не замечать уже труднее. Однако он все это терпеливо выносил, никогда не выходил из себя, не бросал из-за этого работы. Помнится только один случай, когда он все-таки был возмущен, услышав, что в квартире над гостиной наигрывали... подслушанные отрывки только что сочиненной им музыки оперы «Садко».

Летом обычных городских помех не существовало, поэтому так быстро подвигалось сочинение, появлялись на свет оперы одна за другой. Так, «Снегурочка» была сочинена в одно лето, за три месяца; опера-балет «Млада» писалась шесть месяцев, причем из этого времени целых два ушли на экзамены в консерватории и капелле, на поездку в Париж, чтобы дирижировать концертами русской музыки на Всемирной выставке 1889 года и на переложение «Шехерезады» для четырех рук. За лето 1897 года Римский-Корсаков сочинил сорок романсов, два дуэта, кантату «Свитезянка», оперу «Моцарт и Сальери», а также трио для фортепьяно, скрипки и виолончели, оставшееся не вполне законченным.

Бывало, что В. И. Бельский, автор либретто, не успевал подготовить тексты, необходимые композитору в его стремительном творческом труде. Как же досадовал тогда Николай Андреевич! Однажды он даже прибегнул к шуточной угрозе, послав либреттисту стихотворное подражание:

Вянет лист, проходит лето,
Мокрый снег валится.
От неимения либретто
Можно застрелиться.

15 октября 1906 года Николай Андреевич заносит в свою записную книжку первый вариант крика Петушка для задуманной новой оперы: «Кирикуку, царствуй, лежа на боку». А через четыре дня, 19 октября, он уже сообщает своему московскому другу С. Н. Кругликову: «Сочинять хочу не в шутку «Золотого петуха», хи, хи, хи да ха, ха, ха».

С этого момента началась напряженная работа над новой оперой, о которой еще несколько месяцев назад не было и речи и которой суждено было стать замечательнейшим произведением в мировой музыкальной литературе. Все же отдаться целиком работе над «Золотым петушком» — до переезда на дачу в усадьбу Любенск — Николаю Андреевичу не удавалось. Помешали многие волнующие обстоятельства: смерть лучшего друга — В. В. Стасова, юбилей А. К. Глазунова, вызвавший выступление Римского-Корсакова за дирижерским пультом на торжественном концерте, репетиции и постановка 7 февраля 1907 года «Сказания о невидимом граде Китеже и деве Февронии» на сцене Мариинского театра, педагогическая работа и многое другое. Но уже к концу декабря сочинено все первое действие, хотя композитор в шуточной форме и жалуется либреттисту: «Кирики кирикуку, ничего нейдет в башку». А на самом деле одновременно с набросками начаты черновики и партитуры.

Огромное мастерство, опыт, страстное увлечение, вдохновение, и «острое» и «хроническое», сделали свое дело. Лебединая песнь Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» не несет в себе ни малейших признаков упадка творчества, торопливой неряшливости или следов старости автора. Наоборот, это исключительно свежее, можно сказать, юношеское, блещущее юмором и новизной произведение. «Золотой петушок» — могучее доказательство того, что способен свершить человек, блестяще одаренный талантом и обработавший этот ценный дар природы сознательным, организованным, культурным трудом.

И пусть любовь великого композитора к труду служит всегда примером нашей талантливой молодежи в ее высоких стремлениях служить своим творчеством родному советскому народу.

Шелк из древесины

Шелк незаменим в быту и технике, в производстве одежды и мебели, в машиностроении и медицине, в рыбном промысле. Везде, везде нужен шелк. И давно минуло то время, когда спрос на него удовлетворял тутовый шелкопряд.

На Могилевском заводе искусственного волокна. Учетчица А. Шевелевич в бобинажном цехе.
Фото А. Борчика.

Могилевский завод изготавливает шелк из целлюлозы. Начальник технического отдела Б. А. Смыков ведет нас из цеха в цех. Перед нами скатаны ослепительно белые кипы, уложенные в высокие штабеля,— целлюлоза, полученная из древесины.

Но вот целлюлозу замачивают в специальных растворах, отжимают, многократно и тщательно фильтруют, получая наконец похожую на мед, густую, вязкую и тягучую жидкость, которая называется вискозой.

Вискоза выдавливается через фильеры — колпачки из сплава платины и иридия,— в которых находится множество мельчайших, неразличимых глазом отверстий. Полученные таким образом тончайшие паутинки свиваются в нитки, которые промываются, сушатся и перематываются на шпули.

Продукция Могилевского завода искусственного волокна рассылается по всей стране, почти двумстам адресатам. Рассказывая о перспективах завода, Б. А. Смыков сообщил, что в 1960 году предприятие намного увеличит выпуск продукции. Из искусственного шелка, получаемого только за один день, можно будет изготовить полмиллиона метров ткани.

В. ПОНОМАРЕВ

Страна красных галстуков

Пожалуй, ни одну страну не открывали так торжественно, как будет открыта «страна» красных галстуков. Десять тысяч мальчиков и девочек выстроятся на линейке, десять тысяч рук взлетят, отдавая пионерский салют, и под торжественные звуки горна на мачту взовьется флаг...

Макет Всесоюзного Дворца пионеров.
Фото Р. Лихач.

Эта «страна» будет расположена на Ленинских горах в Москве. Территория ее — около пятидесяти гектаров, рельеф в основном равнинный, с небольшими возвышенностями, озерами и даже «необитаемым» островом. Растительность самая разнообразная: от мхов и лишайников севера до ярких цветов солнечных тропиков. Из конца в конец «страны» по окружной железной дороге пойдут поезда, и «жителями» ее станут пионеры, юные ленинцы — народ веселый, любознательный, любопытный.

Речь идет о будущем Всесоюзном Дворце пионеров, проект которого разработан группой молодых архитекторов «Гипрокоммунстроя».

Недалеко от центрального входа, в четырехэтажном корпусе науки и техники, разместятся различные мастерские и лаборатории, ателье мод, «фабрика» детских игрушек, фотокиностудия, детская типография, радиотехнический «завод», школа домоводства для девочек.

К корпусу науки будут примыкать спортивный корпус с закрытым манежем и катком, большой стадион. На территории, отведенной юным натуралистам, раскинутся оранжереи, ботанический сад, поля пионерского «колхоза», небольшой зоопарк.

В уголке туриста ребята научатся взбираться на горы, лазить по скалам, а по озеру они поведут моторные лодки. Как увлекательно во время такого путешествия вдруг «открыть остров» и обнаружить на нем домик Робинзона Крузо!

Юные астрономы получат свой планетарий. Кто знает, ведь, может быть, со временем, когда подрастут, они полетят в межзвездное пространство!

Будут у ребят два театра: зимний закрытый и летний, эстрада которого расположится на озере.

Построят эту «страну» очень скоро — через полтора года. Шефство над строительством Всесоюзного Дворца пионеров взял Центральный Комитет комсомола. Оборудование для дворца делают молодежные бригады многих заводов и фабрик. Озеленят свою «страну» сами пионеры. Во всех концах нашей родины выращиваются юными натуралистами растения для оранжерей и ботанического сада.

В центре парка будет воздвигнута скульптура Владимира Ильича Ленина.

В. ВАСИЛЬЕВА

КАВКАЗ В ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ

...Человек уже не мог подняться с кровати. Нестерпимой болью отдавалась каждая попытка разогнуть руку или ногу. Диагноз врачей был единодушен: сложный случай инфекционного полиартрита, одной из самых тяжелых болезней суставов

Восемь лет лежал человек неподвижно, молодой, полный энергии, а жизнь проходила мимо. На девятый год его привезли в водолечебницу Хмельника, Винницкой области. Начался курс лечения. Через четыре месяца человек взял в руки костыли и осторожно, еще не веря себе, коснулся ногой пола: надо было заново учиться ходить. А вскоре, после повторного курса лечения, он уже сам, опираясь лишь на палку, поднимался на второй этаж. Стоит ли говорить, какой радостью светились при этом глаза больного и врачей!

— Очень, очень помогло,— говорит главному врачу Г. А. Новицкому пенсионерка Мария Ивановна Шорохова, принявшая курс радоновых ванн.

Так благотворно действует вода здешнего источника. Один из энтузиастов Хмельникского курорта, врач Г. А. Новицкий, рассказывает, что уже первый месячный курс ванн дает значительное улучшение здоровья у 95 человек из ста.

Чем же это достигается, какая чудодейственная сила есть в источнике?

В источнике содержится радон — благородный газ, эманация, то есть продукт распада радия. Значит, вода радиоактивна и лечебные ее свойства в принципе те же, что и при радиевом облучении.

Радон был открыт здесь в 1934 году. Произошло это, как часто бывает, неожиданно.

Хмельник ощущал недостаток в хорошей питьевой воде. И вот на тогдашней базарной площади городка пробурили артезианский колодец. Вода вскоре пошла, однако какая-то странная — красновато-желтого цвета, неприятная на вкус. Пришлось списывать «напрасно израсходованные» на бурение деньги и как доказательство представить бутылку с непригодной для питья водой. Знатоки минеральных вод — бальнеологи — определили, что она радиоактивна и по содержанию ряда солей превосходит некоторые источники Цхалтубо.

В 1939 году было принято постановление о строительстве в Хмельнике курорта. Осуществить его помешала война, потом на повестке дня стояли другие неотложные хозяйственные задачи. Нашлись, кроме того, и скептики, всегда умеющие подвергнуть сомнениям даже бесспорное.

...Ворох писем... На конвертах почтовые штемпеля Москвы, Львова, Ленинграда, Черновиц, Минска, Ростова, Воркуты... В каждом одна просьба: «Помогите приобрести путевку в Хмельник».

— В месяц,— говорит заведующий облздравотделом И. Г. Шалковский,— мы можем выделить за пределы области 40—50 путевок. А писем получаем до тысячи.

Еще больше просьб поступает непосредственно в адрес лечебницы: ее дневная корреспонденция равна всей почте Хмельника за три дня.

Ежегодно в летние месяцы население городка заметно возрастает. Сотни так называемых курсовочников, чтобы принять ванны, вынуждены платить немалые деньги квартирным спекулянтам, питаться где и как придется.

Скважине, пробитой когда-то на базарной площади, скоро минет 25 лет. И все время она действует безотказно, намного перекрывая скромные потребности стационара. Дают воду и другие буровые, возле которых построены две больницы.

Но все это далеко не исчерпывает возможностей источника и не удовлетворяет требований. На радоновых водах Хмельника должен вырасти настоящий большой курорт.

И курорт будет!

Миллионы рублей выделены для строительства курорта. Уже заканчивается расширение главного корпуса. На собственные средства сооружают водолечебницу колхозы Винницкого сельского района. Что же касается планов недалекого будущего, то они еще отраднее. За городком, на живописном холме, среди сосновых и березовых рощ, разместится новая здравница.

Уже в этом сезоне пройдут курс лечения дополнительно шестьсот человек. Жить их устроят пока в легких деревянных домиках дачного типа. А через несколько лет будет осуществлен генеральный план строительства курорта на тысячу мест со всеми удобствами.

Хорошо, если бы так же хозяйственно, по-государственному была решена судьба и других источников. А среди них есть, так сказать, беспризорные. Ну вот хотя бы источник «Лучок». Кто знает, сколько лет журчит он в лесной тиши, кто сочтет, сколько утекло воды!

Над Южным Бугом раскинулся украинский городок Хмельник.

ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ И ВОЕНКОРЫ

В начале апреля 1921 года бывший комиссар Чапаевской дивизии Дмитрий Фурманов был назначен редактором газеты 11-й армии «Красный воин».

Через несколько дней политотдел 28-й стрелковой дивизии, где я в то время редактировал газету, получил указание прислать делегатов на совещание военных корреспондентов, созываемое «Красным воином». Фурманов начал с организационно-массовой работы, которую до него ни один редактор по-настоящему не вел.

Первое совещание военкоров 11-й армии открылось 17 апреля 1921 года в Тифлисе.

Теснее связаться с красноармейской массой — такова была главная мысль доклада Фурманова.

Участники совещания запечатлены на сохранившемся у меня снимке. Во втором ряду третий справа — Дмитрий Фурманов.

Г. БРОВАРСКИЙ

Во всяком случае, местным жителям источник ведом давно. Больше того, у некоторых до сих пор сохранились облезлые картонные этикетки в виде бутылки с надписью: «Лучшая столовая вода Регина. Источник Собанских. Продается везде».

Старожилы помнят, что здешний помещик Собанский, смекнув, какую он извлечет выгоду, организовал розлив воды, окрещенной именем помещичьей дочери. Подтверждение этому, кроме этикеток, остатки гранитной облицовки источника. Ящики с «Региной» путешествовали в Петербург, Париж, Лондон, житницкая минеральная вода получала медали на международных выставках.

И она наверняка заслуживает самой высокой оценки. В этом сходятся и колхозные пастухи, которые в солнечный летний день утоляют жажду чистой, кристально-прозрачной водицей, и авторитетные ученые-курортологи, давшие такое заключение: «По своему химическому составу и физическим свойствам приближается к березовским и некоторым трускавецким водам. Может быть использована для промышленного розлива в газированном состоянии в качестве столовой, а также лечебной».

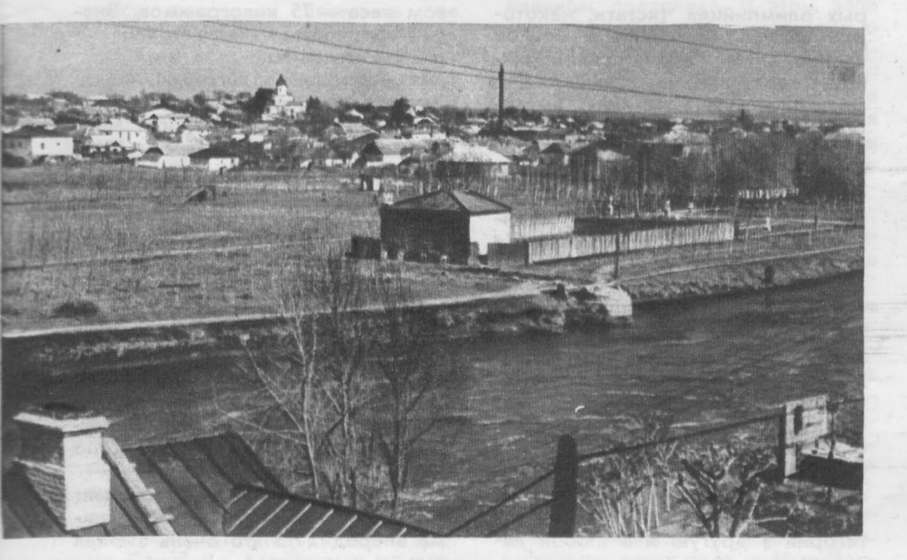
Забыты и Собанский и его Регина. Народ назвал источник посвоему, ласково — «Лучок». Пять лет тому назад колхозники обратили на него внимание работников областной санитарной станции. Те приехали, обследовали, сообщили министерству и другим учреждениям. И родился... пока что только бумажный ручей заключений и актов. А «Лучок» течет себе беззаботно в лесной тиши, сто кубометров воды пропадает ежесуточно.

В самом районном центре, Мурованых Куриловцах, обнаружены колодцы — собратья «Лучка». Вода из них используется сейчас лишь домохозяйками. Это странно. Ведь никому же не придет в голову купить, скажем, десяток бутылок «Березовской» для того, чтобы сварить борщ или вымыть полы.

Немало есть еще заброшенных, а подчас совсем неизвестных Ессентуков и Цхалтубо — и не обязательно на Кавказе.

А. ЛУКЬЯНЕНКО

Фото Е. Копыта.

Обновленный крейсер

Ремонт палубы у исторического орудия, из которого был произведен выстрел 25 октября 1917 года.
Фото Б. Уткина.

Ленинградцы давно привыкли к тому, что на Большой Невке вырисовывается силуэт крейсера «Аврора». Трудно представить себе Петровскую набережную без легендарного корабля. И вдруг крейсер исчез. Мы узнали, что его отбуксировали в Кронштадт для капитального ремонта.

Отыскать «Аврору» среди кораблей на морском заводе в Кронштадте нетрудно.

Руководитель ремонта крейсера старший инженер Степан Петрович Петров рассказывает:

— Крейсер сейчас как бы полностью омолаживается. Мы стремимся выполнять все работы так, чтобы исторический корабль сохранился на долгие годы. «Аврора» восстанавливается в том виде, в каком она была в октябре 1917 года. Старые балтийцы, служившие в ту пору на корабле, помогли нам уточнить многие важные детали.

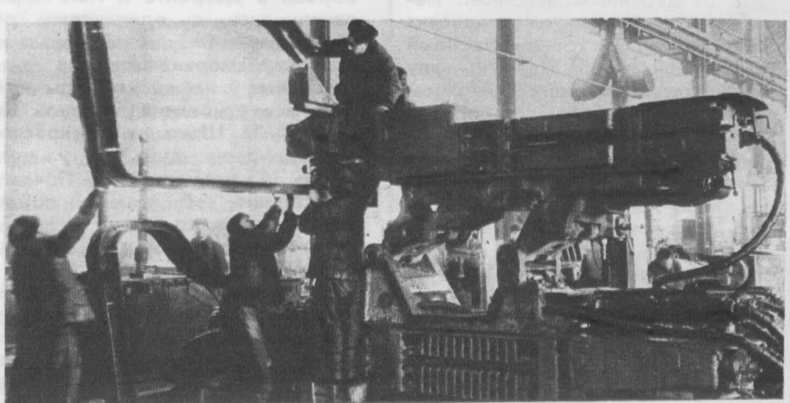
В боевой рубке восстановлена прежняя система управления артиллерийским огнем. Воссоздана каюта судового комитета, в которой авроровцы собирались на заседания в 1917 году, когда решался вопрос об участии в вооруженном восстании. Отремонтирована радиорубка, откуда передавалось ленинское воззвание «К гражданам России!».

В носовой части, там, где прежде была церковная палуба, оборудовано хранилище подарков. За последние годы на крейсере побывали тысячи советских и зарубежных гостей. Многие принесли в дар кораблю значки, знамена, оружие, фотографии, книги...

Скоро крейсер вернется в Ленинград обновленный, поблескивающий свежей краской. Как и прежде, корабль станет на Большой Невке и будет служить филиалом Центрального Военно-морского музея и базой нахимовского училища.

К. ЧЕРЕВКОВ

ГОРНЫЙ КОМБАЙН «Д-4-Р»

Карагандинский научно-исследовательский угольный институт в содружестве с коллективом конструкторов и технологов Ново-Карагандинского машиностроительного завода разработал проект нового горного комбайна «Д-4-Р» для выемки угольных пластов. После испытаний завод приступит к серийному изготовлению комбайнов.

На снимке: сборка горного комбайна «Д-4-Р».

Н. КАГАНОВИЧ

Школьники из Ясиноватой

С. Маршак беседует со школьниками из Ясиноватой, Сталинской области.
Фото автора.

Давно мечтали об экскурсии в Москву ученики ясиноватской школы № 3. И вот их мечта осуществилась. Собирая металлический лом, работая во время каникул в колхозах, ребята накопили сумму, нужную для дальней поездки. Много интересного повидали школьники в столице. В павильоне юннатов ВСХВ ясиноватские туристы встретились с писателем С. Маршаком.

С. ФРИДЛЯНД

Три победы за океаном

Федор БОГДАНОВСКИЙ,

чемпион XVI Олимпийских игр

Принято рассказы о поездках в другие страны начинать с того момента, когда «ТУ-104» оторвался от бетонированной полосы Внуковского аэродрома. Мне хочется начать с конца: с той секунды, когда самолет авиакомпании, обслуживающей великую трансатлантическую воздушную линию, стартовал с аэродрома «Айдлуайт», расположенного в 30 километрах от Нью-Йорка.

Улетали мы с этого аэродрома куда более радостные, чем прилетели сюда. И дело не только в том, что в момент прилета, 8 мая, стояла серая, ненастная погода, шел дождь. Ведь мы приехали меряться силами с такой компанией атлетов, которая может внушить уважение кому угодно, и естественно, что к радости у нас примешивалась озабоченность. Правда, сами американские наши коллеги тоже ждали этого визита с раздвоенным чувством. Недаром же «бог» американских тяжелоатлетов государственный тренер США Боб Гофман одну свою статью в принадлежащем ему журнале «Сила и здоровье» озаглавил так: «SOS — русские едут!» Этот в шутку употребленный сигнал бедствия в какой-то мере все же отражал беспокойство американских штангистов за исход встреч на помосте.

И предчувствие их не обмануло. Известно: трижды выходили к штанге две сильнейшие команды мира — Советского Союза и Соединенных Штатов,— и трижды победа оставалась за советскими силачами. А общий счет — 14 : 7 в нашу пользу.

К тому же была одна деталь, которая особенно подчеркивала убедительность этой победы. Дело вот в чем. Сначала предполагалось, что первая встреча — в Чикаго — будет носить официальный характер, так сказать, ее запишут на скрижали истории тяжелой атлетики. А две другие — в Детройте и Нью-Йорке — пройдут просто как показательные выступления.

Но когда встреча в Чикаго привела к такому сокрушительному результату — 6 : 1 в пользу команды СССР,— было предложено и две другие считать официальными. Что ж, желание взять реванш понятно и уместно в спорте. С нашей стороны отказа, разумеется, не последовало. Борьба в Детройте и Нью-Йорке закончилась с одинаковым результатом — 4 : 3, и оба раза не в пользу американцев.

Так что у нашей команды имелись все основания покидать Соединенные Штаты в прекрасном расположении духа. А у меня лично в особенности. Почему? Собственно, об этом и пойдет речь дальше.

Расскажу по порядку, как все запомнилось...

Сколько бы ни приходилось человеку читать описания пресловутых нью-йоркских небоскребов, он все равно будет поражен, когда увидит их собственными глазами. Поражен и подавлен. Именно чувство подавленности испытываешь на улицах центральной части города. А если еще прибавить к этому ошеломляющую уличную суету и рекламную свистопляску... В общем, мне гораздо больше Нью-Йорка понравился Чикаго — более спокойный и зеленый.

О тех днях, когда мы не выступали, остались какие-то разорванные воспоминания. Словно перед глазами, бешено крутился огромный калейдоскоп, в котором разноцветные стеклышки складывались в самые неожиданные сочетания.

...Нас всегда и везде фотографировали — и корреспонденты и просто любители. Иногда это фотографирование превращалось в настоящий спектакль. Когда мы вышли из самолета в аэропорте Чикаго, на нас кинулась целая рота людей с фотоаппаратами. Они снимали и сбоку, и сверху, и, кажется, снизу. Просили нас перегруппироваться — скажем, так, чтобы сначала гигант Медведев стоял позади маленького Стогова, а потом наоборот. Или чтобы Воробьев положил одну руку на плечо Ломакину, другую — Бушуеву, а Минаев смотрел на них. И так далее. А в клубе любителей тяжелой атлетики в Чикаго одна экспансивная девушка попросила нас — всю команду — сесть в старинный экипаж, а сама она изображала лошадку. Так мы, что называется, и запечатлелись.

Еще задолго до нашего приезда и Гофман и другие американские руководители тяжелой атлетики говорили, что нас ждет в Соединенных Штатах такое же широкое гостеприимство, с каким в 1955 году принимали в Советском Союзе штангистов США. Прогноз оказался правильным на все сто процентов. Вот, например, где мы успели побывать в Чикаго за два дня: клуб любителей тяжелой атлетики; клуб старых олимпийцев (кстати, некоторых из нас зачислили в список членов клуба, выдав своеобразное удостоверение личности — металлическую пластинку, имитированную под золото); соревнования по американской борьбе — кетчу; бейсбольный матч; экскурсия по городу; поездка на озеро; встреча в ресторане с любителями тяжелой атлетики... Да еще плюс две пресс-конференции.

У меня давно, уже несколько лет кряду, была заветная задача: победить непобедимого Томми Коно, моего старого друга. Он отличный атлет, обладает безукоризненной техникой и завидной волей к победе. Как спортсмен он настолько совершенен, что может с легкостью переходить из одной весовой категории в другую и в любой категории показывать самые первоклассные результаты. Недаром его окрестили «блуждающим чемпионом».

Помню, в 1955 году в Мюнхене, на первенстве мира и Европы, где Коно выступал в среднем весе, у Трофима Ломакина была возможность «разложить» его по всем правилам, но Ломакину не повезло. Он находился в блестящей форме, мы предвкушали его победу над любым грозным соперником, будь то даже сам Томми Коно. И надо же было случиться, что в день соревнований Трофим свалился в постель: заболел, температура у него подскочила до 40,3. Он не смог выйти на помост.

В том же 1955 году, когда американские штангисты были у нас в гостях, я впервые померялся с Коно силами в полусреднем весе. Он обогнал меня на 12 кг.

В 1956 году на Олимпиаде в Мельбурне Коно выступал уже не в полусреднем, а опять в среднем весе и стал чемпионом.

В 1957 году в Тегеране он вернулся в полусреднюю категорию. Мы оба набрали в сумме трех движений по 420 килограммов, повторив мой мировой рекорд, но победу присудили ему, а не мне, потому что мой собственный вес был на 300 граммов больше, чем у него.

Вообще собственный вес атлета — коварная штука. Чуть дал себе поблажку, не выдержал строгого режима — медицинские весы неумолимо вынесут свой строгий приговор. А иногда даже и при безукоризненном соблюдении режима какая-нибудь пустяковая ошибка в расчетах приводит к неудаче. Был же с Н. Костылевым на чемпионате в Мюнхене такой случай. На контрольных прикидках весы показывали, что у него как раз предельная норма для легкой весовой категории — 67 с половиной килограммов. В рывке он поднял 125 килограммов. В зале гром аплодисментов: все приветствуют рождение нового мирового рекорда. Поставили Костылева, как полагается, на весы — и они показали 67 килограммов 560 граммов. Шестьдесят граммов лишних — рекорд не засчитан!

Все знали, что Коно умеет управлять своим весом с магической легкостью, в этом деле соревноваться с ним просто бессмысленно. И на выручку медицинских весов я не рассчитывал. Коно можно было побить только на помосте. Однако в Чикаго оказалось, что Коно и я в одинаковом весе — 75 килограммов. Значит, состязаться предстояло на равных условиях.

И вот помост. Огромный зал, скрестивший взгляды на поблескивающем грифе и тускло мерцающих «блинах» штанги. Идет беспощадная борьба.

Когда дошла очередь до меня, счет был 2 : 1 в пользу советской команды. Необходимо выиграть и мне, чтобы закрепить успех.

Первое движение — жим, мое любимое. Ставят 127,5 килограмма. По жребию начинаю я, Коно вторым. Выжимаю легко. Коно делает это, пожалуй, еще легче. Следующий вес — 132,5. Мы оба берем и его. 135... Судьи фиксируют, что я выжал штангу. Коно не смог поднять этот вес.

Первый шаг к победе сделан: я на два с половиной килограмма впереди. Но это очень зыбкая

Томми Коно и Федор Богдановский.

Во дворе чикагского клуба любителей тяжелой атлетики.

разница... Ведь впереди еще два движения, в которых Коно очень силен.

Рывок. Я начинаю со 120. Вырываю вес. Коно просит поставить 122,5. Рвет хорошо.

Мне ставят 125. Беру. Коно пропускает. Это тактический маневр. Следующий вес — 127,5. У Коно больше шансов взять его: ведь у него две попытки, а у меня осталась одна. С громадным трудом я поднял этот вес.

Томми Коно подходит к штанге, набирает полную грудь воздуха, весь собирается... Рывок! И штанга, не удержанная на вытянутых вверх руках, грохается о помост. Последний подход — и снова неудача.

Итак, я впереди на 7,5 килограмма. Причем знаю, что в толчке сумею показать не менее 160.

Судьи объявляют, что начинается последнее упражнение — толчок.

Беру 157. Коно в первом подходе толкает 160.

Прошу установить 162,5. Есть! Коно пропускает этот вес.

На штанге 165. Уже чувствуется усталость. Мышцы ног и рук чуть одеревенели. Но мысль, что Коно может отыграть у меня с таким трудом завоеванное преимущество, заставляет подтянуться. Нужно толкнуть 165! Нужно поставить эту десятипудовую преграду на дороге Коно, и пусть он попробует перешагнуть ее, если хочет прийти к победе. Тогда ему, чтобы догнать меня, придется попросить поставить на штангу 172,5. А это для полусреднего веса пока почти недосягаемо, полусредневес может рискнуть на такую попытку только в момент отчаяния.

Товарищи по команде поздравляют меня от души. В сумме я показал результат на 7,5 килограмма выше мирового рекорда. Правда, его нельзя зафиксировать как новый мировой рекорд, ибо в составе судейской коллегии не набирается необходимых представителей от трех различных стран. Но все равно у меня большая радость: всесоюзный наш рекорд вырос. Да к тому же приятно сознавать, что за десять лет занятий тяжелой атлетикой мне удалось поднять свой личный рекорд в сумме трех движений со 185 килограммов до 427,5.

А Коно, что делает в это время Коно? Ко всеобщему удивлению, он попросил установить на штангу 172,5. Мне показалось, что даже Гофман с сомнением покачал головой.

Конечно, это был смелый шаг, но оба подхода ничего Коно не дали. Он набрал в сумме 415 килограммов, был огорчен, но не очень расстраивался. Поздравляя меня, Томми сказал:

— Ничего! Впереди еще две встречи. Будем бороться!

Голос его звучал бодро...

Следующим городом, где мы выступали, был Детройт. И здесь, как всюду, масса фотографов при встрече, открытые, добрые улыбки, когда люди узнавали, что мы из Советского Союза. И ко всему прочему, на нас упал свет яркой славы, которую завоевали в Соединенных Штатах артисты Государственного ансамбля народного танца СССР: ведь мы их соотечественники. По счастливому стечению обстоятельств мы попали в Детройт именно тогда, когда там выступал наш ансамбль. Мы ходили на один из концертов. Билеты, конечно, купить было невозможно, но нам как почетным гостям нашлись места.

Положа руку на сердце, мы глядели не на артистов, а на публику. Пусть наши неподражаемые искусники не обижаются на это: ведь их мы видали и дома. А вот того, что творилось в зале, во второй раз не везде и увидишь. Это был редкостный энтузиазм, восторг, охвативший всех безраздельно и властно, словно люди присутствовали на каком-нибудь великом празднике. В этом зале мы с особенной отчетливостью увидели, что душа у американского народа широкая и открытая, что он понимает и ценит все истинно красивое. Казалось, если бы все овации, которые гремели в зале, слить в один общий хлопок, он заглушил бы взрыв любой водородной бомбы.

Вторая наша встреча с американской командой проходила в этом самом зале.

Борьба была более упорной, но мы снова победили с общим счетом 4 : 3. Мой поединок с Коно развивался приблизительно в том же духе, как в Чикаго. Опять собственный вес у нас был абсолютно одинаковый. И снова я победил, опередив его на 5 килограммов.

Теперь у американских штангистов оставалась последняя возможность отыграться, в Нью-Йорке. Боб Гофман и его коллеги были удручены исходом всего предыдущего, только убедительный реванш мог реабилитировать их в глазах американских поклонников гиревого спорта. Дело в том, что две эти наши победы имели особое значение. Советские штангисты на официальных соревнованиях в последние годы не раз одерживали командные победы, но, как правило, за счет побед в легких весовых категориях. В тяжелом весе мы долго отставали от американцев. А в Соединенных Штатах принято считать, что лучшая команда та, у которой сильнейшие штангисты в тяжелом весе. Феноменальный атлет Пауль Андерсон, как известно, стал профессионалом, выступает перед публикой со всякими силовыми номерами, и американская команда лишилась гегемонии в тяжелом весе.

Но и Нью-Йорк принес победу нам. Счет повторился детройтский — 4 : 3.

А в моих «отношениях» с Коно на этот раз сыграл свою роль злополучный собственный вес. Случилось вот что. Как я уже говорил, и в Чикаго и в Детройте мы весили одинаково, и этот вопрос меня нисколько не волновал. В Нью-Йорке перед соревнованиями я заметил, что Коно слегка нервничает, и решил несколько упростить ему задачу, если только дело было в том, что его беспокоит разница в весе.

Я подошел к нему и предложил сделать следующее. Взвесившись до соревнований, узнать, кто легче, кто тяжелее, и потом тот, кто легче, допьет воды, чтобы при официальном взвешивании судьи нам записали одинаковый вес. Таким образом, и в Нью-Йорке мы будем бороться на равных, не надо будет думать о привходящих обстоятельствах.

Но то ли переводчик плохо перевел мои слова, то ли Коно не совсем правильно их истолковал, только он не принял моего предложения. Первым встав на весы, Коно подождал, когда стрелка успокоится, потом сразу сошел с платформы и жестом предложил мне взвешиваться.

Судья еще не успел поставить противовесы в нейтральное положение, а я уже шагнул на платформу. Стрелка заколебалась, тяготея чуть кверху. Медицинские весы — механизм тонкий: кажется, возьми в руку голубиное перышко, они четко отметят это.

Было записано, что мой вес больше. Коно не скрывал, что его удовлетворил результат взвешивания, он ушел куда-то с довольным выражением на лице.

Мы оба подняли по 425 килограммов. Победу дали Коно...

Ничто не нарушило радости, которую вызвала в нас эта поездка за океан. Можно сказать, что у штангистов самая популярная цифра — три: атлеты делают три движения, на каждое из них положено три попытки. Мы три раза выступили, три раза победили.

Дружба между спортсменами наших двух стран крепнет все больше. Впереди много новых встреч.

И пусть всегда побеждает сильнейший!

Литературная запись
Олега ШМЕЛЕВА.

На стволе указки...
Вот стоит волшебный ствол,
Может, этот ствол пришел
Из чудесной сказки?!
Если вправо ты пойдешь —
К дому новому придешь!
Если влево ты пойдешь —
К дому новому придешь!
Если прямо ты пойдешь —
К дому новому придешь!
Этой стройки небывалой
Темпы очень горячи.
Ждут вас новые кварталы,
Дорогие москвичи.

Сергей ОСТРОВОЙ

Фото М. Савина.

Когда вспенивают глину...

Георгий БЛОК

Шипит откупоренная бутылка хлебного «дедушкиного» кваса, выбрасывая из горлышка столб пены... Вскипает на огне молоко, грозя затопить плиту... Взбиваемые металлическим веничком, белки превращаются в пушистый крем, манная каша — в клюквенный мусс... Падают с мочалки белые хлопья, когда мы намыливаем тело...

В быту мы постоянно встречаемся с пеной. Она синоним легкости, невесомости, непрочности. А глина тяжела и вязка. И вдруг такое странное сочетание: пена и глина!

«Конечно,— скажет иной читатель,— можно схитрить и, добавив известные химические вещества, вспенить глину. Разве есть что-нибудь неосуществимое в наш век! Но зачем глину вспенивать, какой в этом смысл? Допустим, что это удалось. А дальше?..»

Если принудить глину подниматься, расти, как тесто на дрожжах, насытить ее, точно квас, пеной, скоплениями юрких пузырьков газа, а затем прокалить в печи,— глина станет отличным строительным материалом.

Решать эту проблему было нелегко: потребовалось два десятка лет напряженного труда. Заурядная пена, достояние кулинарии, винодельства, брадобрея, сравнительно недавно перекочевала и в другие отрасли. Она пришла в строительство. Вспомним пеностекло, пенобетон, пенопласты...

Солидная эта «пенофамилия»! Появление ее уверенно предсказал в 1932 году профессор И. И. Китайгородский, когда с трибуны всесоюзного совещания смело выдвинул идею пеноматериалов.

В этом году ученый — старейший стеклодел в нашей стране — отметил свое семидесятилетие. Кроме научных трудов, на его счету семьдесят пять авторских свидетельств, иначе говоря, патентов на различные изобретения. Среди них есть керамические резцы, сделанные из микролита. Это молочно-белые, продолговатые, прохладные на ощупь пластинки. Ими с огромной скоростью режут, обтачивают любой металл, снимают с него стружку. Характерное признание сделали совсем недавно американские специалисты. Они заявили, что советские микролитовые резцы по качеству превосходят сделанные в США.

Недавно в стенах Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева, где профессор И. И. Китайгородский руководит кафедрой стекла, рожден новый материал — пенокералит.

Пенокералит — развитие старой идеи, следующий шаг вперед. Профессору И. И. Китайгородскому давно не давала покоя заманчивая мысль: вспенивать не стекло, а обычную глину. И вот мысль воплощена в дело.

— Посмотрите,— говорит профессор, показывая на прислоненную к стене квадратную плиту. Серо-черная, массивная, она издали по цвету напоминает чугунную.— Нет, нет,— словно угадывая мои сомнения, добавляет он.— Ее источник все тот же — сиаль, верхний слой земной коры, та же глина. Она всюду под рукой, всюду распространена... Вот, взгляните.— И профессор легко поднял толстую плиту размером примерно метр на метр, толщиной двенадцать сантиметров, перенес и поставил ее на ребро посреди комнаты.

— В пенокералите нет ничего, кроме глины,— продолжает он.— Одна только подсушенная и размолотая глина. Нашлась и такая. И не за тридевять земель, а под Москвой, в Алексине. Природа сама позаботилась приготовить нам прекрасное сырье. Самолично подмешала необходимые органические добавки. Это животные и растительные остатки, за миллионы лет превращенные в углеродистые соединения. Они действуют подобно дрожжам.

Отметим: пригодна почти любая глина, и небогатая примесями. Их добавляют в приготовляемую шихту. Да и нужны они в ничтожно малом количестве. Кстати, пенокералит можно делать из вулканического пепла, нефелина и других распространенных пород. Это подтвердили проведенные в лаборатории опыты по изучению образцов, присланных с Кавказа и Урала, с Кольского полуострова и Дальнего Востока.

Пенокералит получают примерно так же, как пеностекло. Стекло дробят в шаровой мельнице, превращают в тончайший порошок, добавляют туда приблизительно один процент размолотого кокса или сажу. Они-то и берут на себя обязанность вспучивать, наполнять воздушными пузырьками тщательно размешанную и спекаемую в металлических формах шихту.

При заранее заданной температуре наружный слой затвердевает, а внутри под коркой тем временем продолжается образование пузырьков. Стеклянное «тесто» доходит. Созревающие пористые «пироги» снова, на продолжительный срок, скрываются в недрах туннельной печи.

В готовом пеностекле ячейки, наполненные газом, занимают от 85 до 95 процентов объема. Оно великолепно окрашивается в любые цвета и оттенки. Его выпуск освоен нашей промышленностью.

Глину тоже сначала измельчают или, что еще дешевле и проще, добывают «мокрым» способом: разбивают карьер мощной струей воды из гидромонитора.

Подготовленную пластичную глину формуют в виде пластов требуемого размера, ставят на ленту транспортера или рольганга и отправляют в туннельную или этажерочную печь в зону высокой температуры.

Что происходит в глине? Заглянуть в нее невозможно. Однако ученым удалось воссоздать невидимый процесс. При температуре 1 100—1 200 градусов в первые же минуты примерно половина шихты расплавляется, оттаивает, словно снег под лучами вешнего солнца.

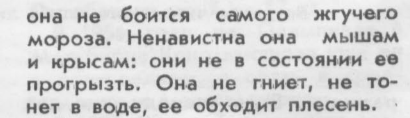
Этого момента словно дожидаются включенные в массу примеси. Они превращаются в легкий газ, бурно возникает множество мельчайших пузырьков. Плоская лепешка на подставке внезапно оживает, вздувается, вздымается, стремительно растет. Она увеличивается в объеме в шесть — восемь раз.

— Пенокералит,— говорит профессор Китайгородский,— очень легок и достаточно прочен. Кубометр весит всего 250—400 килограммов и заменяет две тысячи кирпичей. Пенокералитовая плита толщиной в пять сантиметров равноценна полутора кирпичам.

Новый материал уже начал соперничать с кирпичом, превосходя его по многим показателям. Стены из пенокералитовых блоков значительно легче кирпичных. Поверхность штукатурится с предельной простотой: известковым раствором затирают наружные поры. Крупные стеновые панели с прокладкой из пенокералита почти вдвое легче обычных, не уступают им по качеству.

Любопытные расчеты произвели экономисты. Транспортировка пенокералита и сборка, например, четырехэтажного дома обходятся на сорок процентов дешевле по сравнению с крупноблочными. А общие расходы на его сооружение сокращаются почти на десять процентов. Иначе говоря, средств, отпущенных на стройку девяти домов, хватит на десять.

Удивительны и оригинальны свойства пенокералита. Мириады замкнутых воздушных пузырьков — отличные изоляторы. Они, словно прокладка из толстой ваты, стоят неприступной стеной перед теплом, холодом и звуком. Вспененную глину не берет огонь,

Профессор И. И. Китайгородский.

она не боится самого жгучего мороза. Ненавистна она мышам и крысам: они не в состоянии ее прогрызть. Она не гниет, не тонет в воде, ее обходит плесень.

Пенокералит равнодушен к щелочам и кислотам. Он непроницаем для воды, воздуха, газов. И вместе с тем податлив: ему легко придать любую требуемую форму. Его можно распиливать, как древесину, сверлить, обтачивать. В нем хорошо сидят гвозди, не выскочит и винт. Он в дружбе с бетоном, гипсом, известью. Его можно облицовывать металлом, керамикой, пластмассой.

Сегодня пенокералит вышел из стадии лабораторных образцов, стал товарной продукцией массового производства Буньковского завода под Москвой. С его участием воздвигнуты два экспериментальных пятиэтажных жилых дома в Москве — в Новых Черемушках и на Варшавском шоссе. По отзывам специалистов, это наиболее современные здания.

И в первом и во втором случае он выступает в компании — в одном случае с железобетонными панелями, благодаря чему стены сильно «похудели»: толщина их составляет всего шестнадцать сантиметров; во втором — в паре со семищелевым камнем, что также привело к гигантской экономии материалов и трудовых затрат.

Проверенная и усовершенствованная технология производства пенокералита всесторонне разработана и внедрена под руководством профессора И. И. Китайгородского группой научных сотрудников и инженеров: Э. Житомирской, Б. Борисовым, Н. Дикерманом, В. Мальцевым, Л. Бутта.

В этом году цеха подмосковных заводов дадут пенокералитовых плит в объеме, равном пятидесяти миллионам кирпичей. Смелый пример москвичей говорит о том, что наладить производство пенокералита в крупных размерах может каждый совнархоз, в распоряжении которого имеются запасы глины.

Со всех концов страны в адрес химико-технологического института имени Д. И. Менделеева идут письма, заявки, поступают образцы местных глин и горных пород. Просят прислать подробные инструкции по технологическому процессу, оборудованию, приглашают ученых выступить с лекцией, докладом.

Пенокералит входит в жизнь. Он уверенно сделал первые шаги.

Дом, сооружаемый из пенокералитовых плит.

Фото Р. Лихач.

«Поэты могут быть еще опаснее...»

...Шел март 1943 года. В концлагере Штутгоф проходила регистрация заключенных. На вопрос о профессии один из них ответил, что он литератор и мог бы написать о лагере в газету... Можно только представить, какую ярость вызвало это заявление у эсэсовцев.

Имя дерзкого узника было Балис Сруога. Он оказался годным «только на тяжелые работы и... для печи крематория».

Но о лагере он все же написал, правда, позднее. В этом легко убедиться, открыв журнал «Дружба народов» за прошлый год, где напечатан «Лес богов» Б. Сруоги.

Прошедший сложный творческий путь, Балис Сруога (1896—1947) был человеком многогранного дарования. Крупный литовский ученый-искусствовед, профессор Вильнюсского университета, театральный деятель, живо интересовавшийся системой Станиславского, Сруога хорошо известен и как талантливый поэт, драматург, прозаик. Недавно в Вильнюсе вышло шеститомное собрание его сочинений на литовском языке.

Балис Сруога. Лес богов. Журнал «Дружба народов». 1957. №№ 7—8.

«Лес богов» — первое знакомство русского читателя с прозой Балиса Сруоги. Лес богов — так называлась местность в устье Вислы, где находился концлагерь Штутгоф. Произведение Сруоги — правдивый рассказ очевидца об этом лагере, о том, как «человека предварительно мучили, высасывали из него здоровье... и затем доводили до смерти». Но «Лес богов» — не просто воспоминания. Это — яркое художественное произведение, написанное в жанре повести-хроники. С зоркостью бытописателя воскрешает автор зловещие будни лагеря смерти: голод и холод, тяжкая, изнурительная работа, побои и издевательства, жуткие антисанитарные условия... Перед взором читателя проходят многочисленные узники Штутгофа в полосатой одежде и деревянных башмаках — клумпах. Они очерчены бегло, но выразительно. С особой теплотой вспоминает писатель смелого поляка Юлюса, защитившего литовцев от надзирателя; доброго Каминского, не пожалевшего своих скудных сбережений на поддержку товарищей, и многих других, которые в чудовищной обстановке лагеря не давали угаснуть дружбе и солидарности.

Сруога не был политическим борцом. Но не зря гитлеровцы говорили ему, что «поэты могут быть еще опаснее» политиков. Они не ошиблись. Поэт сумел не только разоблачить их, но и высмеять. В этом главное своеобразие повести, делающее ее непохожей на многие другие книги.

Н. СИМАКОВ

Познакомьтесь с австралийскими «кобберами»

До недавнего времени у нас были известны имена лишь очень немногих австралийских писателей: Генри Лоусона, К. С. Причард, Фрэнка Харди. А между тем в этой молодой литературе (ей только-только перевалило за пятьдесят лет) есть немало интересных имен.

Перед нами сборник «40 австралийских новелл», в котором представлено творчество двадцати одного современного писателя Австралии. Старейшие из них — Вэнс Палмер, К. С. Причард, Ф. Д. Дэвисон — начали писать еще при жизни Генри Лоусона, в начале нашего века, а молодые, как Фрэнк Харди, Дэвид Форрест, Ланс Лохри, вошли в литературу уже после второй мировой войны. Их творчество посвящено простому труженику, его нелегкой борьбе за существование, проникнуто любовью к родной стране. В сборнике «40 австралийских новелл» вы найдете простого человека, нашего современника, узнаете о его жизни.

40 австралийских новелл. Предисловие А. Филлипса. Редактор Р. Райт-Ковалева. Издательство иностранной литературы. Москва. 1957. 406 стр.

Об этих героях пишет в предисловии к сборнику известный литературный критик Австралии Артур Филлипс. Вместе с Фрэнком Харди он принимал самое активное участие в работе над сборником. История книги такова: работая над сборником, русский составитель И. Архангельская столкнулась с трудностями в отборе материала. И тогда Фрэнк Харди, бывший в то время проездом в Москве, предложил дружескую помощь австралийцев. Позднее Фрэнк Харди рассказал, как удивлялись австралийские писатели, когда он сообщал им о том, что в Советском Союзе подготавливается к печати объемистый сборник австралийской новеллы. Дело в том, что у них на родине подобные сборники выходят редко. Буржуазные издательства мало заботятся о развитии национальной литературы, книжный рынок Австралии заполнен английскими детективами и американскими комиксами. Единственное в стране прогрессивное издательство, созданное на средства самих писателей, может выпустить всего несколько книжек в год. Многие австралийские писатели вынуждены зарабатывать на жизнь отнюдь не литературным трудом; они работают докерами, грузчиками, садовниками, клерками, механиками.

Круг тем сборника «40 австралийских новелл» чрезвычайно широк. Разнообразны и стилистические манеры авторов. Тут и поэтичные новеллы Алана Маршалла, и тонкие психологические зарисовки Вэнса Палмера, и полные отзвуков каждодневной напряженной борьбы австралийских рабочих за свои права рассказы Джона Моррисона.

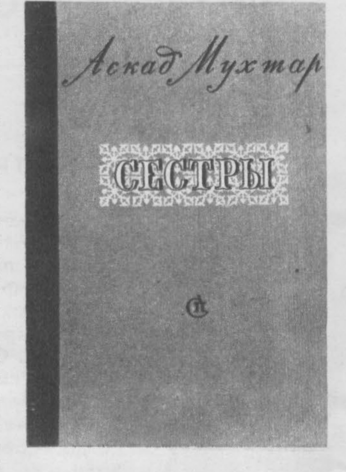
Рисунок художника Х. Минни к рассказу К. С. Причард «Побег».

Но есть в австралийской литературе одна излюбленная тема — тема товарищества, верности в дружбе, лоусоновская тема «шапки по кругу». Ее вы встретите во многих новеллах сборника. Есть у австралийцев слово, которого раньше не было в английском языке. Это слово — «коббер» — означает «закадычный друг», «дружище».

«Познакомьтесь с моими «кобберами»,— пишет в предисловии к русскому сборнику Артур Филлипс.— Надеюсь, что вы их полюбите. Надеюсь, что они смогут, несмотря на дальнее расстояние и различие взглядов, говорить с вами знакомым языком тех простых, но глубоких чувств, которые роднят всех людей».

М. ЛИТИНСКАЯ

С ОТКРЫТЫМ ЛИЦОМ

В первой четверти двадцатого столетия, вступая в борьбу за свободу, женщины Узбекистана начали открывать свои лица, веками закрытые черной сеткой чачвана.

«Спорить надо с открытым лицом»,— говорит Анахон, героиня романа Аскада Мухтара «Сестры», выпущенного издательством «Советский писатель». Срывая с себя паранджу, обитательницы Найманчи выражали этим протест против того, что их испокон веков ценили дешевле хорошего коня. Они утверждали свое право на новую жизнь.

Роман Мухтара Аскада посвящен событиям первых лет социалистического строительства в Узбекистане. Это были трудные годы. Борьба с врагами, перестав быть открытой, осталась такой же напряженной. Иностранные агенты и местные баи не гнушались никакими средствами.

В этой тревожной обстановке группа женщин-ткачих, уйдя из мастерской бая, организовала женскую артель и свой артельный магазин. А затем на окраине старого города началось строительство ткацкой фабрики. И первый камень был заложен простой ткачихой Анахон.

Судьба Анахон,— пожалуй, самое главное в романе. В ее образе раскрывается весь удивительный путь, пройденный узбекской женщиной. И вот в жизни Анахон наступает великий день: ее принимают в партию. «Анахон, одна из тьмы Слабых, наяву вступала в сказку, неслыханную прежде, и никто не считал это чудом».

Действие романа ограничено рамками Найманчи — квартала ткачей, отдаленного квартала большого города. Но это взволнованный, яркий рассказ о судьбе целого народа, о величайшем перевороте в истории, написанный рукой мастера, умного и вдумчивого, любящего людей.

Н. ЦВЕТКОВА

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

«Четверть века» — так назвал свой новый сборник поэт Сергей Васильев. Перелистываешь страницы книги, выпущенной издательством «Молодая гвардия», и, как со старыми знакомыми, встречаешься с поэмами и стихами, песнями и эпиграммами, историями и фельетонами в стихах.

«Четверть века» — название обязывающее. 1931—1956 годы — четверть века советской жизни. И когда заканчиваешь знакомство с книгой, остается ощущение, что ты узнал поэтическую автобиографию Сергея Васильева. Стихотворение за стихотворением, год за годом приводят поэта к суровой военной поре.

Но я пою и славлю ныне
не твой ромашковый
покой,
я славлю Русь как
героиню,
как землю гордости
людской.

Стихи Сергея Васильева написаны народным языком, они проникнуты тем мягким юмором, который очень располагает к себе читателя. Этот поэтичный юмор проявляется не только в сюжетных поворотах, но и в самой стихотворной ткани, в языке стихов. Сочно и весело пишет поэт про голубя:

И ворчит, и колобродит,
и хвостом широким водит,
и сверкает до озноба
всеми радугами зоба.

Собранные в одну большую книгу, стихи Сергея Васильева звучат с новой силой как убедительный отчет поэта за четверть века работы.

Юрий ЯКОВЛЕВ

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Вышел первый номер журнала «Советское китаеведение». На обложке название журнала воспроизведено китайскими иероглифами, начертанными президентом Академии наук Китая Го Мо-жо, который прислал редакции свое приветствие.

Журнал призван освещать успехи социалистического строительства в Китайской Народной Республике; публиковать научные статьи по вопросам истории, экономики и культуры Китая; проводить творческие дискуссии по важнейшим вопросам китаеведения; активно содействовать развитию братской дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

В номере публикуются статьи Г. Астафьева, П. Маркова, В. Сидихменова и другие о современной жизни Китая, его экономике, истории, языке и литературе.

Выход в свет нового журнала будет способствовать дальнейшему укреплению дружбы двух великих народов.

Б. КРЕМОРТАТ

Рисунки оживают

ФИЛЬМ

«СПОРТЛАНДИЯ»

ОБИТАТЕЛИ ЛЕНИВИИ:

Кресло.

Подушка.

СПОРТЛАНДЦЫ:

Клюшка.

Футбольный мяч.

Душ.

Т. ТРОИЦКАЯ

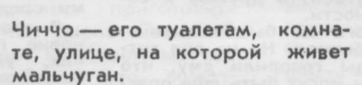
На экране — Чапаев, такой, каким вы видели его лет двадцать пять назад в замечательном фильме режиссеров Васильевых. Раненный, истекающий кровью, он плывет через реку. Он уже на середине потока, свистят пули, кипит, бурлит Урал-река. Вот-вот у Чапаева не хватит сил добраться до берега... Но... бушующие волны не дают погибнуть любимому герою, бережно выносят его на твердую землю, а навстречу тянут ветви-руки деревья, окружают плотной, непроходимой стеной. Нет, не добраться белогвардейцам до Чапаева! Все силы природы приходят к нему на помощь: ветер, вода и лес, в котором звери и птицы говорят человеческими голосами, а деревья превращаются в людей...

Рассказала зрителям эту чудесную историю мудрая птица орел из мультипликационного фильма «Сказ о Чапаеве», который создали режиссер М. Цехановский, художники В. Бордзиловский, А. Беляев, К. Карпов, оператор Н. Воинов (сценарий Е. Рысса). Это не совсем обычный мультипликационный фильм: здесь действует исторический герой. В неизменной папахе, на горячем коне, с шашкой наголо скачет В. И. Чапаев во главе красной конницы...

На московской студии мультипликационных фильмов происходят и другие, не менее удивительные истории, развертываются интересные события, а их участники — и близкие нам с детства кот в сапогах, лиса, ведьма, Буратино, олененок, и такие, как кукуруза, и совсем незнакомые. Мы встретились тут с двумя мальчиками. Одного зовут Чиччо — это маленький веселый итальянец из Неаполя, вернее, из сказок итальянского писателя Джанни Родари. Другой — Митя, наш, советский школьник из фильма «Спортландия». Эти мальчишки забрались во все цехи здания на Каляевской.

Главная резиденция Чиччо — небольшая комната, которую занимает съемочная группа режиссера И. Аксенчука. Изображения крохотной фигурки Чиччо заполонили стены, столы, даже стулья. Вот он в профиль, вот в фас. Вот он подмигивает, и его забавная мордочка полна лукавства, а вот в надвинутой на глаза шляпчонке, вооружившись щетками и ваксой, орудует с чьими-то желтыми ботинками.

Художник В. Никитин показывает нам большой альбом; он посвящен одному только

Чиччо — его туалетам, комнате, улице, на которой живет мальчуган.

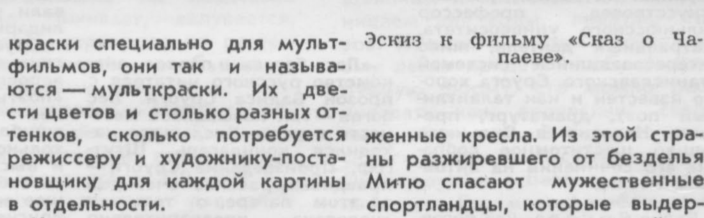
— Чтобы одеть этого малыша,— говорит Никитин,— я перерыл сотни итальянских журналов и книг о Неаполе. Теперь, кажется, он не отличается от своих сверстников, и, надо думать, неаполитанские сорванцы не примут нашего Чиччо за иностранца...

Внешний облик персонажей будущего фильма рождается за рабочим столом художников. Герои появляются на свет такими, какими их задумали сценарист, режиссер и весь коллектив съемочной группы. Затем они отправляются в долгий путь по студии и будут совершать те поступки, которые им положены по сценарию. Чтобы представить наглядно последовательность приключений, режиссер и художники на картонных листах изобразят по порядку все действия и поступки героев фильма. Эти маленькие эскизы-рисунки — основа будущей картины.

Сначала Митю, Чиччо, лису и ведьму отправят к мультипликаторам. За одним из столов рисуется эпизод: Чиччо в волшебном лесу. В лесу темно, деревья угрюмо перешептываются, и Чиччо страшно. «Есть тут кто-нибудь?» — спрашивает он. Этот эпизод идет на экране 4 секунды, а для него надо сделать 96 рисунков. Основные 7 рисунков делают художники-мультипликаторы. Они должны изобразить на бумаге переживания, мимику, жесты героя. От их искусства зависит выразительность «игры актера». Восемьдесят девять промежуточных рисунков сделают другие художники.

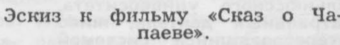
Потом все эти рисунки тщательно скопируют на целлулоидовые листы, а с обратной стороны листы раскрасят. У Чиччо появятся серые штаны, оранжевая курточка, желтая соломенная шляпа. У Мити — огненно-рыжие волосы. Такими мы их и увидим на экране.

Цех красок студии — это маленький завод. Здесь делают краски специально для мультфильмов, они так и называются — мульткраски. Их двести цветов и столько разных оттенков, сколько потребуется режиссеру и художнику-постановщику для каждой картины в отдельности.

Художники-декораторы сделают фоны — лес днем, утром и ночью, улица, комната, волшебные страны, замки... И тогда операторы выпустят героев на улицу, в лес, комнату,— иначе говоря, наложат на фон целлулоидовую пластинку с изображением персонажа и снимут десятки тысяч отдельных рисунков. На экране эти рисунки «оживут»: будут петь, танцевать, есть, спать, совершать подвиги, плакать и смеяться...

В то время, когда оператор снимает готовые фоны и рисунки, в одном из залов режиссер А. Иванов со своей съемочной группой проводит очередную «репетицию». Мы слышим, как разговаривает Митя, но на темном экране потягивается, хмурится, двигается черненький человечек в пижамке с белыми полосками, и только контуры этого человечка белые. Человечек делает все, что должен делать Митя по сценарию: он не хочет идти на тренировку и попадает в страну Ленивию, где живут томные диванные подушки, мягкие тюфяки, изнеженные кресла. Из этой страны разжиревшего от безделья Митю спасают мужественные спортландцы, которые выдерживают с ленивцами самый настоящий бой. Спортландцы — это футбольный мяч, клюшка и, конечно, будильник...

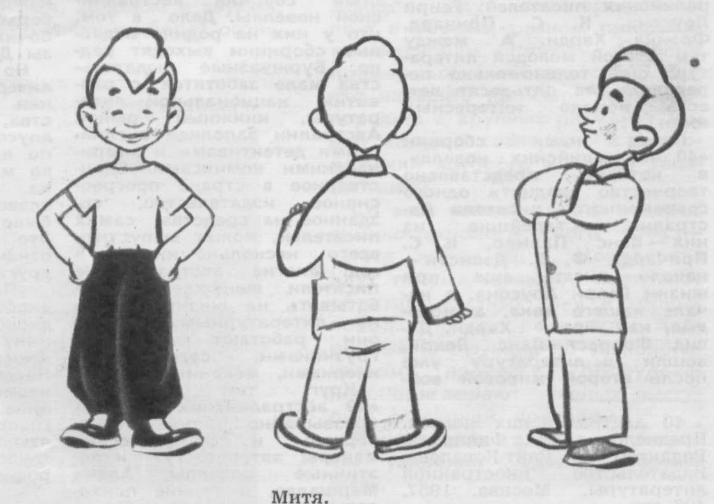

Эскиз к фильму «Сказ о Чапаеве».

Все здесь увиденное — пробная съемка оператора, она делается перед тем, как рисунки перенесут на целлулоид. Ведь иначе может случиться так, что голос или музыка, хотя и рассчитанные точно, не совпадут с мимикой героя. Просмотрев несколько раз такой черно-белый фильм, режиссер и оператор устраняют неполадки.

В другом зале тоже «репетируют»: здесь записывают шумы, голоса, музыку с разных аппаратов на один. А иногда делают «перезапись» — дублируют фильм на иностранный язык или сопровождают его дикторским текстом на французском, немецком, английском или других языках. Ведь наши мультфильмы пользуются во многих странах мира большим успехом. Только в 1957 году они заслужили 7 международных премий.

Сейчас на студии снимаются 16 новых мультфильмов.

Митя.

Кадры из мультипликационных фильмов «Мальчик из Неаполя» и «Исполнение желаний». Союзмультфильм. 1957—1958 годы.

ЧИЧЧО ВСТРЕТИЛ В ВОЛШЕБНОМ ЛЕСУ ВЕДЬМУ, ЛИСУ И ВОЛКА...

Фильм «Мальчик из Неаполя». Режиссер И. Аксенчук, художники В. Никитин и И. Николаев.

ЧИЧЧО — МАЛЬЧИК ИЗ НЕАПОЛЯ.

В МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ ЖИВУТ И ДЕЙСТВУЮТ И ГОЛУБЫЕ РЫБКИ...

...И ВЕСЕЛЫЕ МАЛЕНЬКИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ.

Фильм «Исполнение желаний». Режиссеры В. и З. Брумберг, художники Л. Азарх, Л. Мильчин и Г. Брашишките.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

7. В СОСНОВОМ ЛЕСУ

Неподалеку от дороги темнела опушка леса.

Было уже совсем поздно и почти темно, ночь вступала в свои права, и, как всегда, когда ждешь опасности, тишина казалась особенно немой.

Мы добежали до кустов можжевельника, постояли, прислушались, вошли в лес.

Мой спутник свистнул.

Откуда-то из тьмы, совсем как в театре, выступили темные фигуры.

— Порядок,— сказал им мой спутник.— Я привез товарища...

Он не назвал меня.

На этот раз мой спутник заговорил по-латышски.

Люди, которые нас окружили, отвечали ему тоже по-латышски.

— Пусть кто-нибудь останется у дороги,— распорядился мой спутник.— А мы не будем терять времени.— Он взял меня за руку.— Придется завязать вам глаза. Я бы не стал, но тут мы в гостях, а у хозяев свои законы.

Я не спорил. В конце концов, если Блейк ввязался в эту авантюру, я мог сказать, что он хотел довести ее до конца, а если меня намеревались убить, для этого завязывать глаза было не обязательно.

Меня повели по лесу. Сначала мы шли по какой-то тропке, потом по траве... Шли с полчаса, не больше.

С меня сдернули повязку. Мне показалось, что в лесу развиднелось. Деревья тонули в сером сумраке. Мы стояли возле какого-то шалаша.

Мой спутник заглянул в шалаш и что-то спросил.

— Заходите,— сказал он и уже мне в спину не без насмешки добавил: — Теперь-то уж вам придется заговорить по-русски!

Я приоткрыл дверцу и нырнул внутрь.

В шалаше горела всего-навсего небольшая керосиновая лампа, но после лесного мрака ее свет казался необычайно ярким. Само помещение напоминало внутренность обычной землянки: небольшой, грубо сколоченный дощатый стол, скамейки по стенам, на столе лампа, термос, кружка...

Но самым удивительным было увидеть человека, который сидел за дощатым столом и которого я считал погибшим в гитлеровских застенках...

Это был не кто иной, как Мартын Карлович Цеплис!

Да, это был мой квартирный хозяин, у которого так спокойно и хорошо мне жилось вплоть до того самого дня, когда судьба столкнула меня с Янковской.

Коренной рижский рабочий, старый коммунист, проверенный в самых сложных и тяжелых обстоятельствах, этот человек был и будет своим до конца. В этом у меня не было никаких сомнений!

Я взволнованно протянул ему руку:

— Мартын Карлович!

Но сам Цеплис не отличался экзальтированностью. Он слегка улыбнулся и спокойно пожал протянутую ему руку, так, как если бы мы расстались с ним только вчера.

— Здравствуйте, товарищ Макаров, очень приятно...

Но он не договорил: мало приятного произошло с тех пор, как мы виделись с ним в последний раз.

— А ведь я искал вас, Мартын Карлович! — воскликнул я с некоторым даже упреком.— Но какая-то особа, увы, посоветовала мне обратиться ни больше, ни меньше, как в полицию!

— Да, я слыхал, что вы меня искали,— подтвердил Цеплис.— Но у меня не было возможности вас уведомить...

— Значит, эта женщина...

— Да, это свой товарищ,— подтвердил Цеплис.— Но вас она не могла признать за своего. У нее не было для этого данных, а в настоящее время требуется проявлять особую осторожность. Но она поступила очень разумно. Если вы свой, она предупредила вас о том, что надо опасаться полиции, а если бы оказались чужим, к ней нельзя было бы придраться: она направила вас именно в полицию.

— Я не рассчитывал встретить вас здесь,— признался я.

— Партии лучше знать, где кому находиться,— уклончиво возразил Цеплис.

— А семья? — поинтересовался я.— Успели эвакуировать?

— Жена и сын в деревне, у родственников,— пояснил Цеплис.— Я расстался с ними на второй день войны, но от товарищей знаю, что они пока в безопасности.

— А Рита?

У Цеплиса было двое детей: сын Артур, сдержанный и очень похожий на отца тринадцатилетний мальчик, и девятнадцатилетняя Рита, миловидная, умная, порывистая девушка, комсомолка и студентка педагогического института.

Цеплис нахмурился.

— Риты нет,— негромко объяснил он, не уклоняясь от ответа, точно речь шла о ком-то постороннем.— Риту оставили в городе, и немцы схватили ее чуть ли не на следующий день после занятия Риги, когда она вместе с другими комсомольцами пыталась вывести из строя городскую электростанцию...

У меня сжалось сердце... Я потянулся к Цеплису.

— Мартын Карлович!..

Но он мягко отвел мою руку и на секунду опустил веки.

— Не надо...

Он принудил себя слегка улыбнуться, как бы давая понять, что сейчас не время ни грустить, ни бередить душевные раны, и шагнул к двери.

— Ну, а теперь я вас познакомлю...

Он вышел, оставив меня одного, но вскоре вернулся обратно вместе с человеком, доставившим меня в расположение партизан.

— Капитан Железнов,— сказал Цеплис, представляя мне моего спутника.

— Я уже знаю, что это капитан Железнов,— сказал я.— Мы познакомились еще вчера.

— «Знаю» не то слово,— возразил Цеплис.— Если бы знали, вам не пришлось бы ехать сюда.

— Извините меня,— сказал я, протягивая Железнову руку.— Но ведь в моем положении легко заподозрить что угодно.

— А я не в претензии,— ответил мне Железнов.— Дело законное, на вашем месте я тоже задумался бы...

Я не выпускал его руки из своей.

— Слушаю вас, капитан... товарищ Железнов!

Железнов улыбнулся своей мягкой, застенчивой улыбкой.

— Может быть, и письмо Жернова возьмете теперь, хотя сейчас оно и не очень нужно?

— Почему не нужно?

— Потому что теперь я в рекомендациях для вас уже не нуждаюсь.

Он дружелюбно посмотрел на Цеплиса.

— Да,— подтвердил Цеплис,— товарищ Железнов — это наш товарищ.

— Что ж, поговорим? — предложил Железнов, переходя на деловой тон, и сел на скамейку, приглашая тем самым садиться своих собеседников.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—25.

Однако капитан Железнов угадал мою мысль.

— Нет, отчего же,— ответил он.— Вы вправе поинтересоваться. Полковнику Жернову дело нашлось бы и в Москве, но он боевой офицер и настойчиво стремился на фронт. Он в штабе армии. Там полагали, что его письмо не может вызвать у вас сомнений...

— Но не так просто было его мне вручить!

Я улыбнулся, еще раз взглянул на записку, перегнул листок и сунул было его обратно в конверт.

— Нет, нет,— остановил меня Железнов.— Прочли, убедились, а теперь спичечку...— Он тут же протянул мне коробок.— Никаких документов, ничего,— объяснил он.— В вашем положении...

Я зажег спичку и послушно приблизил ее к листку. Синее пламя лизнуло конверт. Я положил его на краешек стола. Вспыхнул на минуту желтый огонек, и письмо полковника Жернова превратилось в горстку серого пепла.

Железнов перегнулся через стол и сдул пепел на землю.

— Так-то лучше,— заметил он.— Все здесь и ничего здесь! — Он похлопал себя сперва по голове и затем по карману.— А теперь давайте поговорим. Хотя времени у нас в обрез. Докладывайте обо всем, что произошло с вами.

Но Цеплис, не столько в силу врожденной деликатности, сколько руководствуясь опытом старого подпольщика, накопленного им за годы ульманисовской военной диктатуры, направился к выходу; он хорошо усвоил правило не интересоваться тем, что не имело прямого отношения к его непосредственной деятельности.

— Разговаривайте,— сказал он.— А у меня тут своих дел...

Он оставил меня наедине с Железновым.

— Вам понятно, по чьему поручению я действую? — спросил он меня.

Я согласно наклонил голову.

— Поэтому вам придется рассказать о себе,— сказал он.— Но предварительно поинтересуйтесь...

Он все же протянул мне привезенное письмо.

Конверт был заклеен, и пока я его вскрывал и читал записку Жернова, Железнов молча наблюдал за мной.

Я хорошо знал и почерк своего начальника и его манеру выражаться. Записка отличалась обычным его лаконизмом. В ней Жернов передавал мне привет и совершенно официально, в тоне приказа, предлагал полностью довериться подателю письма.

Да, все в записке было сухо и лаконично, но — это даже трудно объяснить — какая-то теплота, сдержанная стариковская ласка сквозила меж скупых строк...

«Вам трудно и будет трудно,— писал мне Евгений Осипович Жернов, в годы моего пребывания в академии мой профессор, а затем непосредственный начальник по службе.— Но вы не один, и, как бы вам ни было трудно, Родина всегда с нами. Податель этого письма действует по поручению нашего командования...»

Я было спросил:

— А где...

И тут же замолчал: вопрос был неуместен.

Мне было понятно его требование, но не так-то просто было рассказать о себе.

— Знаете, товарищ Железнов, я и сам хорошо не понимаю, что произошло со мной,— признался я с некоторым даже замешательством.— Меня убили, то есть пытались убить. В тот же вечер в Риге был убит некий Август Берзинь, и он же Дэвис Блейк, как мне потом стало известно, резидент Интеллидженс сервис в Прибалтике. Воспользовавшись тем, что между нами имелось некоторое сходство, наши тела, если можно так выразиться, поменяли. Меня перенесли на место Блейка, а Блейка — на мое. Затем его похоронили под именем Макарова, а я под именем Берзиня был помещен в больницу и впоследствии очутился в немецком госпитале...

Железнов сочувственно мне кивнул.

— Это примерно совпадает со сведениями, которые удалось собрать о вас товарищам,— согласился он.— Вас пытались убить и действительно сочли убитым. Покушение на вас совпало с первой бомбежкой Риги, и, возможно, это обстоятельство и помогло инициаторам покушения совершить этот мрачный маскарад. Во всяком случае, ваш труп... то есть, как это выяснилось потом, труп человека, принятый за ваш, был найден поутру в изуродованном виде под обломками какого-то здания, однако одежда и документы позволили опознать в нем майора Макарова. Поскольку вы сидите сейчас передо мной, несомненно, что похоронен был кто-то другой. Известно, что вы лежали в немецком госпитале. Потом стало известно, что вы живете в Риге под именем Августа Берзиня. Это было странно, но... Держались вы странно, но немцы почему-то вас не трогали. На изменника вы не походили, те ведут себя иначе. У нас были некоторые возможности к вам присмотреться, и с вами решили установить связь...

— Но я вправе был заподозрить провокацию? — перебил я Железнова, пытаясь еще раз объяснить свою недоверчивость.— Когда в городе, занятом фашистами, приходит человек, называет себя советским офицером...

— Но ведь я знал, кому себя называл? — возразил Железнов.

— Ну, а если бы я вас все-таки выдал?

Железнов улыбнулся.

— Я думаю, что вы не успели бы...— Он опять перешел на деловой тон.— Лучше скажите, чем вы были заняты в Риге?

— Выжидал,— объяснил я.— Собирался бежать на родину и выжидал, когда это можно будет осуществить. В мою жизнь впуталась какая-то авантюристка, Софья Викентьевна Янковская. Во всяком случае, так она себя назвала. Это именно она и стреляла в меня, но, по ее словам, она же меня и спасла. Выдала за Августа Берзиня, хотя на самом деле я Дэвис Блейк. То есть я Блейк, который жил в Риге под именем Берзиня. Немцы, по-видимому, уверены, что я действительно Блейк, и пытаются меня перевербовать, а Янковская советует согласиться. На кого на самом деле работает она сама — на немцев или на англичан,— мне неясно. У Блейка в Риге имелась сеть осведомителей, вернее, осведомительниц — несколько десятков девушек, работающих в различных местах, где бывает много посетителей. Сеть эта сохранилась до сих пор. Обыватели могли думать, что Блейк — просто отчаянный ловелас, но осведомленным людям нетрудно было догадаться об истинном характере связей Блейка. Эта агентура была законспирирована весьма примитивно, не так, как это обычно делает Интеллидженс сервис, и заведена была, по-видимому, специально в целях дезинформации. Теперь выясняется, что под руководством Блейка имеется еще группа агентов, законспирированных столь тщательно, что они, по словам Янковской, неизвестны даже ей...

— Ладно, об этом вы доложите... не мне! — оборвал меня Железнов.— А что делали вы сами?

— Выжидал, я уже докладывал, выжидал благоприятного момента, чтобы бежать от немцев...— Я улыбнулся.— И, как видно, дождался...

— Почему? — сухо осведомился Железнов.

— Да потому, что меня теперь, надеюсь, перебросят на нашу сторону,— сказал я уверенным тоном.— Я полагаю...

— Что? — насмешливо спросил Железнов.

— Полагаю, что нахожусь в штабе одного из партизанских соединений и что при первой же оказии меня перебросят...

Железнов приподнял термос и сердито переставил его на другое место.

— Вот что, товарищ майор,— заговорил он вдруг совершенно официальным тоном.— Вас никто и никуда не будет перебрасывать. Вы останетесь в Риге и будете выполнять все, что вам прикажут. Вы получите явку, найдете человека, установите с ним связь. Было бы просто неразумно не воспользоваться обстоятельствами, в которых вы очутились.

— А что же я буду делать в Риге? — удивился я.

— Все, что прикажет вам этот человек,— строго сказал Железнов.

Он задал мне еще несколько придирчивых вопросов, поинтересовался моими отношениями с Янковской, повторил, что было бы грешно не воспользоваться сложившимися обстоятельствами, и сказал, что, по всей вероятности, мне придется установить связь и с английской и с немецкой разведками и хорошо вникнуть в их деятельность. Затем он сказал, что нашей разведкой в Ригу заслан очень опытный и сильный работник, старый чекист, работающий в органах государственной безопасности еще со времен Дзержинского, что я должен буду с ним связаться и вся моя работа в Риге будет проходить под руководством этого товарища. Затем пояснил, что ему было поручено установить со мной связь, но так как он не вызвал у меня доверия, он решил доставить меня, как это и было заранее предусмотрено, в штаб одного из партизанских соединений, где хорошо известный мне Цеплис должен был устранить любые мои сомнения...

А в общем, весь наш разговор чем-то напоминал допрос; по всей видимости, Железнову было поручено основательно меня прощупать, прежде чем связать с кем-то еще.

После всего, что я услышал, я, разумеется, и заикнуться не посмел о том, что мне хотелось бы оказаться в рядах действующей армии. Поручение, которое мне давалось, было и важно и опасно, и я не мог от него отказаться.

В конце разговора Железнов поинтересовался, не будет ли у меня какой-либо просьбы или пожелания, которые он мог бы исполнить.

— Будет,— сказал я.— В Москве есть девушка... Вероятно, до нее дошло, что я умер. Нельзя ли поставить ее в известность...

— Нет, нельзя,— решительно возразил Железнов.— Вы, по-видимому, не представляете себе, как вы должны быть засекречены. О том, что вы живы, могут знать только считанные единицы...

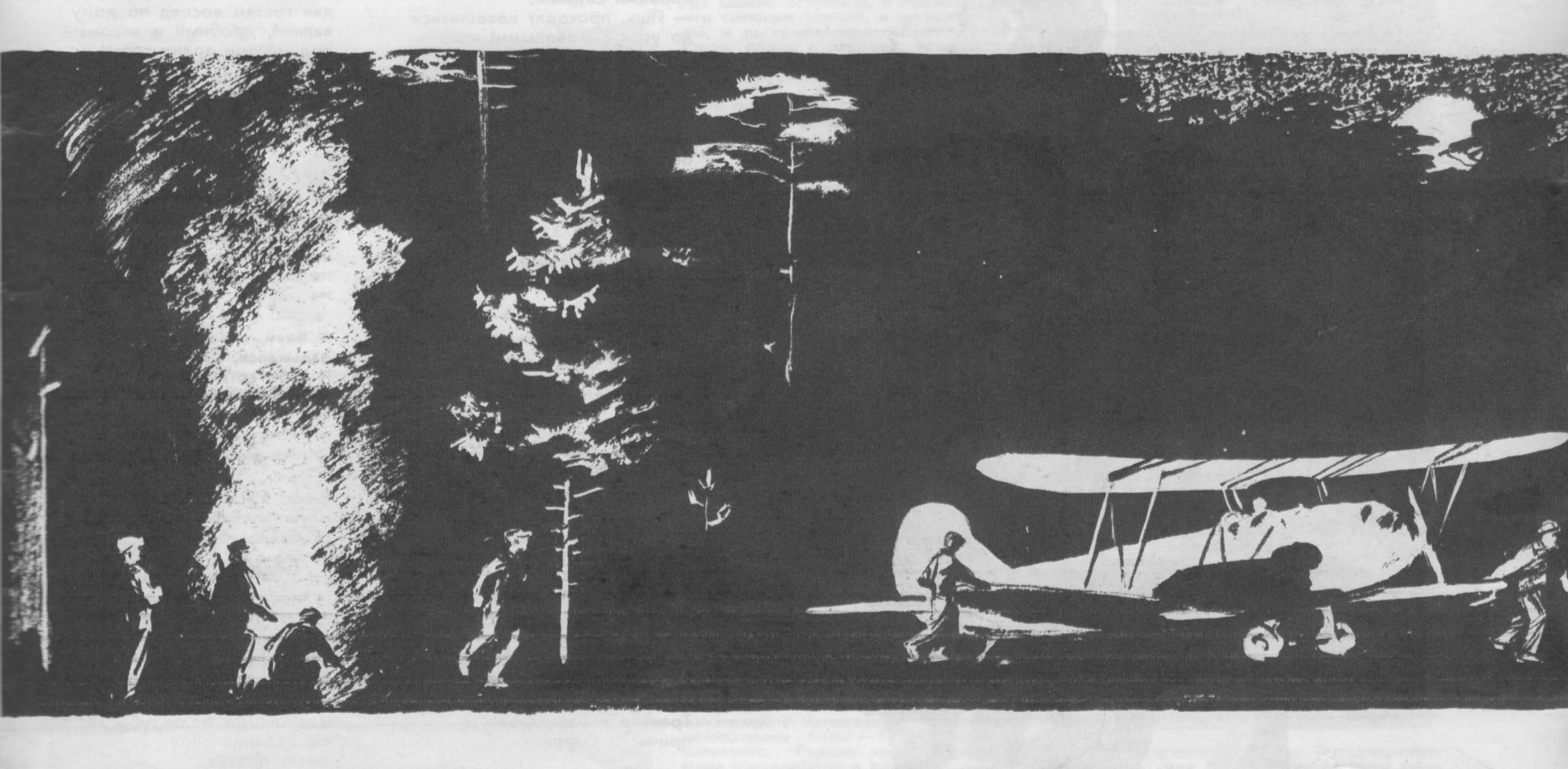
И он еще раз объяснил, как мне найти человека, который отныне будет моим прямым начальником.

— А теперь возвращаться,— закончил Железнов разговор.— Чем меньше вы будете отсутствовать в городе, тем лучше.

Мы вышли и очутились в полном мраке. На земле властвовала ночь. Лишь совсем вблизи выступали из тьмы голые стволы сосен, терявшиеся где-то в высоте. Было очень тихо. Только издалека доносился какой-то невнятный шелест...

— Мы вернемся другой дорогой,— негромко предупредил меня Железнов.— Так безопаснее, да и...

Он недоговорил, приостановился и тихо

свистнул. Если бы мы не стояли рядом, я подумал бы, что какая-то птица зовет к себе спросонок другую.

К нам тотчас же кто-то подошел, точно этот человек скрывался за деревьями и ждал нашего зова.

Железнов шепотом что-то сказал — я не разобрал его слов,— и подошедший, ничего не промолвив в ответ, пошел вперед легкими, неслышными шагами.

Мы устремились вслед, и тут я начал замечать, что все в этой тьме полно разумного деятельного движения: доносятся какие-то отрывистые слова, слышны какие-то шепоты, перемещаются какие-то тени и посвистывают какие-то птицы, которые на самом деле, вероятно, никакие не птицы; мне даже послышалось попискивание морзянки, хотя это могло мне только почудиться: в этом ночном, наполненном тайнами лесу действительность и воображение не могли не сопутствовать друг другу.

— Мы еще увидим товарища Цеплиса? — спросил я.

Мне очень хотелось побыть еще хоть немного вместе с Цеплисом; он был мне здесь как-то роднее всех.

Но этому желанию не суждено было осуществиться.

— Нет,— ответил мне Железнов.— Товарищ Цеплис сейчас уже далеко отсюда, его специально вызывали для того, чтобы рассеять ваши подозрения.

Постепенно я освоился в темноте.

Нет, это была совсем не такая безлюдная и безмолвная ночь, какой она мне показалась вначале.

Мы шли в густом сосновом лесу. Высокие сосны лишь кое-где перемежались разлапистыми елями, да понизу росли пушистые кусты можжевельника. Похрустывал под ногами валежник. Иногда в просветах над деревьями поблескивали звезды...

Но время от времени из-за черных елей выступали какие-то тени и преграждали нам путь. Наш провожатый бросал им несколько слов, и они вновь исчезали во мраке.

Можно было только удивляться, как легко наш провожатый ориентировался в темноте; мы, и уж во всяком случае я, с трудом поспевали за ним.

Наконец деревья стали редеть, и мы опять вышли на опушку. Перед нами смутно расстилался обширный луг, а может быть, и поле, вдалеке темнел не то лес, не то какие-то строения.

И вдруг я услышал знакомое ровное тарахтение...

И почти в то же мгновение на лугу вспыхнули костры — один, другой, третий.

— Что это? — удивился я.

— Связь,— объяснил Железнов.— Связь с Большой землей.

Да, на расстилавшийся перед нами луг приземлялся самолет...

Это был самый обыкновенный, скромный учебный самолет «У-2», та самая милая, незабвенная «Уточка», которая никогда, никогда не будет забыта ни одним советским летчиком, куда бы и как бы ни ушла вперед наша авиация!

Все было очень привычно, очень знакомо, и все же я, достаточно опытный офицер, не мог не удивиться...

Линия фронта проходила сравнительно далеко, мотор нельзя было заглушить, щупальца прожекторов то и дело шныряли в небе, везде находились зенитные орудия... А пилот летел себе и летел!

Я притронулся к Железнову.

— Но как же это ему удается?

Железнов объяснил мне его тактику.

Пилот вел самолет над самыми полями, над самыми лесами и только что не тащился по земле; немцы искали его, конечно, гораздо выше, они не могли себе представить, что невидимый самолет движется почти над самыми их головами, всего лишь в десятках метров от земли...

Только советский летчик способен совершить такой перелет!

Нельзя было не восхищаться дерзким бесстрашием этого человека. А ведь он был далеко не исключение!..

Борьба не прекращалась ни на мгновение; даже в тылу, в самом глубоком немецком тылу, шла борьба с гитлеровцами, и тысячи, десятки тысяч бесстрашных людей самоотверженно участвовали в ней. И теперь мне тоже предстояло занять в ней свое место.

— Однако нам с вами лучше быть отсюда подальше,— рассудительно заметил Железнов.— Поторопимся!

Он подозвал нашего провожатого.

— Дальше мы выберемся одни,— сказал он.— Передавайте привет товарищу Цеплису!

Наш провожатый послушно отстал.

Вскоре мы вышли на дорогу, пошли по обочине. Примерно через километр я увидел машину. Мне опять пришлось удивиться. Это была моя машина, машина Блейка. Несмотря на темноту, я сразу узнал ее.

Железнов сел за баранку.

— Скорее, скорее! — поторопил он меня.

Я сел рядом, и мы поехали.

На каком-то хуторе, в тени больших черных вязов, мы остановились, дождались рассвета и снова тронулись в путь. Перед самым въездом в город нам повстречался эсэсовский патруль. Я показал свои документы и сказал, что Железнов — мой шофер. Мы не вызвали у эсэсовцев подозрения. Нас тут же отпустили, и мы как ни в чем не бывало часов в десять утра вернулись обратно в Ригу.

Продолжение следует.

ГУЛЯНЬЕ

Владимир ЦЫБИН

Рисунок Ю. РЕБРОВА.

НЕВЕСТЫ

Деревня Опочки
в районе известна:
что ни дочь —
королева,
что ни девка —
невеста!

Выйдет девка из дома —
ахнешь:
сущая краля!
Что ни очи —
то очи,
налитые карью!

Что ни дочь —
мастерица!

Сам смекнешь ты
в два счета...
Фотографии их
смотрят с до́сок почета.
Их платки полыхают
весь день над бахча́ми...
Ходят вечером девки,
поводят плечами,
а на платьях у них
цветы холодают...

Парни девок при встрече
глазами бодают.
И привозят невест
к родному порогу.

...А покуда плечом
закрывают дорогу.
А пока говорят
с надеждой:
— Куда вы?

Ходят девки в Опочках,
не девки, а павы!

Бабы юность свою
с пришедшей сличают,
бабы губы усмешкой
обжигают, как чаем.
Но приходит листва,
а не юность обратно...

А мужья-то украдкой
вздыхают невнятно.
Ходят девки, да мимо,
ходят девки-сластены,
а мужей стерегут
осторожные жены.

Пыль дома опушила.
И целыми днями
тополя, как в цыплячьем пуху,
над плетнями.

На ножах лобогрейки —
пенное сено.
Деды смотрят на девок
строго,
степенно.

Деды скажут, уставясь
бровями седыми:
— Ишь, проходят невеститься
до утра с молодыми!

И добавят, хлебая
дымок самосада:
— Нынче так,
нынче девки растут
без догляда.

Дым в зрачках голубеет...
Деды смотрят,
охочи
табунить у баяна,
как встарь, до полночи.

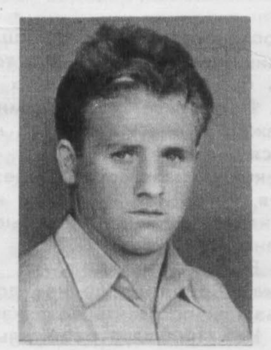
Только где там!
А девки
у тропок бурьянных
глохнут от соловьев
и от песен баянных.

Припозднятся домой...
Предрассветной порою,
глотая смешок,
дрожат
под полою.

И долго еще,
как в поле ложбины,
пахнут руки у них
травой луговинной...

Греет туча бугор
щекою парною.
Трактор землю давно
причесал бороною.

Скоро дождик пойдет
по траве полосою,
опоздавшей чуть-чуть
девичьей слезою...

БАЯН

Нетверезая с гулянки,
песня вышла на луга,
и от планки и до планки
зябко плавают меха!

Баянисту нынче тяжко
возле дальней городьбы...
Козырек его фуражки
чубом поднят на дыбы...

Вот залетную сыграть бы
песнь невесте сгоряча!..
Но потухла в доме свадьба
без баяна, как свеча.

Рассказать,
как до полночи
шла по кругу тяжело,
шла невеста — кари очи,
шла она, неся платочек,
как подбитое крыло!

Как в чаду лады лиловы —
запотели от руки,
как за платьем
жениховы,
в половицы вмяв подковы,
шли, качаясь, каблуки.

И сейчас под тучный гомон
слышишь ты в логу сыром,
как гостям вослед по дому
валкий, дробный и весомый
под ногами ходит гром...

Сам задумчиво щекою
ты баян озябший грел,
за невестою чужою,
как за собственной, смотрел.

И, дыша табачным чадом,
шла она, как в облаках,
шла, попархивая взглядом,
шла с твоим баяном рядом,
прямо в руки —
на носках!

А баян, слезой согретый,
задыхался, пел опять...
И тебе хотелось взять
на руки невесту эту,
как баян,
и укачать,
чтоб в руках ей стало тесно...

Вальс споткнулся на бегу,
и уже плывет невеста
от баяна
к жениху!

И уже, темны от муки,
по ладам, по синеве
ходят пальцы,
ходят руки,
словно дождик по листве.

Закусив до боли губы,
по околице села
мимо прясел,
мимо клуба
песня тряская прошла.

Молчаливеет гулянка,
тушат поздний смех сады...
И уже в седые планки
влиты на́мертво лады.

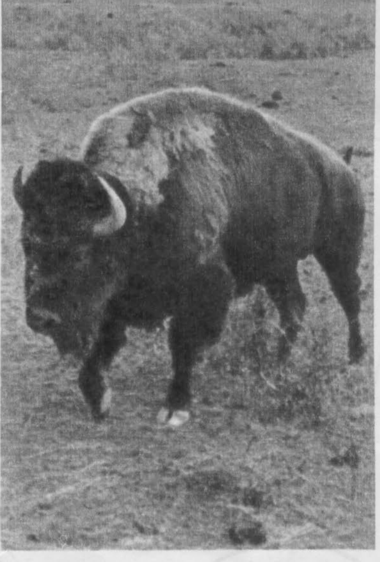
Оттого и песни ро́бки...
И к невестину окну
до утра
косую тропку
проторил баян одну!

И за грузными плечами
он заснул в плену ремней...
И уже заря сильней
зябко пробует лучами
тонкие лады плетней...

Заповедник в степи

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Американский бизон. Сто лет назад в Америке были миллионы этих животных. Теперь их можно сосчитать чуть ли не по пальцам.

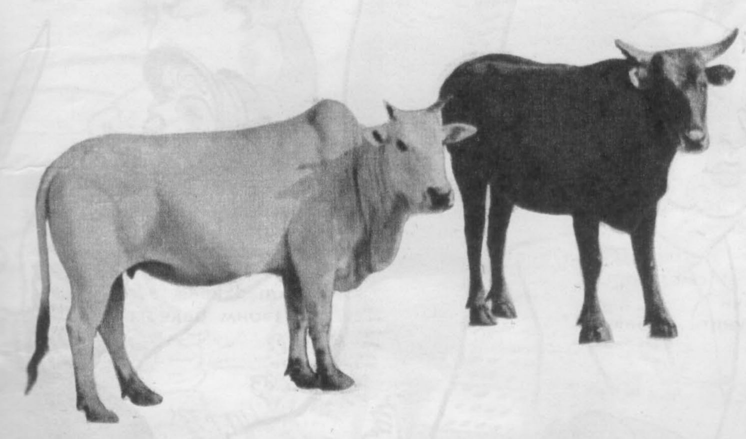
Как сказочный зеленый остров, среди бескрайних украинских полей раскинулся заповедник Аскания-Нова. Искусственное орошение дает жизнь ботаническим паркам, где можно встретить и темные хвойные, почти таежные уголки, и широколистые дубравы, и растения знойного юга. В нетронутой степи рядом с отарами тонкорунных асканийских овец пасутся олени, зебры, бизоны, яки, страусы, привезенные со всех концов мира.

Не будь этого зоопарка, пришлось бы частенько ездить в Африку за антилопами и зебрами или в Южную Америку за страусами нанду. В заповеднике восстанавливаются исчезающие виды — зубры, лошадь Пржевальского. Редкие животные из Аскания-Нова расселяются в разных районах страны: под Киевом и Винницей выпущены пятнистые олени, в Молдавии и на нижнем Днепре — европейские лани, маралы и асканийские фазаны, в Мордовии и Подмосковье — гибридные олени.

В. ТРЕУС,
заведующий зоопарком Аскания-Нова.

Гибридный олень асканийский марал, очень мирное и добродушное животное.

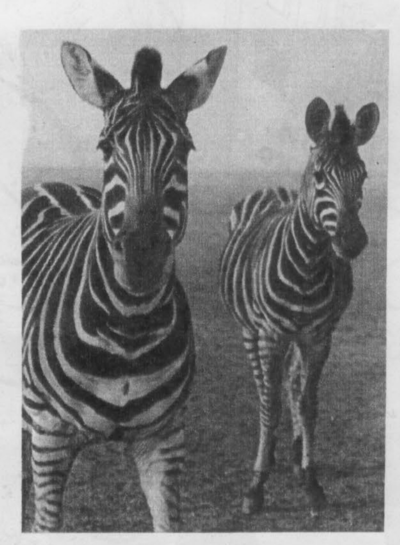

Зебувидных коров, которым неопасны многие болезни, разводят для горных районов, где простой скот погибает.

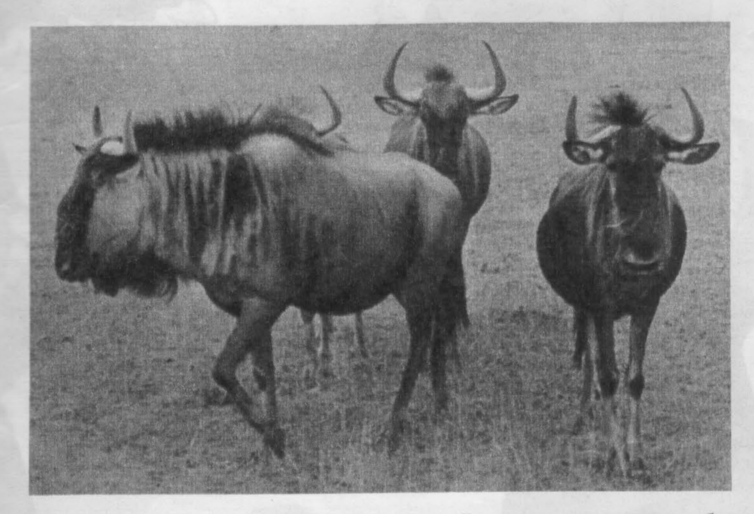

Заботливый отец. Самцы эму высиживают сами полосатых птенцов и ревностно их воспитывают, отстранив от этого занятия своих подруг.

Фото Д. Крамаренко.
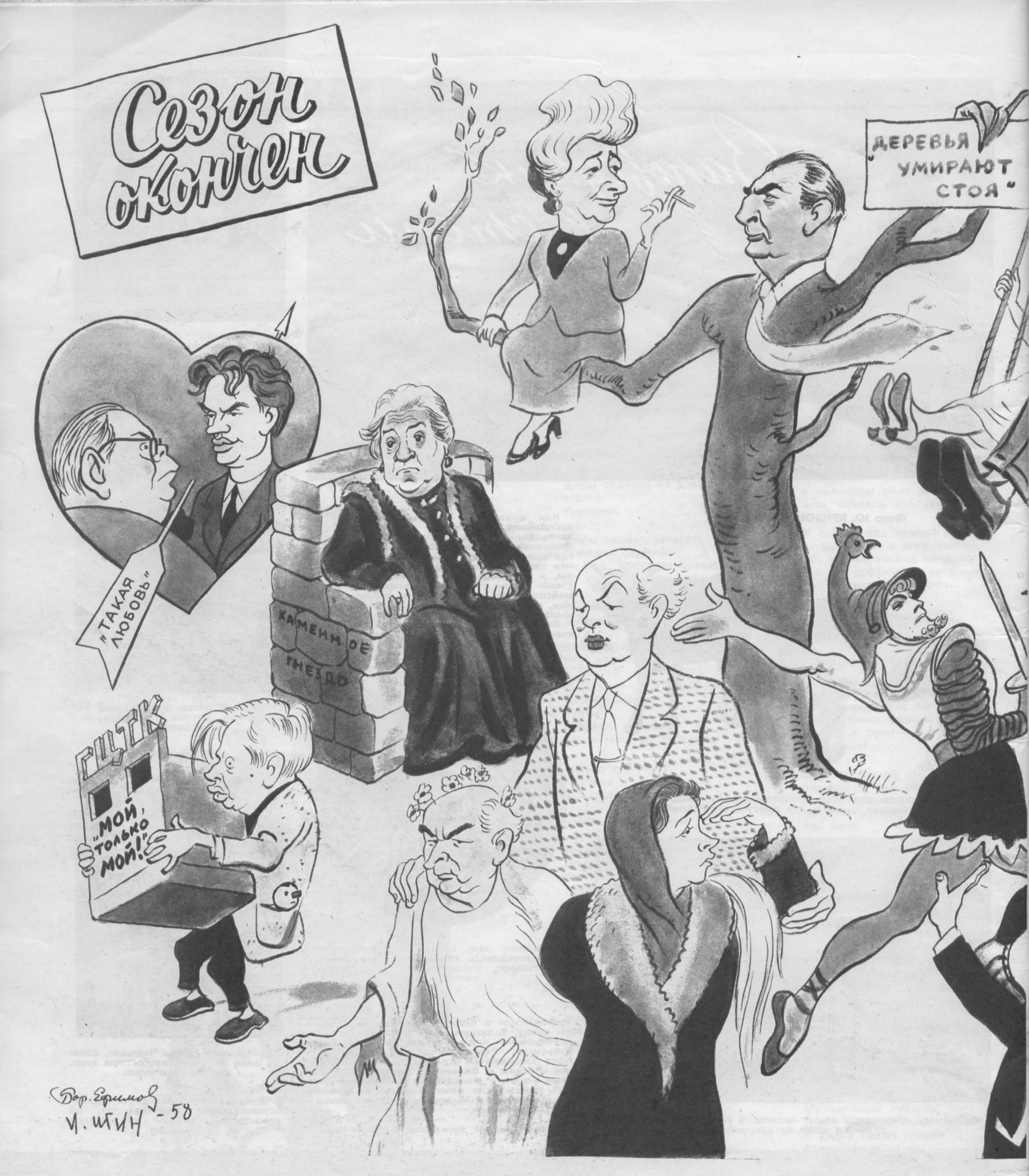

Африканские зебры Чапмана, словно зная о своем необычном виде, охотно позируют.

Голубой гну отличается злым нравом. В порыве ярости он бросается даже на автомобиль.

В степных просторах летчикам, обслуживающим животноводов, не приходится искать посадочную площадку.

Большим праздником «Театральной весны» закончился в Москве зимний театральный сезон. Он принес зрителям много новых знакомств, много радостных встреч. Художники Б. ЕФИМОВ и И. ИГИН запечатлели в своих дружеских шаржах запомнившиеся им спектакли московских театров, их постановщиков и исполнителей.

Вероятно, наши читатели и сами узнали бы своих знакомцев в этих дружеских шаржах. Но, если надо, мы поможем...

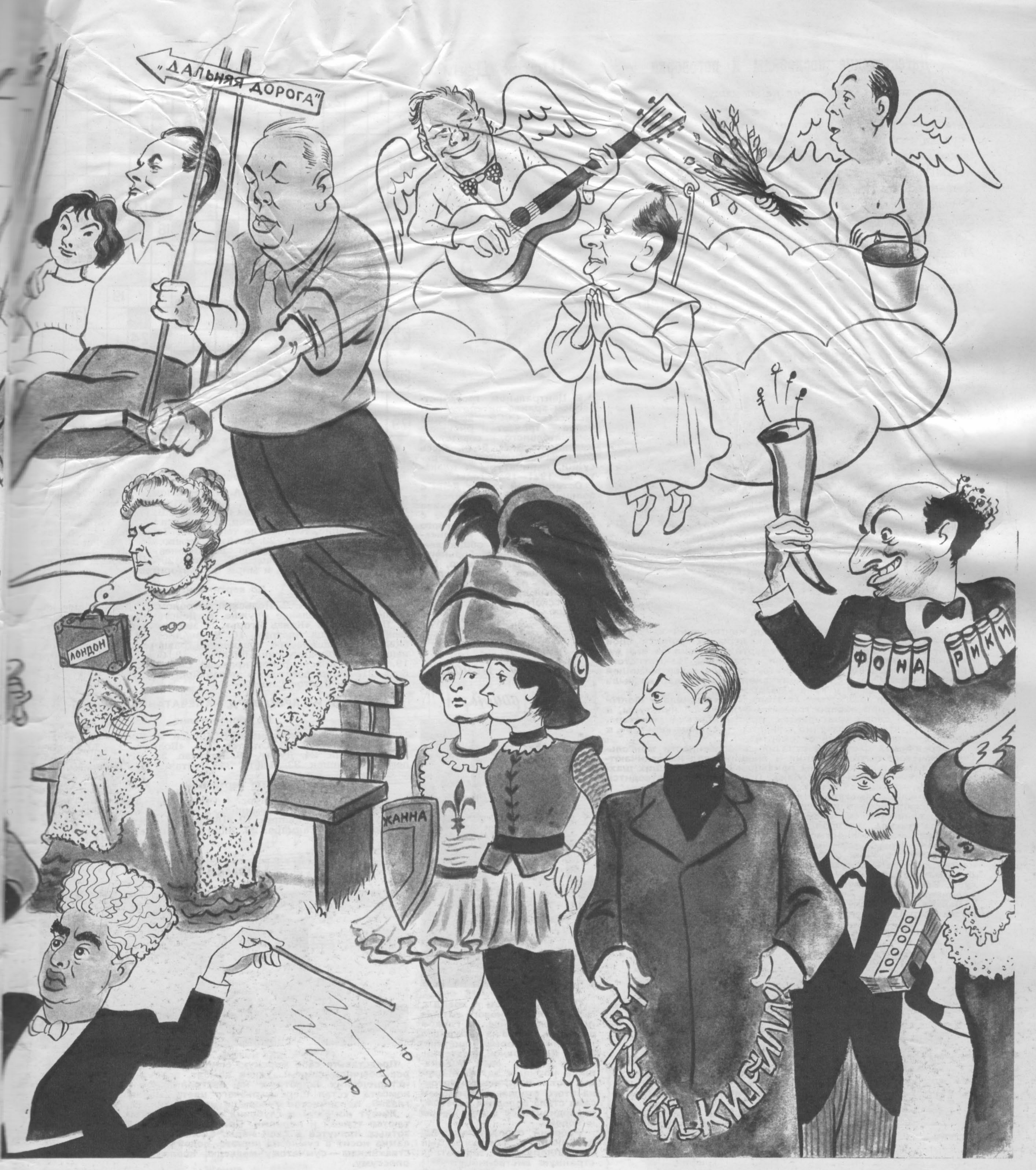
Вот режиссер М. Яншин и молодой артист Евгений Урбанский, имена которых соединились на афише спектакля Драматического театра имени Станиславского «Такая любовь». Наше первое знакомство с Евгением Урбанским было в этом же году в фильме «Коммунист». Сейчас мы видим актера в роли молодого чешского ученого Петруса...

Рядом подлинная хозяйка «Каменного гнезда»—старой финской усадьбы Нискавуори — В. Пашенная. Ниже С. Образцов, чудесный мастер-кукольник. Он крепко держит в руках свой театр, на фасаде которого название новой постановки.

Режиссер Театра имени Моссовета Ю. Завадский, как всегда, неразлучен с двумя своими ведущими артистами. На этот раз Н. Мордвинов предстал в облике короля Лира, а В. Марецкая — партийного работника Ракитиной («Дали неоглядные...»).

«Деревья умирают...», но живет в сердцах зрителей образ, созданный Ф. Раневской, да и весь этот спектакль, поставленный в Театре имени Пушкина И. Тумановым.

А вот и Н. Охлопков. Много работы было у него в этом сезоне, многим спектаклям он дал жизнь, многим молодым актерам открыл путь. Недавно он отправил в «Дальнюю дорогу» целое семейство — отца и дочь Самойловых. Поддержать такую семейственность не зазорно, та-

лант обоих уже заслужил высокую похвалу зрителей: Евгения Самойлова — во многих спектаклях Театра имени Маяковского и кинофильмах, Татьяны Самойловой — в фильме «Летят журавли».

Перед дальней дорогой запечатлели художники и А. Тарасову. Ее Раневская из «Вишневого сада» тревожно всматривается в даль: какова будет эта дорога? Как встретят в Лондоне? Но зритель верил в успех, а сейчас уже знает: англичане горячо приняли артистов МХАТа.

Композитор А. Хачатурян уверенной рукой поднимает своего Спартака (Д. Бегак).

Под боевым шлемом две исполнительницы роли Жанны д'Арк: Э. Власова станцевала ее на сцене Театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко в балете «Жанна д'Арк», Е. Фадеева сыграла в Театре имени Ленинского комсомола.

Дружным коллективом выступает Театр имени Вахтангова. Впереди А. Абрикосов-старший — «Большой Кирилл», а за ним Н. Гриценко и Ю. Борисова в инсценировке романа «Идиот».

Весел, бодр и жизнерадостен В. Канделаки. Таким и полагается быть главному режиссеру Театра оперетты, особенно когда в репертуаре одна за другой появляются новые современные оперетты. Последняя его постановка — «Фонари-фонарики»...

Наверху Театр сатиры. Его режиссер В. Плучек хотя и реет в облаках спектакля «Мистерия-буфф», но ничто земное, в том числе и создание острых спектаклей, ему не чуждо. Лица ангелов нам хорошо знакомы: один — В. Лепко, шагнувший сюда прямо из «Бани», другой — Б. Тенин.

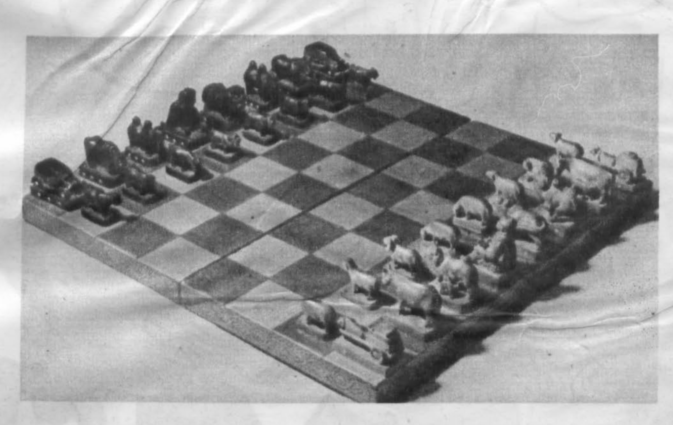
До новых встреч в новом сезоне!

Дагестанские пословицы и поговорки

Котел не закипит, пока повар не закипит.
Хлеб мельника — из воды.
Курице лететь только с крыши на крышу.
Сидя на верблюде, в отаре не спрячешься.
Откуда ослу знать пользу перины?
Хочешь пройти с ослом через мост, тяни его за хвост.
Детеныш утки уже в яйце знает воду.
Сделай собаке обувь, она ее сгрызет.
Сабля народа рубит, даже если она из войлока.
Одно дерево — не сад, один камень — не стена.
Могила героя — не кладбище.
В неудачника и приклад стреляет.
Домашний дурак всегда на почетное место садится.

Собрал А. НАЗАРЕВИЧ.

Монгольские шахматы

Есть народная легенда о том, как монгольский хан играл в шахматы с брамином. Во время игры исполнился срок земной жизни хана, и владыка смерти отправил за его душой своего посла, который был страстным шахматистом. Придя к хану, он настолько заинтересовался захватывающей борьбой, что забыл о своем поручении, а когда партия была закончена, срок смерти хана уже прошел...

По-монгольски шахматы — «шатар». Игра пришла в Монголию из Индии при распространении буддийской культуры, и санскритское слово «чатуранга» превратилось в «шатар». Любопытно, что оно созвучно с тибетским словом «ши-тар», в переводе — «избавляющий от смерти».

В деревянных фигурках отразились особенности монгольского кочевого быта. Названия и внешний вид их отличаются от тех фигур, которые мы привыкли видеть в наших шахматах. Королеву заменяет собака. Почетное место отводится ей потому, что она охраняет кочевое хозяйство.

Вместо слона выступает верблюд, вместо ладьи — телега. Пешка изображена в виде щенка. Поэтому дебют ферзевых пешек называется «началом собачьих щенков». Конь — единственная фигура, которая есть и в европейском варианте. Изображен конь полностью.

Правила игры и ходы напоминают общеизвестные, но есть интересные отличия: ферзь по диагонали ходит на одну клетку, матовать могут лишь ферзь и ладья; одинокого короля матовать нельзя — ему надо оставить хотя бы одну фигуру. Все это увеличивает возможность ничьей и несколько удлиняет партию.

Партия монгольских шахмат хранится в Государственном музее восточных культур.

В. ХОРОС, С. СЕРГЕЕВ

ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ.

Рисунок К. Невлера.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин из музея «Архангельское», две страницы кадров из мультфильмов и две страницы цветных фотографий.

Шарж Дени

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится более трехсот рисунков замечательного советского художника В. Н. Дени. Здесь собраны сатирические рисунки, карикатуры и плакаты за 1921—1945 годы.

Остроумный талант Дени с большой силой проявился в дружеском шарже. В архиве сохранились выполненные с чувством теплоты и мягкого юмора его шаржи на писателей, артистов, общественных деятелей — М. Горького, Д. Бедного, Н. Семашко, Ем. Ярославского и многих других. Здесь публикуется малоизвестный дружеский шарж на русского певца Ф. И. Шаляпина.

Н. ЧЕРНИКОВ

Между небом и водой

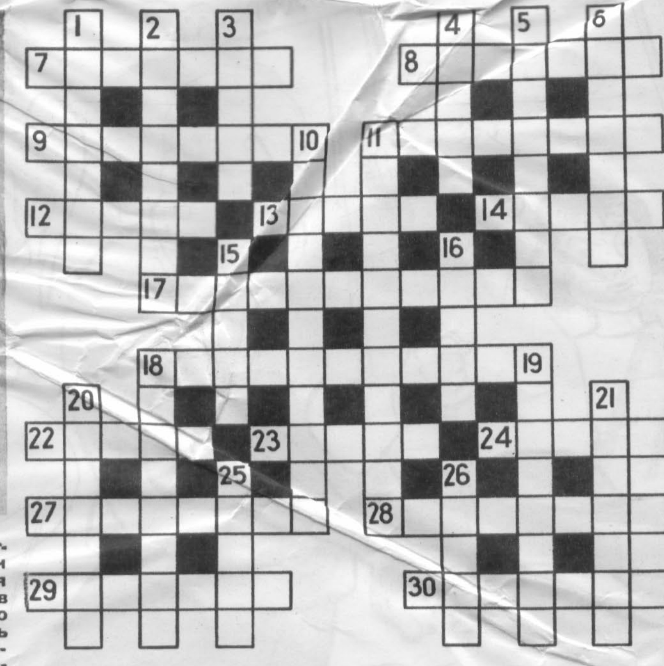

Прошлым летом я ходил с геологами поискового отряда по якутской тайге. На глухой речушке кто-то из нас увидел необычной формы лиственницу. Ее основной, «материнский» ствол, едва уцепившись корнями за край скалы, повис над рекой. Веточка этого ствола со временем сама стала большим деревом, утвердившимся между небом и водой...

Рабочий отряда Леня Ведерников, у которого был фотоаппарат, запечатлел странную лиственницу.

Л. ПАСЕНЮК

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 8. Отборные войска. 9. Вид скульптуры. 11. Высокосортное стекло. 12. Невеста Левко из повести Н. В. Гоголя. 13. Известный азербайджанский актер. 14. Пьеса А. Е. Корнейчука. 17. Объяснение, толкование текста. 18. Часть речи. 22. Дикая африканская лошадь. 23. Хвойное дерево. 24. Крупнейший из Малых Зондских островов в Индонезии. 27. Памятник. 28. Русский живописец XIX века. 29. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 30. Авторитет.

По вертикали:

1. Река в США. 2. Польский астроном. 3. Древнейшее колющее и метательное оружие. 4. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 5. Мерило для оценки. 6. Денежная единица Австрии. 10. Журналист. 11. Учебное пособие. 15. Механическое соединение разнородных предметов, веществ. 16. Французский писатель. 18. Советский скульптор. 19. Город в Красноярском крае. 20. Сельскохозяйственная работа. 21. Марка советского автомобиля. 25. Поэма М. Ю. Лермонтова. 26. Приток Ганга.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 25

По горизонтали:

3. Лермонтов. 7. Василёк. 8. Шоссе. 9. Урема. 11. «Далибор». 13. Роспись. 16. Стартер. 21. «Волна». 22. Коричное. 23. Ясменник. 24. Дукат. 26. Каракас. 29. Журавль. 31. Аллегро. 32. Гашек. 33. Нефть. 34. Мустанг. 35. Краснозём.

По вертикали:

1. «Медведь». 2. Конкурс. 4. Оригинал. 5. Шасси. 6. Сцена. 10. Горностай. 12. «Жерминаль». 14. Поливка. 15. Станица. 17. Туамоту. 18. Равнина. 19. Шведы. 20. Баяти. 25. Кабестан. 27. Кошка. 28. Сакмара. 29. Жонглёр. 30. Рифма.

ВОМБАТ

Представьте себе морскую свинку, увеличенную до размеров обычной свиньи. Таков вомбат, потомок одного из доисторических животных на австралийском континенте. У вомбата густая шерсть рыжего цвета, маленькие сердитые глазки, приземистое туловище на коротких лапах.

Живут вомбаты в глубоких норах, вырытых в земле. Питаются травой и корнями. При появлении человека или животных прячутся в свои норы. Своих маленьких детенышей самка носит в сумке на животе, подобно своим дальним родственникам — сумчатому медведю коала и австралийскому опоссуму.

А. КУЗНЕЦОВ

Сидней.
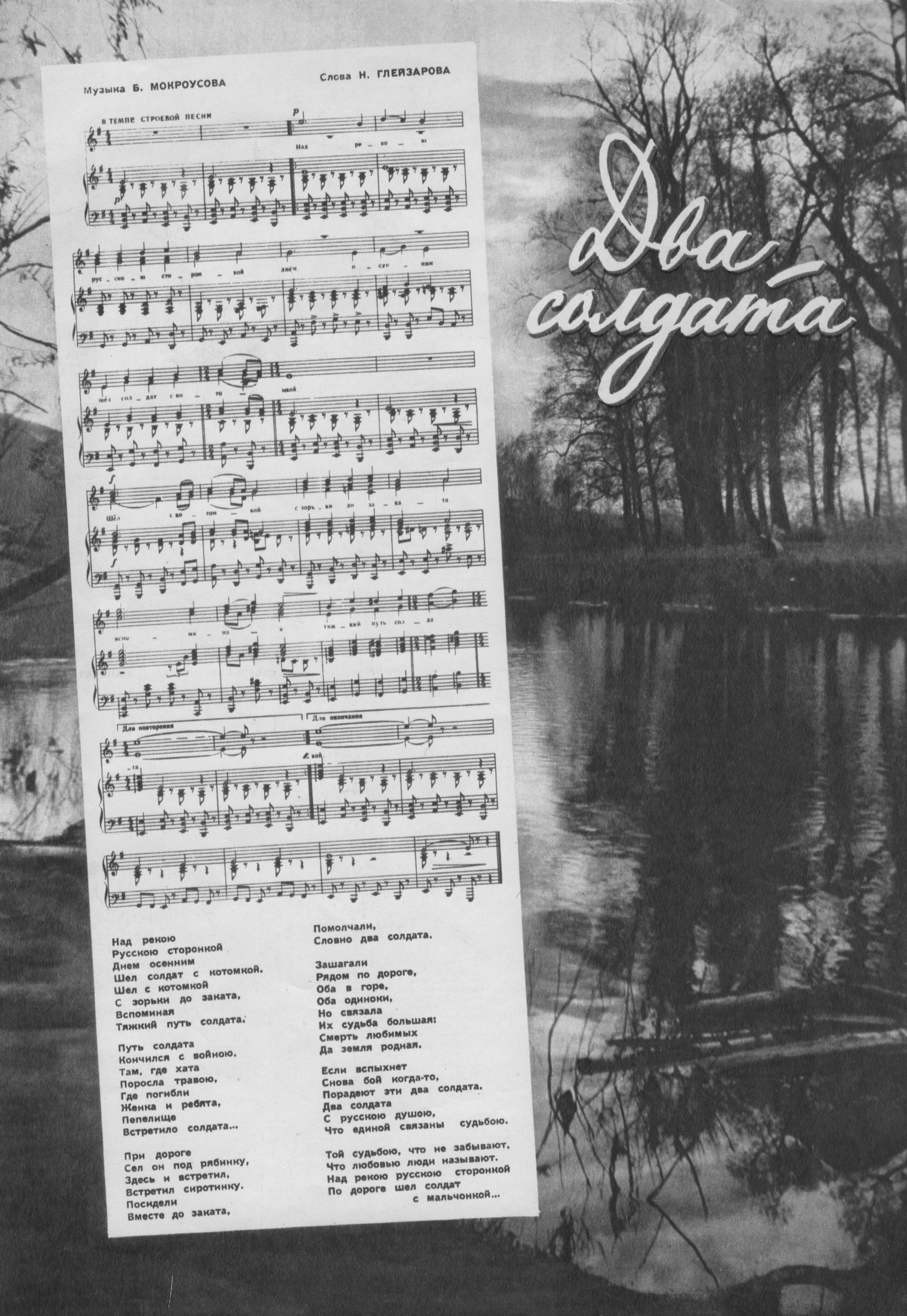
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03522. Подписано к печати 18/VI 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 635. Заказ № 1382.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Два солдата

Музыка Б. МОКРОУСОВА

Слова Н. ГЛЕЙЗАРОВА

Над рекою
Русскою сторонкой
Днем осенним
Шел солдат с котомкой.
Шел с котомкой
С зорьки до заката,
Вспоминая
Тяжкий путь солдата.

Путь солдата
Кончился с войною.
Там, где хата
Поросла травою,
Где погибли
Женка и ребята,
Пепелище
Встретило солдата...

При дороге
Сел он под рябинку,
Здесь и встретил,
Встретил сиротинку.
Посидели
Вместе до заката,
Помолчали,
Словно два солдата.

Зашагали
Рядом по дороге,
Оба в горе,
Оба одиноки,
Но связала
Их судьба большая:
Смерть любимых
Да земля родная.

Если вспыхнет
Снова бой когда-то,
Порадеют эти два солдата.
Два солдата
С русскою душою,
Что единой связаны судьбою.

Той судьбою, что не забывают,
Что любовью люди называют.
Над рекою русскою сторонкой
По дороге шел солдат
с мальчонкой...

Река Керженец. Горьковская область.
Фото А. Горячева.